
О 41/111
Всес. комитет
... Н.Я. Марру

ВЦКНА

Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марру

МОСКВА ★ 1936

Книга имеет: роспись

79

…чатных листов	Выпуск	В переплетн. един соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка	
13					1	14	241 459	8

—45

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

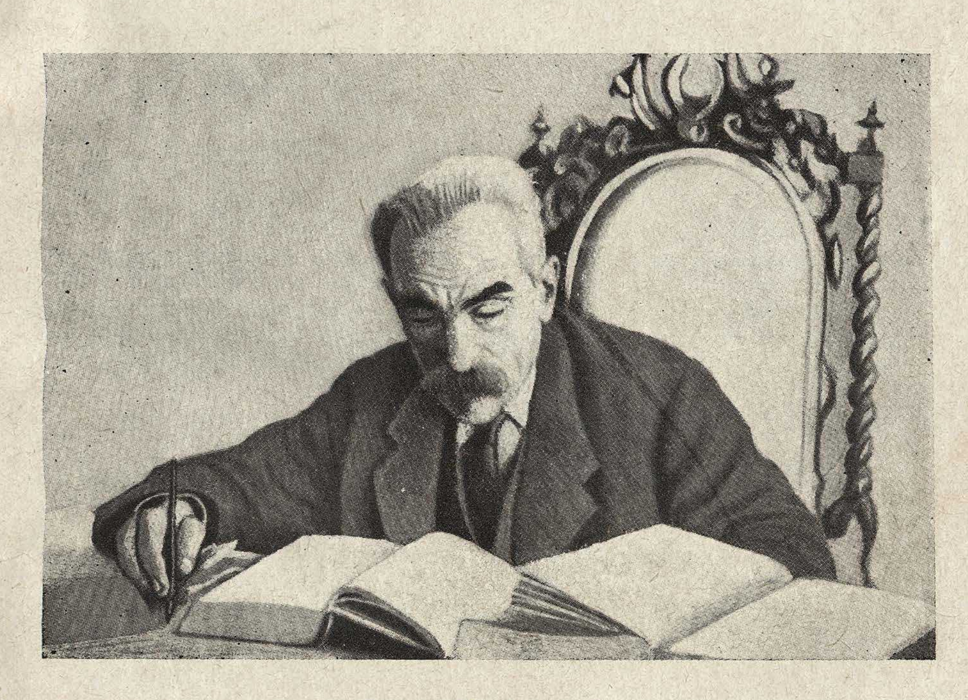
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА
Н. Я. МАРРУ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издательство «ВЛАСТЬ СОВЕТОВ» при Президиуме ВЦИК
Москва ★ 1936

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
2624-39

2010481920

НМарр

ПРЕДИСЛОВИЕ

Созданное Н. Я. Марром новое учение о языке, так называемая «яфетическая теория», открывает новые горизонты для исследований не только в области языкознания, но и ряда других наук. Н. Я. Марр в своих работах далеко выходит за рамки чисто лингвистических исследований: его теория имеет громадное значение и для истории материальной культуры, и для истории развития мышления, и для истории общественных формаций, и для литературоведения, и для философии, и для истории религии, и для истории искусства; в особенности велико ее значение для языкового строительства.

Н. Я. Марр изучал язык в тесной связи с мышлением и показал на богатейшем фактическом материале, что язык и мышление являются надстройками над материальным базисом и над общественными отношениями; в своем учении о едином глоттогоническом процессе Н. Я. Марр с большой глубиной мысли и громадной эрудицией показал, что язык является исключительным приобретением общественного человека, что язык возник и развился из потребностей и в процессе общественного труда, что развитие языка проходит ряд стадий в зависимости от социальных формаций и экономических структур, что движение языка и мышления идет скачкообразно, путем революционных сдвигов, вслед за революционными сдвигами в самом обществе. Палеонтологический метод, примененный Н. Я. Марром в языкознании, дал возможность вскрыть самые ранние этапы развития речи и мышления и построить стройную историю развития языка. Человеческая речь, как доказал Н. Я. Марр, развивается от множества мелких разрозненных примитивных языков на ранних ступенях развития общества, через крупные и менее многочисленные национальные языки к будущему единому общечеловеческому языку в бесклассовом обществе. Этим учением о едином глоттогоническом процессе Н. Я. Марр доказал и иллюстрировал на богатом языковом материале гениальное положение, высказанное т. Сталиным на XVI съезде ВКП(б).

Своим новым учением о языке Н. Я. Марр самым ярким и наглядным образом опровергает «теории» буржуазных лингвистов, рассматривающих язык как нечто данное человеку от природы или от бога, как нечто вечное, хотя и изменяющееся в своих деталях, но неизменное в своей основе.

В противоположность этим «теориям» Н. Я. Марр, построив материалистическое учение о языке, показывает, что все языки являются звеньями в общем языкотворческом процессе, что особенность тех или иных языков зависит в конечном итоге от уровня развития общества, что отсталость многих языков есть явление преходящего, исторического порядка, зависящее от более отсталой экономической структуры и общественных отношений соответствующих народностей. Таким образом все языки всего мира являются принципиально равно-

ценными и принципиально способными к достижению такого уровня развития, при котором на них могут быть выражены все крупнейшие достижения культуры и человеческой мысли.

Мы это наглядно видим на ряде языков нашего Союза, которые в дореволюционное время под зверским гнетом царизма находились на последней ступени отсталости, почти на грани исчезновения, и которые после Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей трудящиеся массы всех национальностей, получили возможность всестороннего расцвета и развития для выражения всего объема новых понятий и отношений, возникающих в процессе социалистического строительства, и для полного обслуживания этого строительства.

Учение академика Н. Я. Марра, подводящее теоретическую базу под это равноправие языков, имеет крупнейшее практическое значение для всех национальностей нашей страны, для строительства национальных по форме и социалистических по содержанию культур.

Н. Я. Марр в свей деятельности всегда придерживался принципа единства теории и практики. Он принимал самое активное участие в разрешении проблем языкового строительства как своими теоретическими работами по актуальнейшим вопросам языкового строительства многочисленных народов СССР, так и своим личным участием и руководством деятельностью ряда учреждений, работающих в этой области.

Работы Н. Я. Марра дают возможность разрешить ряд проблем языковой практики, как проблему строительства и развития письменности для ранее бесписьменных народов, проблему взаимоотношения литературного языка и диалектов, которая является весьма острой для новых создающихся письменностей, проблему разработки терминологии и обогащения прежде отсталых языков новыми лексическими материалами и т. д.

Одной из крупнейших заслуг Н. Я. Марра является его работа над бесписьменными языками и над языками с молодой, начинающей развиваться письменностью. Перенеся центр тяжести своих исследований на языки народностей, раньше угнетенных царизмом, Н. Я. Марр много содействовал поднятию этих языков на более высокий культурный уровень. В этом отношении он проявлял огромную энергию. Он руководил рядом научно-исследовательских экспедиций, сам участвовал в них; несмотря на свою загруженность научной работой и руководством ряда научных учреждений, совершал многочисленные поездки для собирания материалов, выезжал на места для прочтения научных докладов и для организации там научной работы и т. д.

Н. Я. Марр принимал активное участие в работе Всесоюзного центрального комитета нового алфавита по развитию и усовершенствованию письменности на языках, обслуживаемых ВЦКНА. Н. Я. Марр сделал глубокий, теоретический доклад на I пленуме Научного совета, участвовал в ряде совещаний при ВЦКНА, давал научные консультации, участвовал в подготовке научных экспедиций, организованных ВЦКНА, а некоторые экспедиции он сам возглавлял.

Издавая настоящий сборник к годовщине смерти академика Н. Я. Марра, ВЦКНА помещает в нем ряд статей, имеющих своей целью популяризировать новое учение о языке, а также показать коренное различие между теорией Н. Я. Марра — с одной стороны, и буржуазными и социал-фашистскими языковыми «теориями» — с другой стороны. В этом сборнике мы помещаем также подробную аннотированную библиографию всех работ Н. Я. Марра.

Н. Я. МАРР
И НОВОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В общем процессе грандиозной культурной революции,— процессе созидания «национальных по форме и социалистических по содержанию» многочисленных культур СССР, бурными темпами развивающихся на основе исторических успехов строительства социализма, — вопросы языкового строительства приобретают особенное политическое значение.

Чтобы показать важность этих вопросов, достаточно только назвать такие из них, как создание алфавитов для множества бесписьменных вплоть до Октября языков (горских народов Кавказа, Севера и др.), латинизация устарелых традиционных алфавитов (арабского, древне-еврейского, монгольского и др.), которые не соответствуют ни требованиям, предъявляемым современной графической техникой, ни задачам превращения письменности из классового достояния и орудия угнетения в руках эксплоататоров в доступное всей массе трудящихся мощное средство приобщения к социалистическому строительству — рычаг культурного подъема; далее, тесно связанные с этими вопросами, с одной стороны, задача постепенной унификации многочисленных графических систем, в итоге чего уже выработан новый латинизированный алфавит народов СССР, а с другой, — ликвидация массовой неграмотности; создание на базе существующих младописьменных живых диалектов и говоров новых литературных языков, которые сейчас насчитываются уже десятками; создание и регулирование терминологических и орфографических систем; перевод почти на все национальные языки трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и приобщение тем самым к этим высшим формам пролетарского языка развивающихся языков культур; обогащение сокровищницы литературных языков народов СССР всеми достижениями человеческого мышления и практики и борьба со всеми засоряющими речь пережитками прошлого; разработка новых исследовательских и учебных грамматик, составление всевозможных словарей; проблема языка, литературы, социалистического реализма и ряд других, не менее актуальных, в известной части уже разрешенных, в части же лишь только намеченных задач, которые все являются результатом победоносно развертывающегося социалистического наступления. Нет нужды доказывать, что сюда же следует отнести и большой, сложный комплекс вопросов, связанных с изучением — преподаванием родных и чужих языков в советской школе разных ступеней.

Практика социалистического языкового строительства в СССР встречает бешеное сопротивление сомкнутого фронта классовых врагов, начиная от матерых зубров «единой и неделимой святой Руси», проклинающих большевиков за «надругательство над великим русским языком», и кончая ультра-интернационалистски настроенными «леваками», усматривающими в реализации на деле равноправия национальностей в СССР «сдачу пролетариатом завоеваний Октября»,

чуть ли не ликвидацию самой пролетарской диктатуры. На каждом шагу они пытаются помешать развертыванию языковой стройки, там выступая открыто против национальных языков и заявляя, что «по существу никакой грани между языком обезьяны и представителя отсталой народности провести нельзя», здесь выражая сомнения в целесообразности культивирования родной речи вместо того, чтобы сразу же научить эти народы если не русскому, то другому, например, английскому языку, во всяком случае языку широко распространенному и высоко культурному. И на языковом участке общего фронта борьбы за социализм враждебные пролетариату политические направления смыкаются с чуждой и враждебной ему буржуазной индоевропеистской лингвистической теорией, и только новое учение о языке, созданное великим советским ученым — Николаем Яковлевичем Марром, является в основном диалектическим и материалистическим построением лингвистики.

I. ЖИЗНЬ Н. Я. МАРРА

1.

Николай Яковлевич Марр родился 7 января 1865 г. в Кутаисе (Западная Грузия), где его отец, шотландский эмигрант, руководил сельскохозяйственной школой. Раннее детство провел он на родине матери-грузинки в Гурии, в захолустном городке Озургетах, при дворе обедневшего владетельного феодала — князя Гуриели.

Смерть отца лишила Н. Я. Марра и его мать почти всяких средств к существованию. Родные выгнали их из дому, и только энергия матери, добившейся после долгих просьб и мытарств (приходилось пешком добираться до кутаисских и тифлисских канцелярий) приема сына в пансион гимназии, спасла Н. Я. Марра для науки.

В кутаисской гимназии Н. Я. Марр очень скоро стал авторитетом в двух совершенно разных областях: в изучении иностранных языков (французского, итальянского, немецкого, английского, греческого и, особенно, латинского) и в самых необузданных играх и шалостях. В последних классах гимназии к этим увлечениям прибавились еще литературные занятия. Переживая в эти годы вместе со своими сверстниками и всей передовой грузинской общественностью период сильного влияния идей грузинского народничества, Н. Я. Марр проникается духом народничества и демократического национализма, мечтает о борьбе с Россией за освобождение Грузии, начинает усиленно заниматься различными проблемами грузиноведения, в частности вопросами грузинского языкознания.

Первоначальное желание итти на медицинский факультет сменяется у Н. Я. Марра решением поступить на факультет восточных языков, в чем он усматривает единственный путь найти ключ к разрешению интересующих его проблем грузиноведения. Вопреки всем советам учителей и товарищей, всячески отговаривавших его и пугавших жалкой карьерой грузинского сельского учителя, Н. Я. Марр поехал в Петербург и поступил на манивший его факультет.

Вдохновленный идеями национального возрождения Грузии, полный юношеского энтузиазма, Н. Я. Марр жадно накинулся на открывшуюся перед ним возможность учебы, чтобы сразу же овладеть всеми возможными путями, ведущими к разгадке волновавшей его проблемы грузинского языка. В университете он занимался одновременно по трем разрядам факультета — кавказскому, арабско-персидско-турецкому и семитическому, изучая помимо грузинского языка (у проф. А. А. Цагарели) еще и армянский (проф. К. П. Патков), араб-

ский (проф. В. Р. Розен), персидский (проф. В. А. Жуковский и Черняев), турецкий (проф. В. Д. Смирнов и Березин), еврейский (проф. Д. А. Хвольсон), санскрит (С. Ф. Ольденбург), сирийский (проф. Д. А. Хвольсон) и другие, пробуя в те же годы овладеть этрусским и баскским языками.

Уже на втором курсе, т. е. в 1885—1886 акад. году, слушая арабский язык у корифея петербургского востоковедения барона В. Р. Розена, Н. Я. Марр был поражен сходством ряда характерных особенностей этого языка со своим родным грузинским. Он почувствовал, что напал на правильный путь, и поспешил поделиться своими соображениями с товарищами по факультету и с самим В. Р. Розеном, рассчитывая на их поддержку и одобрение. Ожидания эти не оправдались. Неверие В. Р. Розена, заявившего, «что если бы это было верно, то не ждали бы приезда кого-либо с Кавказа и давно это стало бы известно», хотя и огорчило Н. Я. Марра, однако, с другой стороны, толкнуло его на то, чтобы попытаться доказать правильность своей позиции дальнейшими более углубленными изысканиями. Расширив свои познания в семитологии, Н. Я. Марр еще больше убедился в своей научной правоте и в 1888 г. опубликовал в грузинской газете «Иверия» свою статью о родстве грузинского языка с семитическими.

К этому же времени относится и столкновение Н. Я. Марра со своим учителем — профессором-грузиноведом А. А. Цагарели. Последний, представлявший на факультете отсталое тогда грузиноведение, еще задолго до опубликования статьи Н. Я. Марра усмотрел в его взглядах не только ни на чем не основанную фантазию, но и выпад против себя со стороны дерзкого и самоуверенного студента. Эти взгляды задевали его сразу с нескольких сторон. Больше того, он начал с беспокойством усматривать в Н. Я. Марре претендента на свою кафедру и решил воспрепятствовать этой мнимой опасности, дискредитируя дипломную работу ученика-соперника, как ненаучную.

Только авторитетное вмешательство В. Р. Розена, фактического главы факультета, который успел уже к этому времени убедиться в исключительных академических способностях Н. Я. Марра, разрушило планы проф. А. А. Цагарели, и сочинение было оценено медалью, хотя лишь серебряной.

Между тем Н. Я. Марр и не мечтал о том, чтобы остаться в Петербурге и занять кафедру проф. Цагарели, так как он намеревался после окончания университета вернуться для дальнейшей работы на родину. Желание это, казалось, находилось уже на грани осуществления, когда в 1889 г. Кавказский учебный округ предложил ему совершить поездку в Сванию. Но в грузинской среде Н. Я. Марр почувствовал нарастание недовольства за его утверждения о связях грузинской литературы с персидской, о персидском происхождении фабулы «Витязя в барсовой коже», о факте перевода грузинской библии с армянского.

Эти положения Н. Я. Марра, устанавливающие зависимость грузинской литературы от персидской и армянской, являлись с точки зрения грузинских националистов совершенно неслыханным нападением на драгоценнейшее национальное достояние, нападением, граничащим с прямым предательством. Пришлось отказаться от первоначального плана, вернуться в Петербург и согласиться на предложение, сделанное другим его учителем, проф. К. П. Паткановым, — готовиться к профессуре по армяноведению.

Неподчинение Н. Я. Марра чувству культивировавшейся в среде грузинской интеллигенции (исключение составляли лишь будущие кадры грузинский большевиков) почти зоологической ненависти к ар-

мянам, его нежелание поступиться в угоду ей научной прямолинейностью и честностью, его решение итти и впредь независимым путем сделало невозможной его дальнейшую официальную работу по линии грузиноведения. Более того, эта независимая от грузинского национализма линия поведения Н. Я. Марра, которая все время подвергалась яростным атакам его противников, лишила его возможности опубликовать важнейший труд первого этапа развития его взглядов— сравнительную грамматику грузинского языка с семитическим, которая до напечатания пролежала почти два десятка лет.

2.

В мае 1891 г. Н. Я. Марр был назначен приват-доцентом по кафедре армянского языкознания и литературы. С осени того же года он приступил к чтению лекций на факультете. И здесь дело не обошлось без скандала. Специальная армянская депутация отправилась к министру народного просвещения с протестом против предоставления армянской кафедры грузину. Еще до этого Н. Я. Марру пришлось снова столкнуться с проф. А. А. Цагарели. Последний, теперь уже заведующий кафедрой, решительно отказался экзаменовать Н. Я. Марра, пришедшего к нему на магистерское испытание; единственную поддержку в эти, да и в последующие годы, когда каждый шаг вперед приходилось брать с бою, Н. Я. Марр находил у В. Р. Розена — своего любимого учителя. В. Р. Розен помогал ему не только устроиться на факультете, но и привлек его к работе тогдашнего центра русского научного востковедения — восточного отделения Русского археологического общества.

В лице Н. Я. Марра В. Р. Розен быстро разглядел работника, могущего быть весьма полезным для развития русского востоковедения.

Весной 1890 г. Н. Я. Марр был командирован факультетом в Армению (Эчмиадзин и Севан), где работал над средневековыми армянскими рукописями. В 1892 г. он вторично побывал в Армении, но на этот раз уже с другими научными заданиями. При содействии В. Р. Розена Археологическая комиссия в 1892 г. поручила ему произвести раскопки в средневековом городе Армении — Ани. Это поручение было повторено и в 1893 г., когда помимо Ани Н. Я. Марр приступил к раскопкам также в Ворнаке, где впервые столкнулся с памятниками уже «доисторическими». Раскопки Ани, по мысли Археологической комиссии, должны были показать Западу, что и русская наука заинтересована древностями Кавказа и может на этом поприще добыть не менее ценные материалы, чем иностранные экспедиции на Переднем Востоке.

Раскопки в Армении сопровождались длительными и кропотливыми работами по сбору на местах материалов для уже наметившейся тогда магистерской диссертации Н. Я. Марра на тему о средневековых армянских сборниках сказок и притч, приписываемых Вардану. И раскопки и разъезды по Армении столкнули Н. Я. Марра лицом к лицу не только с армянской крестьянской средой, ее бытом и фольклором, но и живой армянской речью, представленной многочисленными бесписьменными диалектами. Прислушиваясь к совершенно неизвестным ему живым говорам, он начинал улавливать их сходство с родными ему диалектами грузинской деревни и даже многое понимал. В то же время ученые монахи из Эчмиадзина, сопровождавшие его, никак не могли разобраться в «варварском» наречии «родного» крестьянства, которое, в свою очередь, ничего не понимало в

их мертвой классической древнеписьменной речи. Живая речь армянского крестьянства оказалась более близкой к живой же речи грузинского крестьянства, чем к языку армянских феодалов.

Все эти годы Н. Я. Марр вел обычные университетские курсы и занятия по армянскому языку и филологии, которые заставляли его все глубже уходить в проблемы арменистики, отвлекая его от изучения проблем происхождения и развития грузинского языка.

Однако и в области армеповедения Н. Я. Марр недолго шел по старым традиционным путям. И здесь он столкнулся с господствовавшим националистическим подходом к научным вопросам, который препятствовал глубокому изучению, болезненно воспринимая все критическое, как посягательство на национальную честь армянского народа. В результате выработавшейся за столетия филологической разработки арменистики главным образом учеными монахами клерикально-феодальной концепции армянской истории, последняя так же, как и грузинская, строилась на основе изоляции.

В целом ряде своих работ Н. Я. Марр на огромном количестве различных по характеру фактов показал, что армянский народ, его культура и в частности язык теснейшим образом увязаны хотя и с пестрой, но в существе своем однородной кавказской средой, которая в свою очередь находится в близких отношениях с семитическим культурным миром и выступает лишь как часть единого целого христианского Востока, охватывающего страны от Эфиопии и Египта до Балкан, России, Грузии и Армении.

Из числа этих работ, носивших филологический характер и посвященных выяснению армяно-грузинских, грузино-персидских, армяно-сирийских, армяно-греческих, грузино-греческих, грузино-арабских, армяно-арабских литературных взаимоотношений, где попутно выяснялись и уточнялись словарное влияние и взаимные вклады всех культурных языков средневекового переднеазиатского мира, — первое место, бесспорно, занимает капитальная магистерская диссертация Н. Я. Марра: «Сборники притч Вардана» (3 тома, 1894—1899). В выборе темы и построении этого классического труда сказалось заметное влияние крупнейшего литературоведа русской буржуазии — академика Александра Николаевича Веселовского, расцвет деятельности которого как раз совпадал с годами учебы и формирования исследовательских путей Н. Я. Марра. Еще в студенческие годы Н. Я. Марр имел возможность непосредственно общаться с знаменитым литературоведом, знакомясь с его воззрениями не только по книгам, но и в многочисленных беседах. Надо отметить, что влияние взглядов творца исторической поэтики сказывается в трудах Н. Я. Марра и на следующих этапах, захватывая область проблем не только литературоведческих и фольклорных, но и чисто лингвистических. С другой стороны, и А. Н. Веселовский под заметным влиянием Н. Я. Марра в последние годы своей жизни начал сильно интересоваться вопросами культурной истории Кавказа.

Получив искомую степень магистра армянской словесности, Н. Я. Марр в 1900 г. назначается исп. обяз. экстраординарного профессора, а в 1901 г. защищает докторскую диссертацию «Ипполит, толкование Песни Песней», где на материале описанной им еще в 1888 г. неизвестной до того рукописи, прослеживает факты литературного влияния армян на грузин. В 1902 г. Н. Я. Марр назначается уже ординарным профессором по кафедре армянской и грузинской словесности, добившись, наконец, самостоятельного положения на факультете.

В 1902 г. Н. Я. Марр совместно с византиистом А. А. Васильевым и своим учеником — грузинским историком И. А. Джаваховым совершил восьмимесячную экспедицию на Синай и в Палестину (Иерусалим), где розыскал целый ряд совершенно неизвестных науке ценных средневековых памятников. Главной целью поездки на Синай являлось для Н. Я. Марра ознакомление с древнейшей грузинской датированной рукописью 864 г. Детальное изучение этой рукописи установило совершенно парадоксальный, как тогда ему казалось, факт: грузинский феодальный язык IX века, зафиксированный в этой рукописи, выглядел не только что не архаичным, но даже более новым, чем живая, прежде всего крестьянская, грузинская речь. Снова при сопоставлении мертвого письменного языка с живыми говорами обнаружилось не только их резкое расхождение (как это было установлено с армянскими языками), но и более архаичный характер живого языка масс. Традиционные догмы буржуазной филологии оказывались в корне порочными.

3.

Революция 1905 г. прямого влияния на работу Н. Я. Марра не оказала, однако политические события на Кавказе вызвали целый ряд его печатных выступлений, в которых он резко протестовал против провокационной национальной политики царизма на Кавказе, заявляя, что «неумолимым врагом как Армении, так и Грузии являлся всегда тиранический строй великих держав, независимо от веры или расы великодержавных народов». В то же время Н. Я. Марр высказывал свои симпатии не только восставшим гурийским крестьянам, но и малочисленным грузинским большевикам [1], которые являлись единственным подлинно революционным и последовательно интернационалистским отрядом среди многочисленных, уже охваченных национальным шовинизмом различных кавказских «социалистических» партий и групп (см. его брошюры: «Из гурийских наблюдений и впечатлений» (по поводу бакинских событий), СПБ, 1905 г. и «История Грузии» (по поводу слова прот. И. Вострогова о грузинском народе), СПБ, 1906 г. Активно выступал в годы первой революции Н. Я. Марр и в защиту развернутой культурно-национальной автономии Грузии, всячески отстаивая необходимость создания развернутой сети школ на родном языке и автокефальность грузинской церкви. К последнему вопросу Н. Я. Марр подходил также с социально-политической стороны, так как его взгляды на историю церкви в Грузии резко расходились с мнениями не только русских, но и грузинских церковников.

Революционный подъем во всей стране способствовал сильному увеличению интереса к вопросам национальной культуры и истории народов России в широких кругах. Если раньше на лекциях Н. Я. Марра бывали только одиночки и его маленькая аудитория почти всегда пустовала, то теперь число его слушателей сильно возросло, и занятия пришлось перевести в другое, более просторное помещение. Приходится все же отметить, что новая концепция Н. Я. Марра, на-го-

[1] В 1928 г. М. Н. Покровский писал: «Есть интереснейшие его [Н. Я. Марра] воспоминания о революционном движениии в Грузии в 1905 г. Марр не был участником этого движения, он смотрел на него со стороны, глазами наблюдателя, принадлежащего к другому классу, но глазами необыкновенно сочувственными. О гурийской революции им написаны чрезвычайно яркие страницы, и в этих страницах, написанных почти четверть века назад, сквозит весьма определенное сочувствие именно большевизму» («Известия ЦИК СССР» № 118 от 23 мая 1928 г.).

лову разбивавшая националистические построения армянской и грузинской истории и противопоставлявшая национальной вражде национальное объединение на основе развития общекавказской культуры, плохо прививалась.

Капитальные филологические труды, блестящий успех археологических раскопок в Ани[1], авторитет крупнейшего специалиста-кавказоведа — все эти заслуги Н. Я. Марра перед мировой наукой, отмеченные, как это нередко бывало в царской России, сначала за границей, а потом уже и благодарным отечеством, побудили Академию наук избрать Н. Я. Марра в адъюнкты по литературе и истории азиатских народов. Весьма характерно, что в специальной «Записке» о его ученых трудах, которая за подписями 9 академиков обосновывала его кандидатуру в Академию, всем его лингвистическим работам уделено ровно... три с половиной строчки. Новые пути, предложенные Н. Я. Марром в изучении кавказских языков, весьма мало интересовали даже его друзей. Впрочем, нелишне отметить, что В. Р. Розен, который познакомился с «Основными таблицами», будучи уже больным и за три дня до смерти, на этот раз отнесся к теории Н. Я. Марра о родстве грузинского языка с семитическими совершенно по-иному, чем в 1886 г. Он внимательно прослушал текст «Предварительного сообщения о родстве грузинского языка с семитическими» и признал, что все было здесь Н. Я. Марром продумано и проработано и ясно доказано.

Уже через год после избрания в Академию наук Н. Я. Марр энергично принимается за развертывание и укрепление своей теории, которая получила наименование яфетической теории. Установив еще в студенческие годы родство грузинского языка с семитическими, Н. Я. Марр назвал по аналогии с давно принятыми в лингвистике терминами «семитический» и «хамитический» генетически связанную с ними группу южно-кавказских языков (грузинский, мегрельский, чанский, сванский и ряд мертвых) «яфетической». В свою очередь, общий праязык для всех трех родственных языковых «семей» — семитической, хамитической и яфетической — получил название языка «ноэтического». Таким образом на первом этапе своего развития теория Н. Я. Марра сводилась к установлению частного компаративистского построения о родственных связях двух конкретных групп языков (семитической и яфетической), однако и это уже казалось крайне революционным и потому недопустимым для адептов официальной лингвистики. Не столько по существу волновало их неуважение Н. Я. Марра к авторитетам, сколько нарушение им лежащей в основе индоевропеизма расовой теории: семиты оказывались в близком родстве с картвельской расой.

Перейдя от древне-литературных классических языков армян и грузин к живым диалектам и бесписьменным языкам Южного Кавказа, сначала к близко родственным с грузинским, чанскому и мегрельскому языкам, затем к более далекому сванскому и, наконец, очень отдаленному от грузинского, абхазскому языку, яфетидолог почувствовал, что филологические занятия одними письменными языками Кавказа, армянским и грузинским, извращали все кавказоведение и мешали правильной его постановке.

Быстро сменяя одна другую, следуют поездки-экспедиции

[1] Они были Н. Я. Марром возобновлены в 1904 г. на средства, собранные среди армянской общественности, и гонорары от читанных им лекций. Раскопки в Ани продолжались ежегодно вплоть до 1917 г. О них см. в труде Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. ГАИМК», 1935 г.

Н. Я. Марра в турецкий Лазистан (1910 г.), Сванию (1911, 1912, 1914 гг.), Абхазию (1911, 1912, 1913, 1915—1916 гг.) к бацбиям (цоватушинам), чеченам и ингушам (1913), в Дагестан (1914, 1915 и 1916—1917 гг.), отлагаясь в виде ряда исследований, выясняющих не только отдельные лингвистические и этнографические вопросы, но и взаимоотношения многочисленных так называемых «горских» языков Кавказа, которые все определяются как члены разных ветвей яфетической семьи[1]. К работе над живыми языками Кавказа привлекаются и немногочисленные ученики, одному из которых — И. А. Кипшидзе принадлежит капитальная грамматика мегрельского языка.

Неутомимо трудясь над укреплением и развертыванием начавшей слагаться петербургской кавказоведной школы, Н. Я. Марр в то же время хлопочет над созывом в Тифлисе периодических съездов работников по армяно-грузинской филологии, не только специалистов, но и прежде всего и местных деятелей-дилетантов, чтобы способствовать развитию изучения Кавказа и на местах. Несмотря на содействие Академии наук, организация съездов (первый намечался в 1910 г.) натолкнулась на резкое противодействие кавказского наместника Воронцова-Дашкова, прославившегося своим жестоким подавлением революции 1905 г. на Кавказе и своей провокационной ролью в разжигании грузино-армянской вражды.

Тогда же (в 1909 и 1910 гг.) Н. Я. Марр произвел раскопки найденного им античного языческого храма в Гарни (Армения) и при поездке в Гехамские горы (к юго-востоку от Севанского озера) совместно с археологом Я. К. Смирновым впервые открыл огромные каменные изваяния рыб, так называемые «вишапы», памятники древнейшей культуры Армении.

Расширив и углубив изучение живых яфетических языков Кавказа, Н. Я. Марр не переставал интересоваться и мертвыми, сохранившимися только в клинописных надписях, загадочными языками переднеазиатского мира, относительно которых некоторыми учеными высказывались догадки о их родстве с грузинскими (язык ванских надписей, язык второй категории ахеменидских надписей и др.). Уже в 1914 г. он публикует работу «Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания», где дает расшифровку этого загадочного языка и устанавливает его принадлежность к яфетическим. За этой работой следует целая серия исследований Н. Я. Марра по другому клинописному языку — халдскому, памятники которого рассеяны на Южном Кавказе и в прилегающих областях Турции и Ирана. В составе значительно разросшейся яфетической семьи языков Н. Я. Марр теперь начал различать отдельные ветви, фонетически характеризуемые, как спирантная, сонарная[2] и сибилянтная с шипящей и свистящей группами.

Империалистическая война 1914—1918 гг., начало которой застигло Н. Я. Марра в Свании, не только не нарушила обычного хода его научных занятий, но даже в целом ряде отношений способствовала их развитию. Русская буржуазия, заранее предвкушая прелести победы, усиленно готовилась к захвату новых лакомых кусков, прежде всего на Ближнем Востоке, где успех в борьбе с Турцией казался ей вполне обеспеченным и силой армий Кавказского фронта и тайны-

---

[1] В то же время он знакомится по литературным источникам и с черкесскими языками (адыгейским и кабардинским).

[2] Дальнейшие изыскания вскоре заставили его отказаться от выделения этой группы.

ми соглашениями о разделе турецких территорий с государствами Антанты. Русская буржуазная наука, мобилизовавшая все свои силы для борьбы до победного конца, не только активно участвовала в организации средств борьбы под лозунгом «Наука обороне» (достаточно отметить только академическую комиссию по изучению естественных производительных сил России — КЕПС), но в лице своих крупнейших представителей — историков, археологов, востоковедов и пр. стремилась надлежащим образом подготовиться к обоснованию доводами науки предстоящих аннексий.

Не случайно поэтому, что именно в годы войны труды Н. Я. Марра привлекают к себе более внимательное, чем раньше, отношение, а его заслуги начинают публично подчеркиваться. 29 декабря 1915 г. в чрезвычайном общем собрании Русского археологического общества Н. Я. Марру присуждается высшая научная награда — большая золотая медаль им. А. С. Уварова, причем в большом отзыве В. В. Бартольда и Я. И. Смирнова о его анийских трудах уже много места уделяется и его яфетической теории, которая, по их словам, «станет, вероятно, со временем незыблемым «яфетическим элементом» при будущих построениях истории и лингвистики Передней Азии и Месопотамии и заполнит собою ту пустоту, которая чувствовалась многими». Академия наук назначает его руководителем охраны восточных древностей на Кавказском фронте, где благодаря Н. Я. Марра удалось спасти от гибели массу исторических памятников и ценных рукописей. Наконец, в 1916 г. осуществилась давно намечавшаяся и все откладывавшаяся из-за недостатка средств археологическая экспедиция в Ван (Турецкая Армения), руководство которой Русское археологическое общество поручило Н. Я. Марру. Блестящие результаты ванской экспедиции, в числе которых значились и находка учеником и ближайшим сотрудником Н. Я. Марра — И. А. Орбели больших клинописных надписей холадского царя Сардура II, жившего в VIII в. до н. э., еще больше способствовали популяризации яфетической теории, о которой считал уже нужным писать не только правый националист — историк древнего Востока проф. Б. А. Тураев, но и поэт Валерий Брюсов.

Между тем сам Н. Я. Марр, полностью погрузившись в разработку все увеличивающихся и увеличивающихся материалов, энергично работал над уточнением и перестройкой быстро растущей яфетической теории, дав в своих работах — «Кавказский культурный мир и Армения» (1915 г.), «К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа» (1916 г.) и «Кавказоведение и абхазский язык» (1916 г.) грандиозную схему всей древнейшей истории кавказских народов, в которых он тогда усматривал остатки этнических масс, загнанных с культурного юга на север, в горы Кавказа, нашествием индоевропейских племен. Сводя в одно целое разрозненные данные лингвистики, археологии, письменной истории и этнографии, он средствами расовой теории и теории миграций восстанавливал прошлое яфетической культуры, видя в ней залог будущего расцвета кавказских народов.

4

Октябрьская социалистическая революция и последовавшие события открыли перед Н. Я. Марром новые пути и новые задачи в его исследовательской деятельности. В то время, когда окружавшая его буржуазная академическая среда с нескрываемой ненавистью и бессильной злобой встретила диктатуру пролетариата и, оплакивая в па-

тетических иеремиадах гибель России и пришествие «антихриста», уже начала готовиться к котрреволюционной борьбе против власти советов, Н. Я. Марр сразу же после Октябрьского переворота открыто и решительно стал на сторону пролетарского государства и напрягал все свои силы, чтобы вместе с небольшой группой старых ученых специалистов помочь советскому правительству наладить работу в области науки и высшей школы.

В тяжелые годы гражданской войны, отнявшей у него старшего сына-красноармейца, погибшего весной 1920 г. на южном фронте, Н. Я. Марр, полностью отдавшись новой, сразу же захватившей его деятельности, не только неутомимо трудится над перестройкой целого ряда крупнейших научных и высших учебных учреждений (так в 1918 и 1919 гг. он принимает активное участие в реорганизации Петроградского университета, осуществляя проектировавшееся еще В. Р. Розеном слияние обоих гуманитарных факультетов в один и проводя новые учебные планы по востоковедным дисциплинам Лазаревского Института в Москве, Археологической комиссии и т. д.), но при прямой поддержке В. И. Ленина создает и совершенно новый научный центр — Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), бессменным председателем которой он состоял до самой смерти. С начала 1919 г. работает Н. Я. Марр также членом Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, вплоть до расформирования этой коллегии.

Еще накануне Октября в составленной им интереснейшей и актуальной даже сейчас записке «О Кавказском университете в Тифлисе» он разоблачал предательскую политику кавказских соглашателей всех мастей, в первую очередь своих соотечественников — грузинских меньшевиков и федералистов, указывая на них как на истинных виновиков тяжелых бедствий многострадальных народов Кавказа. В лекции, прочитанной в 1918 г. и озаглавленной «Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа», он разоблачает их как организаторов национальной вражды, вскрывая их позорную роль в кавказских событиях 1918 г. Однако и эту, всю пропитанную духом скорби и трагизма работу он заканчивает полным не только утешающего оптимизма, но глубокого научного прозрения, словами о том, что «Кавказ отнюдь не гибнет, как не гибнет и Россия».

Наряду с научно-организационной и общественно-политической работой не прекращал Н. Я. Марр и своих исследовательских занятий. Наоборот, как раз в 1918 г. в результате открытия новых фактов наметился решительный перелом в развитии яфетической теории. Летом этого года Н. Я. Марр впервые получил возможность познакомиться с собранными И. Зарубиным в 1916 г. на Южном Памире материалами мало исследованного вершикского языка, у которого он вскоре определил теснейшую связь с яфетическими языками Северного Кавказа.

Отрезанный фронтами гражданской войны от Кавказа, что лишало его возможности продолжать лингвистические поездки к кавказским горцам и вынуждало вести занятия живыми кавказскими языками лишь на основе прежних записей и только с отдельными, случайно им находимыми туземцами, Н. Я. Марр использовал вынужденное уменьшение работ в этом отношении усилением исследований в области культурных и этнических взаимоотношений кавказского мира с окружающей его не-яфетической средой. Вслед за начатой печатанием еще в 1911 г. серией «Яфетические элементы в языках Армении», где прослеживалась сначала понимаемая им как смешанная, ме-

ханически включавшая в себя разнородные элементы, а затем как скрещенная двухприродная индоевропейско-яфетическая структура армянского языка, Н. Я. Марр перешел к другому такому же скрещенному языку — осетинскому и, наконец, весной 1920 г. приступил к анализу яфетических элементов в греческом языке, который сохранил много пережитков до-индоевропейского состояния. В свою очередь, проблема греческого языка ставилась им в неразрывной связи с загадочным языком древних насельников Греции и древней Эгеиды — пелазгов и другим, не менее темным для современной лингвистики языком этрусков.

Усиленно готовясь к первой после революции поездке за границу, Н. Я. Марр одновременно с отмеченными здесь работами штудировал и язык басков, который, будучи совершенно изолированным от окружающих его романских языков, гипотетически связывался некоторыми исследователями с языками Кавказа. Как и этрусским, Н. Я. Марр занимался баскским языком еще в университетские годы, однако вскоре отошел от этих занятий, так как не нашел тогда ничего общего у этих языков с единственно занимавшим его грузинским языком. Теперь же, опираясь на богатейшую осведомленность свою не только в живых кавказских языках, но и в памятниках клинописи, Н. Я. Марр чувствовал важность изучения этих неприступных для индоевропеистов языков и вскоре мог дать два труда, в которых выявлялось яфетическое происхождение и басков и этрусков («О яфетическом происхождении баскского языка» и «К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пелазги»). Эти работы знаменовали собой не только бурный рост яфетической теории, но и открывали перед ней совершенно новые горизонты. Яфетидология переставала быть кавказоведческой наукой, превращаясь в науку о древнейшем, досемито-хамитском и до-индоевропейском населении всего обширного района от Атлантики до Гималаев.

Изучение материалов этого этапа в развитии яфетической теории сделает ясным и бесспорным для всякого непредубежденного человека, что только под влиянием творческих импульсов Октябрьской социалистической революции, только в полной энергии и юношеской жизнеустремленности обстановке Советской страны эпохи гражданской войны был возможен такой мощный, прорывающий старые традиционные схемы и представления взлет исследовательской мысли крупнейшего ученого специалиста, такая отважная решимость его сломать дело десятилетий, чтобы в неимоверно короткий срок воздвигнуть на новой базе новое теоретическое построение.

Все глубже и глубже входя в седую древность средиземноморского мира, воссоздавая его угасшую культурную жизнь изучением памятников материальной культуры и, особенно, палеонтологии языка, Н. Я. Марр усиленно привлекает весь арсенал средств, находящихся в распоряжении буржуазной этнологии, — расовую теорию, учение о первичных очагах и миграциях, культурные ареалы, чтобы увязать яфетические языки Кавказа, Пиренеев и Памира и общие элементы в культуре их носителей — яфетидов древности и современности в одно расово-культурное целое, объединенное общностью расового происхождения и сложными миграциями первобытных яфетических племен с кавказской прародины на отдаленную периферию. Наряду с признанными наукой семито-хамитами и индоевропейцами в роли строителей средиземноморской, тем самым общеевропейской культуры выступают и яфетиды, отложения речи и культуры которых Н. Я. Марр вскрывает в различных уголках Средиземноморья.

Разработке нового построения яфетической теории посвящает

Н. Я. Марр все время своей командировки (сентябрь 1920 г. — июнь 1921 г.) и предварительный отчет по ней в Академии наук (29 июня 1921 г.) заканчивает предложением организовать специальный Институт яфетидологических изысканий, так как огромные масштабы предстоящих работ по выявленным материалам яфетического языкознания делают невозможной изолированную работу ученого-одиночки и настойчиво выдвигают требование совместной исследовательской деятельности целого коллектива научных работников. Уже осенью 1921 г. Яфетический институт Академии наук был организован и приступил к работе, превратившись в основную базу яфетидологических исследований (в 1931 г. он реорганизован в Языковедный центр Академии наук — Институт языка и мышления).

Третий этнический элемент средиземноморской культуры — яфетиды — постепенно отыскивается Н. Я. Марром в разных областях Афревразии, выступая как древнейший расово-культурный пласт, перекрытый сверху позднейшими семито-хамитическими и индоевропейскими отложениями. Перенося в полную противоположность индоевропеистам-младограмматикам центр тяжести в своих лингвистических исследованиях с формальной фонетико-морфологической стороны на внутреннее содержание речи, ее смысловую сторону — семантику (в «Яфетическом Кавказе» ей уделяется особое внимание), Н. Я. Марр отмечает связь яфетидологической палеонтологии с проблемой общественного происхождения языка, которая с этого времени прочно входит в орбиту его исследований.

«Исключительное значение яфетических языков по этому вопросу, — писал в «Яфетическом Кавказе» Н. Я. Марр, — в том, что в них с нарождением новых потребностей и удовлетворяющих их форм, типологически принадлежащих иному строю, строю второго и третьего периода, первичные, психологически уже пережитые формы материально не убирались из живого инвентаря, а дошли до нас отложившимися в наличных яфетических языках. Преимущественное и особо благоприятное положение яфетической теории не в ее незыблемых началах, не в количестве или в качестве сильных умом ее работников, а в творящих ее, воспитывающих ее работников материалах, пережиточно-наследственно накопленных из дояфетического состояния речи за все пройденные периоды в самих яфетических языках во свидетельство о каждом периоде. Яфетические языки, как они есть, носят в себе с исключительной наглядностью отложения всех трех периодов. Достигая, как сказочный герой Антлант, головой, своею языковой психологией, высоты неба, яфетиды, способные мыслить, говорить и творить в уровень с современностью каждой из эпох культурной истории человечества, даже с текущей ныне современностью, туловищем, морфологической структурой речи не отрываются от доисторической почвы; наоборот, по сей день упираются в нее, точно вросли в нее ногами, и непрерывной цепью трансформаций за ряд периодов сохраняют связь с состоянием того же языка на грани очеловечения животной речи».

Не удовлетворяет теперь Н. Я. Марра и та путаница, которая царит в индоевропейском языкознании относительно самого понятия языка, где идеалисты, признающие язык даром бога или проявлением духа, враждуют с механистами, утверждающими чисто биологическую природу человеческой речи, эволюционно развившейся из так-называемого языка животных. В «Яфетидах» (1922 г.) Н. Я. Марр четко говорит об общественном происхождении языка:

«Язык определяется как создание общественности, плод человеческого творчества, на первых порах хотя бы и бессознательно-не-

произвольного, как завершение неимоверно долгих стараний и затраты громадных сил, приспосабливавших и произносительные органы в воспроизведении звуковых элементов, повторяющих элементы общественного строя и их соотношение в психологическом восприятии тех бесконечно далеких эпох... Само единство отдельных языковых семей есть стяжание общественности. Начало человеческой речи не идет от какого-либо изначального единого языка, и праязык, воспринимаемый в этом смысле, есть не научное положение, а фикция, в основе отражающая наивное восприятие библейского повествования о мироздании».

Там же он отказывается от гипотезы «праязыка» и переносит упор на внутренние процессы, протекающие в недрах общества. Вслед за акад. А. Н. Веселовским ищет теперь Н. Я. Марр корни языка в условиях существования первобытной общественности и в ее идеологии, причинно связывает отдельные языковые явления с матриархатом, тотемизмом, первобытной магией.

Уже эти черты могут характеризовать резкое различие новых лингвистических воззрений Н. Я. Марра от господствующих догм идеалистического буржуазного индоевропейского языкознания, однако этот процесс расхождения, начавшийся в частных вопросах еще в первых трудах Н. Я. Марра, не останавливается на промежуточной стадии, а все обостряясь, приводит к полному разрыву яфетидологии со старым учением о языке.

Особенно сильно сказались в этом отношении результаты поездки к баскам. Чем больше яфетических напластований нащупывает исследовательский взор неутомимого ученого, чем чаще встречается он со все теми же основными яфетическими племенами-примитивами в различных языках, культурах и странах Афревразии, чем глубже уходит он в анализ древнейших пережитков первобытного мышления, откристаллизовавшегося в речи, — тем все больше лишается прежней убедительности и доказательности в его собственных глазах этнологическая концепция с ее расовой природой языков, древними первичными очагами культуры и запутанной паутиной миграций, тем несостоятельней для него оказывается не только его собственные прежние этнолого-лингвистические воззрения, но и вся методология старого учения о языке. Сжатую резкую формулировку своему разрыву с лагерем индоевропеистов Н. Я. Марр дал в сообщении «Индоевропейские языки Средиземноморья» (1923 г.), где он заявил, что «индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещение, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве». Типологически индоевропейская семья языков является созданием новых общественно-хозяйственных условий, она — дальнейшая, новая по строю формация местных яфетических языков Средиземноморья на определенной стадии их развития. В статье «Об яфетической теории», которая появилась спустя год («Новый Восток», кн. 5, 1924 г.), Н. Я. Марр дополнил характеристику противоположности нового и старого направления в языкознании указанием на классовые, конкретно-буржуазные корни сравнительно исторической науки о языке: «Я прекрасно знаю, какие благородные, самоотверженные работники лингвисты-индоевропеисты, между тем сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой».

2*

Расхождение яфетидологии и индоевропеистики уже тогда осознавалось Н. Я. Марром как теоретическое отражение классовой борьбы великих антагонистов современной истории — пролетариата и буржуазии.

5.

Начиная от названных выше работ переломных 1923—1924 гг., все дальнейшие исследования Н. Я. Марра идут под знаком полного отказа от методологии и методики индоевропеистского языкознания. Постепенно переходя на новые социологические позиции, Н. Я. Марр снова пересматривает все основные вопросы яфетидологии и дает уже иные их решения. Все более и более решительно подчеркивает он необходимость теснейшей увязки лингвистики с историей материальной культуры (археологией и этнографией), отбрасывая критику, идущую из лагеря старой буржуазной науки и направленную против его нового мировоззрения и исследовательских методов.

Выявляя ненаучность господствующих теорий этногенеза, базирующихся на признании мнимых «пранародов», Н. Я. Марр дает не только критику, но и новое общественное понимание этого вопроса. Признание социальной обусловленности единства этногенеза в Средиземноморьи последовательно приводит Н. Я. Марра к необходимости отказаться от всеспасающей, но ничего по существу не объясняющей теории переселений, которая лишь механистически упрощает сложные общественные процессы. Когда речь идет о древнейшем периоде — периоде образования племен, подчеркивает он, то надо иметь в виду, что это не переселение уже сформировавшихся племен или народов, а длительнейший процесс расселения по поверхности земного шара человеческого рода, только еще кристаллизующегося в те или иные этнические группы.

В непосредственной связи с новым подходом к проблеме этно-и глоттогонии (процесс образования племен и языков) стоит новая серия исследовательских поездок Н. Я. Марра. В то же время эти поездки используются им для органической увязки яфетидологии с основными проблемами развертывающегося социалистического строительства национальной культуры народов СССР и краеведения. Так, в 1924 г. он совершает две поездки в Абхазию, где, помимо теоретической работы над языком и собирания материалов для абхазско-русского словаря, принимает участие в организации Краеведческого съезда и в создании нового латинизированного абхазского алфавита, выработав специальный проект его — аналитический алфавит. На I съезде деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуме (сентябрь 1924 г.) он читает доклад «Абхазоведение и абхазы» и защищает свой проект алфавита, который вскоре утверждается абхазским правительством в качестве государственного. В промежутке между поездками в Абхазию Н. Я. Марр участвует также в учредительном съезде Северокавказской горской краеведческой ассоциации в Махач-Кале (Дагестан), где кроме общего доклада об «Основных достижениях яфетической теории» в специальном докладе о «Краеведении» заостряет вопрос о необходимости новых форм взаимодействия между наукой и советской общественностью, резко критикуя пренебрежительное отношение старой академической науки к запросам новой жизни гигантской периферии. «Краеведение, — пишет он в тезисах этого доклада, — самосознание страны в целом и частях. Организационно это новое дело, связанное с новой советской общественностью. И гото-

вых формул организации нигде нет; ее надо создать на месте самим краеведам применительно к реальным условиям края. Краеведение для науки — метод, опора для новых в ней сдвигов, а не одно материальное ее обогащение. Краевед призван не только к подтверждению поставленного в центрах теоретического вопроса, но и к переформулировке его и методологической перестройке всей ведшейся по нему работы». Следует подчеркнуть, что в этом же докладе Н. Я. Марр выступил против великодержавного русского шовинизма «Нас более тревожат те русские группы или отдельные русские деятели, которые в странах с национальными тенденциями проявляют такую же невосприимчивость к дыханию жизни на местах. Тревожат нас не их судьбы, раз они сами себе готовят то, что жизнь их сметет. Нас тревожит непоправимый вред, уже наносимый ими, хотя бы и бессознательно, делу научно-культурного сближения и сплочения народов всего Союза».

В конце лета 1924 г., готовясь к поездке в Дагестан и Абхазию, Н. Я. Марр установил факт родства чувашского языка с яфетическими. Предварительное ознакомление с материалами чувашского и других, соседящих с ним языков, привело Н. Я. Марра к убеждению, что на Волге и Каме сохранился остров яфетической речи. Поездка в январе 1925 г. в Симбирск, где его ожидала группа сотрудников-чуваш, полностью подтвердила его мнение о существовании особой, восточноевропейской группы яфетидов. «Основное положение, выступившее в процессе работы на месте, — пишет он в своем отчете о поездке, — то, что хотя чувашский язык и является лингвистически лучше сохранившимся по Волге и Каме представителем яфетической речи, но вся этно-культурная основа волжско-камского края, со включением языковых данных, выступает ли та или другая народность с финским обликом или турецким, одинаковая, едино-яфетическая, быть может, в некоторых случаях другие расчувашенные или отошедшие от языкового яфетизма народности общественно более яркие яфетиды, ближе стоят к до-историческим яфетидам, чем чуваши». Продолжая работу в этом направлении, Н. Я. Марр летом 1925 г. снова едет к чувашам, на этот раз в столицу Чувашии — Чебоксары, где занимается не только чувашским, финским и турецким языками, но также и давно занимавшей его проблемой происхождения русского языка и русской народности. Обилие схождений русской речи с чувашской объясняется Н. Я. Марром как доказательство генетических связей обоих народов, причем чуваши-яфетиды выступают как пережиток общей яфетической подпочвы, на которой в силу новых социально-экономических условий возникли племенные образования — финские, турецкие и русские.

В конце 1925 г. Н. Я. Марр совершает новую поездку в Абхазию, где снова занимается вопросами строительства абхазского языка и организацией специальной Академии абхазского языка и литературы.

Весь 1926 г. Н. Я. Марр проводит в усиленных занятиях огромным количеством языков (к числу изучавшихся им ранее теперь добавляются еще палеоазиатские, в частности остяцко-енисейский, китайский, американские, австралийские, мордовский, коми (зырянский), коми-пермяцкий, марийский и др.).

Третья поездка к восточноевропейским яфетидам Поволжья и Приуралья, совершенная им в этом году, совпала с периодом перестройки старой формальной техники фонетическо-морфологического анализа на основе впервые открытого анализа по четырем элементам речи (архетипам племенных названий), периодом работы над проис-

хождением языка — проблемой, которая отрицается буржуазными языковедами, как не относящаяся к лингвистике. В свою очередь вопрос происхождения языка ставился Н. Я. Марром в связи с вопросом и о стадиальности развития языка и в увязке с развитием мышления. Рассматривая процесс, обусловленный движением производства, общественности и мышления, Н. Я. Марр устанавливает единство всех языков мира и в отдельных языковых системах и видах видит лишь отложения разных стадий единой глоттогонии.

Намечавшаяся Н. Я. Марром экспедиция на Енисей к енисейским остякам не состоялась, так как ему пришлось принять участие в конференции археологов СССР в Керчи, где он, между прочим, прочитал публичную лекцию о «Значении и роли изучения нацменьшинства и краеведения».

Обрисовывая в сжатых, но ярких чертах современное положение яфетической теории, Н. Я. Марр в этой лекции зафиксировал все те новые проблемы, которые постепенно наросли в эти годы в связи с расширившимся кругом языков, массой новых, ранее неизвестных ни ему, ни лингвистической науке, фактов и, что самое главное, в связи с его живой материалистической методологией, которая в ряде существенных моментов вплотную подошла к позициям диалектического материализма, отражая общее движение советской науки к установкам марксизма-ленинизма.

Сконцентрировав свою исследовательскую работу на проблемах общего учения о языке, Н. Я. Марр все больше и больше уясняет себе значение марксизма как единственно научной методологии. Не случайным поэтому является то, что как раз в это время он начинает опубликовывать свои работы в марксистских журналах («Вестник Коммунистической академии», «Unter dem Banner des Marxismus»), подвергая уничтожающей критике механистическую концепцию происхождения языка А. Богданова.

Важным фактором в процессе перехода Н. Я. Марра к марксистскому мировоззрению явилась его общественная деятельность, сближавшая его вплотную не только с рядом крупных работников-марксистов, но и со всеми основными вопросами советского культурного строительства. Так, в 1924 г. он избирается председателем секции научных работников (переизбирается в дальнейшем двумя очередными съездами), в 1925 г. избирается членом Ленинградского Совета и работает членом ЦК Профсоюза Рабпрос и членом ВЦСПС.

В обстановке 1923—1927 гг., когда уже четко намечалось роковое для буржуазии решение великой исторической задачи «кто кого», неизбежно и на лингвистическом участке теоретического фронта должно было сказаться влияние резко обострившейся классовой борьбы в нашей стране. С одной стороны, оно проявилось в форме резкого разрыва Н. Я. Марра с установками буржуазной науки, разоблачения им ее загнивания, реакционности и бесплодности, в пересмотре основных методологических положений яфетидологии под углом зрения нового его материалистического мировоззрения, в установлении ряда новых задач и новых принципов исследования, в его активном сотрудничестве и тесном идейном сближении с марксистскими кругами, с другой стороны, это влияние классовой борьбы на языковедение в СССР выступало в форме яростного сопротивления адептов и приверженцев буржуазной лингвистики дальнейшему развитию материалистического учения Н. Я. Марра.

Сам Н. Я. Марр попрежнему обращал мало внимания на многочисленные враждебные выпады, отвечая на них дальнейшим развер-

тыванием своей исследовательской деятельности, аргументируя свои положения огромным количеством фактов в десятках первоклассных трудов.

Как раз в годы наиболее яростных атак против его учения Н. Я. Марр осуществляет ряд больших поездок в различные районы СССР и за границу, еще больше обогащая новыми конкретными языковыми материалами лингвистическую базу нового учения о языке. Вслед за приволжскими и приуральскими финскими языками он изучает и западно-финские, в частности суоми, вскрывая в современных языках значительные отложения давно угасших языков. «Вспомнив перечень у Геродота северных народов, — сообщает Н. Я. Марр, — в их названиях усмотрел благодарный материал для отождествления с современной приволжской соседящей племенной номенклатурой, и началась не только новая работа по скифскому языку, но, думаю, и новый поворотный пункт в развитии яфетической теории, именно со скифами яфетическая теория вносится в разработку или в освещение тех исторических эпох Средиземноморья, которые покрыты мраком полного забвения». Не прекращая своей работы над енисейско-остяцким и над палеоазиатскими языками, а также китайским, Н. Я. Марр уже в конце 1926 г. разрабатывает план обширной годичной командировки, намечая поездки в Средиземноморье, к баскам, берберам и готтентотам, и на Дальний Восток, к палеоазиатам.

Подготовка к третьей поездке за границу уже начала проводиться в жизнь, когда весной 1927 г. Азербайджанский университет в Баку обратился к Н. Я. Марру с просьбой приехать для прочтения эпизодического курса. «Эпизодическая серия лекций для ознакомления студентов с яфетической теорией свелась к вводному общему курсу учения о языке[1]. Кроме того общий курс учения о языке в процессе приспособления к подготовке и, особенно, к интересам аудитории послужил если не стимулом, то поводом для изложения наметившегося общего взгляда яфетической теории на расселение народов и языков, со включением турецких. Работа наметилась как очередная с момента, когда последние наблюдения вынудили включить в число языков до-эллинского Средиземноморья язык готтентотов».

Третья заграничная командировка Н. Я. Марра была проведена в 1927/28 г. (с 19 августа по 3 марта), однако в значительно сокращенных против первоначального плана размерах. Ему удалось побывать лишь в баскских районах и у алжирских берберов, в частности в Fort National, почти у самой границы Сахары. Во время этой поездки Н. Я. Марр по приглашению Школы живых восточных языков начал в Париже чтение курса лекций по грузинскому языку. Нелишне отметить, что это приглашение сопровождалось просьбой дирекции школы при чтении лекций не упоминать термина «яфетический». В Париже в круг занятий Н. Я. Марра вошли также живые французские диалекты и бретонский язык.

Сразу же после приезда в СССР Н. Я. Марр снова уезжает в командировку в Абхазию для работы над вопросами абхазской грамматики, словаря и письма. На обратном пути в Ленинград он в Тифлисе прочитал доклад «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». Весьма характерно положение, которым заканчивается эта работа. Отметив, что для понимания фактов первобытной речи исследователю приходится иметь дело с первобытным же мышлением,

[1] Он вышел из печати в 1928 г. под названием «Яфетическая теория» (Баку, 1928 г.) и является до сих пор единственным напечатанным сводным трудом по общему учению о языке Н. Я. Марра. Остальные многочисленные его курсы до сих пор не изданы.

Н. Я. Марр указывает, что уже одно усвоение норм этого, нам не привычного, мышления требует от исследователя громадных усилий. Но понять первобытное мышление доклассового общества много легче, чем встать на позиции нового общественного мышления, из которого вытекает новое учение об языке. «Новое учение об языке требует отречения не только от старого научного, но и от старого общественного мышления. Вот почему так трудно стать лингвистом-теоретиком».

Сорокалетие научной деятельности Н. Я. Марра было ознаменовано присуждением ему высшей научной премии им. В. И. Ленина (1928 г.).

В том же 1928 г. Н. Я. Марр совершает еще две поездки — одну в Чувашию, а другую, уже зимой, в Армению, уточняя взаимоотношения северных и кавказских яфетических языков. 1928 год явился также первым годом работ Н. Я. Марра в Коммунистической академии, где он был избран действительным членом и руководителем организованной лингвистической секции. Во вступительном слове перед первым в Коммунистической академии докладом Н. Я. Марра на тему «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории» В. М. Фриче, характеризуя достижения нового учения о языке, отметил, что «такая постановка и такое решение целого ряда кардинальных лингвистических проблем — это уже не яфетидология, это нечто большее, это социально-материалистическое построение лингвистики, несмотря на некоторые не совсем марксистские положения творца этого грандиозного и по своей новизне и по своим перспективам научного построения, и оно не только материалистично, но оно глубоко, насквозь диалектично... Наконец, на всем этом материалистическом и диалектическом построении явно лежит отблеск нашего коммунистического идеала... Все это свидетельствует о том, что сама яфетическая теория на наших глазах перерождается и перевоплощается в материалистическую диалектическую марксистскую лингвистику». Зимой 1928—1929 гг. выступил Н. Я. Марр с докладом «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» на Всесоюзной конференции историков-марксистов, призывая марксистов включиться в разработку проблем нового учения о языке.

В 1929 г. Н. Я. Марр избирается членом Коммунистической академии и кандидатом в члены ЦИК СССР. В этом же году он снова едет во Францию, где работает в Бретани над бретонским языком и продолжает курс в Школе живых восточных языков. Довести до конца этот курс ему, однако, не довелось, так как реакционные французские круги были глубоко возмущены напечатанной Н. Я. Марром в Ленинграде в начале 1930 г. брошюрой «Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии». В этой работе советский ученый разоблачал угнетательскую великодержавную национальную политику буржуазной Франции, отстаивая право на культурное развитие бретонского народа.

В 1930 г. Н. Я. Марр своим вступлением в ряды ВКП(б) окончательно оформляет свое активное участие в борьбе рабочего класса за коммунизм. В том же году он руководит экспедицией Института народов Востока СССР в Удмуртию.

В 1931 г. по командировке Академии наук Н. Я. Марр работает в Бонне (Германия). Важнейшим результатом этой его поездки явился обоснованный на материалах немецкой речи вывод о том, что в своем развитии языки могут сразу переходить с очень низких на высокие ступени культуры. «Немецкий народ, собственно представляющий его господствующий слой, ныне занимающий в кругу всех наций

мира по наличным в старой Европе представлениям место с мировой культурной весомостью, — пишет Н. Я. Марр в труде «Новый поворот в работе по яфетической теории», — говорит языком со структурой весьма архаичной ступени социального развития, т. е. немцами сделан в своем культурном и хозяйственном развитии и соответственном уровне просвещения громадный скачок без прохождения всех ступеней развития, проделанных языками более позднего склада. Есть ли что рискованное или сомнительное в успехе культурного сдвига весьма мало просвещенных многочисленных народов СССР, имеющих совершить громадный скачок и в просвещении? И на это могу сейчас ответить: конечно, никакого риска, и не может быть никакого сомнения в успехе, если не будет искусственных препятствий извне и внутреннего вредительства, но разве, при обширности наших природных ресурсов, не зависит и устранение этих помех от силы, от коллективной воли, энергии и целесообразной организации труда, труда и еще труда, и соответственной непримиримой борьбы на всех фронтах обороны для отстаивания этого качественно в корне нового труда, особо же непримиримой, без абсолютно недопустимого в науке соглашательства, беспощадной борьбы на культурном фронте, где соответственно требуется и более усовершенствованное, технически возможно безукоризненное отличие в глубинах движущихся знаний и более тонкое и умелое в сложнейших условиях современности смелое и твердое руководство».

В 1932 г. Н. Я. Марр проводит реорганизацию Яфетического института в Институт языка и мышления.

В 1933 г. по приглашению турецкого правительства, осуществляющего большую работу по языковому строительству, Н. Я. Марр читает курс лекций в Анкаре, а также в Константинополе и Смирне, попутно успешно работая над турецким языком. Перед возвращением в СССР он посещает раскопки в Трое, Пергаме, Эфесе, Крите и Афинах.

Осенью 1933 г. советская наука, а вместе с нею и вся советская общественность готовились торжественно праздновать юбилей сорокапятилетней научно-исследовательской и общественно-политической деятельности Н. Я. Марра.

Высокая оценка научной его деятельности была дана Президиумом ЦИК СССР, который в октябре 1933 г. постановил в связи с юбилеем наградить его орденом Ленина «за особо выдающиеся труды в области лингвистики». Одновременно Н. Я. Марр был награжден званием заслуженного деятеля науки.

Намеченный праздник советской науки был трагически сорван неожиданно для всех. 15 октября 1933 г. во время научного собрания в Институте языка и мышления Н. Я. Марра поразил удар, явившийся предвестником уже близкой смерти. Усилия врачей и железная воля самого Н. Я. Марра, который напрягал все свои силы для того, чтобы снова встать на ноги и возвратиться к впервые за всю его долгую трудовую жизнь прерванным занятиям, сначала наметили радостную перспективу благополучного исхода болезни. Н. Я. Марр, еще находясь в больнице, уже обдумывал новые исследования, оживленно делился планами будущих работ с друзьями, уже давал указания о работе возглавляемых им ГАИМК и ИЯМ, требовал ответов на поставленные им перед своими сотрудниками исследовательские вопросы. В начале 1934 г. он даже приехал в ГАИМК на пленум, жадно вникая во все детали разбиравшихся там проблем. Казалось, богатырский организм Н. Я. Марра уже поборол болезнь, и скоро неутомимый работник снова с головой уйдет в свои труды, обогащая науку новы-

ми завоеваниями. Вскоре, однако, силы Н. Я. Марра начали заметно ослабевать, и после нескольких месяцев тяжелой болезни, в ночь с 19 на 20 декабря 1934 г. великий ученый ушел от нас навсегда.

6.

Жизнь Н. Я. Марра не богата яркими внешними событиями, но она вся наполнена пафосом напряженного творческого труда, неутомимо в течение десятилетий выковывающего стройное здание грандиозной научной теории, добывающего не только материалы, но и самые орудия построения — исследовательские методы, пафосом неразрывно связанной с этим трудом героически-смелой, не знающей никаких компромиссов революционной борьбы против методологии и мировоззрения буржуазной науки.

Внешним итогом сорока пяти лет напряженного научного труда Н. Я. Марра могут служить его многочисленные (свыше 500) печатные работы, отражающие историю его изумительного творческого пути. Однако гораздо более важным для подведения результатов выполненной им работы является учет того огромного влияния, которое его труды, и как ученого исследователя и организатора, и как общественника-педагога, воспитателя новых кадров научных работников, оказывали и оказывают на общий подъем советской лингвистики и истории материальной культуры и бурно-растущее социалистическое строительство многочисленных народов СССР.

В последние годы вокруг Н. Я. Марра сплотилась уже целая яфетидологическая школа, представители которой работают в Ленинграде, Москве, Тифлисе и др. городах. Достижения нового учения о языке начинают постепенно учитываться и другими советскими лингвистами, которые принуждены признать многое из того, против чего еще недавно они яростно боролись. Новое учение начинает проникать и за границу, где отдельные ученые пытаются опереться на него, чтобы укрепить безнадежно-обветшалую индоевропеистику. Основным достижением, однако, являются огромный интерес в широких массах трудящихся нашей страны к новому учению о языке и та почетная роль, которую последнее занимает в гигантском языковом строительстве народов СССР, старейшим и активнейшим работником которого был энтузиаст и революционер науки — Н. Я. Марр.

Строго придерживаясь в своей деятельности принципа единства теории и практики, Н. Я. Марр органически соединял свои исследования с активным участием в разрешении многообразных проблем культурного строительства СССР.

Создатель нового учения о языке — Н. Я. Марр был не только передовым работником социалистического языкового строительства народов СССР, но и верным другом всех угнетенных и раскрепощающихся народов мира, борясь против всяческих человеконенавистнических утверждений буржуазной науки о неравенстве рас, вечной обреченности на отставание культуры и языков малых наций, о естественности и фатальности процесса их вымирания.

Иллюстрируя на примере своей полной творческого труда и борьбы жизни и деятельности основную историческую тенденцию неуклонного движения всякой идущей вперед в своих обобщениях науки к марксизму-ленинизму, а ее передовых и лучших представителей — в пролетарский лагерь борцов за коммунизм, Н. Я. Марр полностью оправдал предъявленные пролетариатом и его великой партией к научным работникам требования, которые были формулированы в

исторической речи т. Сталина на конференции аграрников-марксистов: «Теория, если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет — и не может не иметь — громадное значение в деле нашего социалистического строительства» («Вопросы ленинизма», стр. 229—230, изд. 10-е).

II. НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ Н. Я. МАРРА

1.

Н. Я. Марр имел полное право назвать свое учение новым, так как оно в корне расходится по всем основным вопросам, составляющим содержание лингвистики, с положениями старой науки о языке, того сравнительно-исторического языкознания, которое было создано еще в начале XIX в. трудами великих буржуазных немецких ученых — Фр. Шлегеля, Ф. Боппа, В. Гумбольдта, Я. Гримма и др., и которое до сих пор безраздельно господствует в буржуазной науке.

Исходным моментом сравнительно-исторического языкознания явилось установление факта сходства не только многих слов, но также и грамматических форм в ряде древних, дошедших до нас лишь в памятниках письменностей, мертвых языков Европы и Азии (санскрит, авестийский, латинский, древне-греческий, готский, старо-церковно-славянский, древне-армянский и др.), к которым, по мнению буржуазных ученых, восходят, как к своим непосредственным предкам, современные языки особой, так называемой «индоевропейской» группы народов белой расы, раскинувшихся от берегов Ганга до Атлантики [1]. Объяснение этого факта основоположники сравнительно-исторического языкознания дали, пользуясь, как моделью, библейским мифом о происхождении различных народов от общих предков — праотцев. Общим предком указанной большой группы языков, которую они объединили подобно живым существам в «семью» индоевропейских языков, был признан ими совершенно неизвестный ни в живой речи, ни по литературным источникам, теоретически восстанавливаемый общий язык всех индоевропейцев — так называемый индоевропейский праязык, на котором будто бы некогда говорил индоевропейский пранарод, еще не разделившийся на отдельные племена, но уже обладавший очень высокой культурой. Древнюю территорию этого мифического народа, его никому неведомую прародину, свыше ста лет в науке тщетно ищут то у Памира, то в южно-русских степях, то в Скандинавии, прокладывая на карте выдуманные пути переселения отдельных индоевропейских племен — ветвей пранарода.

Особенности отдельных конкретных индоевропейских языков теоретики буржуазного языкознания объясняют по-разному: одни видят в этом влияние различия географической среды тех стран, где поселились индоевропейские племена, другие разъясняют это смеше-

[1] Из современных языков в состав индоевропейских входят следующие: языки ново-индийские — бенгальский, хиндустани, пенджабский, цыганский и др., ново-иранские — афганский, белуджский, курдский, новоперсидский и др., романские — французский, итальянский, испанский, португальский и др., германские — немецкий, голландский, датский, исландский, шведский, норвежский и др., кельтские — бретонский, ирландский, шотландский и др., славянские — русский, польский, чешский, украинский, белорусский, сербский, болгарский и др., балтийские — литовский и латышский, а также албанский, армянский, новогреческий. Нужно подчеркнуть, что и в Индии и в Европе, кроме языков индоевропейских, существует большое количество языков, образующих другие группы, так что даже в качестве географического термин «индоевропейские языки» очень не точен.

нием с племенами, говорившими на других, не-индоевропейских языках (так называемая теория «субстрата»), третьи склонны усматривать причину в том, что уже праязык не был единым, а имел диалекты, и т. д. Наличные в современных языках мира диалекты, т. е. разновидности, характеризующиеся отличием в употреблении слов и форм, рассматриваются ими как результат постоянного процесса расщепления, диференциации живой речи, отражающей индивидуальные особенности говорящих. Этому процессу они противопоставляют другой процесс — интеграцию языка, который направлен к сохранению языкового единства путем его закрепления в форме литературного, особенно государственного языка, употребление которого вытесняет из практики местные диалекты.

В представлении буржуазных лингвистов языки не только рождаются путем отпочкования от отцовского ствола или в результате смешения нескольких языков в один (так, например, объясняется происхождение английского языка), живут, размножаются (диалекты, наречия, говоры), болеют (подвергаются порче, вредным влияниям и т. д.), умирают, но даже ведут между собой борьбу, причем одни языки, более сильные, подчиняют себе другие, слабые, захватывая их территорию и истребляя их. Нетрудно убедиться, что, поступая так, эти ученые грубо биологизируют явления языка, превращая последний в живой организм, существующий сам по себе, независимо от людей. Если одни буржуазные исследователи думают найти путь к познанию языка и его явлений, сравнивая его с организмом и отрицая какую бы то ни было принципиальную разницу между языком животных и языком человеческим, то другие — откровенные идеалисты—видят в языке «дар божий», «проявление мирового духа» и т. д. Что касается развития языка, то все фракции современного буржуазного языкознания сходятся на том, что сводят этот процесс к внешнему изменению звуков и форм, причем господствующая, так называемая «младограмматическая» школа договаривается даже до признания самопроизвольности определяющих движение языка «фонетических» (звуковых) законов.

Считая индоевропейские языки самыми совершенными из всех языков мира и выставляя это шовинистское положение как одно из главных доказательств исключительной исторической роли и права на господство и вечное культурное превосходство индоевропейцев над всеми остальными народами, теоретики сравнительно-исторической лингвистики с самого начала превратили свою науку в идеологическое орудие порабощения и эксплоатации трудящихся колониальных и полуколониальных стран капиталистами. Свое исследовательское внимание ученые-индоевропеисты сосредоточили преимущественно на изучении древне-письменных языков господствовавших в древности и господствующих в настоящее время народов; из материалов именно этих языков вывели они все свои нормы и законы; свойственные этим языкам специфические явления они признали основными и характерными для языка вообще, превратив тем самым свое учение о языках индоевропейских в общее учение о языке. Впрочем, в орбиту буржуазного языкознания вовлечены и остальные, многочисленные (их несколько тысяч) языки мира, но индоевропеисты подходят к их изучению с меркой и методом «индоевропейской» науки и пытаются насильственно уложить все их своеобразные особенности в уже готовую систему своих окостеневших научных взглядов. Более того, за редкими исключениями, эти языки не служат не только материальной базой, но даже просто предметом ученых занятий, ими интересуются в своих эксплоататорских целях лишь мис-

сионеры, колониальные чиновники, торговцы, военные, призванные империалистами «нести свет веры христовой и высокую цивилизацию» говорящим на этих «второго» и «третьего» сорта языках народам колониальных и полуколониальных стран.

Таковы классовая сущность и основные черты методологии старого учения о языке.

2.

Основными моментами нового учения о языке, которые, с одной стороны, противопоставляют его различным направлениям буржуазного языкознания, а с другой — тесно сближают с марксизмом-ленинизмом, с гениальными высказываниями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина по вопросам языка, являются его последовательная материалистическая установка и диалектический, исторический подход ко всем языковым явлениям.

«Яфетическая теория, — подчеркивает Н. Я. Марр, — в числе грехов, которых не может ей простить старый мир в лице вскормленной им, отрешенной от жизни науки об языке, имеет и тот, что, дерзнув взяться за генетический вопрос, вопрос о происхождении звуковой речи, не признает ничего, что не являлось бы лишь исторической ценностью, продуктом материально предшествующих ей данных и современных творческих общественных факторов, требовавших ее возникновения... Нет ничего, что не имело бы своей истории происхождения и не требовало бы разъяснения, чтобы не быть в окружении мистики и не играть втемную вместо планировки и организации» («Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев»).

Конечно, Н. Я. Марр не сразу встал на близкие к марксистско-ленинским позициям в языкознании, он пришел к ним в результате долгих лет напряженной работы, углубленных творческих исканий, жестокой борьбы не только с окружавшим его индоевропеистским академическим миром, но прежде всего с самим собою, со своими собственными, унаследованными от буржуазной науки о языке теоретичекими взглядами и методологией. Смелый и решительный ум, темперамент революционера, идейная прямота и честность, отрицание каких бы то ни было компромиссов в науке, вовлечение колоссального количества новых факторов, критический переворот исследовательской работы, — все это двигало вперед Н. Я. Марра, освобождая его и его лингвистическую теорию «из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы»[1]. Никогда не довольствуясь достигнутым, резко критикуя себя, подчеркивая и на деле исправляя свои ошибки, Н. Я. Марр только постепенно, шаг за шагом нащупывал новые пути, в процессе самой работы овладевал материалистической диалектикой. Только после Великой пролетарской Революции, сблизившись на почве огромной советской общественно-научной деятельности с лучшими кадрами работников — марксистов, Н. Я. Марр познакомился с трудами основоположников великого пролетарского учения, включив себя и свою новую науку о языке в единый фронт пролетарской борьбы за коммунизм. Только в послеоктябрьский период удалось поэтому Н. Я. Марру превратить результаты своей многолетней работы в стройное, хотя и не во всех его ча-

---

[1] Предисловие к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии». Л., 1926 г., стр. 3.

стях и деталях законченное и оформленное, здание материалистического языкознания, создать диалектику языка.

Отбрасывая данные буржуазными учеными определения языка, как «дара божьего» (австрийский доминиканец кардинал В. Шмидт), «проявления духа» (В. Гумбольдт), «системы лингвистических знаков» (Ф. де-Соссюр), «совокупности рефлекторных иррадиаций трудового акта» (Л. Нуаре «в обработке» А. Богданова), Н. Я. Марр, вслед за Марксом и Энгельсом, учит, что язык есть одна из общественных идеологических надстроек, выросших в процессе развития материального производства. «Человечество, — говорит он в бакинском курсе лекций «Яфетическая теория»,—сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздаст его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта сообразно новому в этих условиях мышлению. Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему... Сам по себе язык не существует, весь его состав есть отображение или, скажем конкретнее, отложение... Жизненны языковые явления лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественности» (Баку, 1928, стр. 130, 79).

Научная ценность этого исходного важнейшего положения нового учения о языке заключается в том, что Н. Я. Марр не просто декларирует, подобно буржуазным лингвистам-социологам (Ф. де-Соссюр, А. Мейс, Э. Сепир и др.), общественную природу языка, а в том, что им дается четкое материалистическое обоснование. В многочисленных своих исследовательских трудах великий советский лингвист показал, что нет ни одного явления в сложном и многогранном комплексе языка, происхождение и развитие которого не были бы обусловлены развитием общественного базиса — развитием материальных производственных отношений. Попытки ряда буржуазных ученых вывести человеческую речь из так называемого «языка животных» свидетельствуют, помимо всего прочего, о полном непонимании этими исследователями качественной разницы между чисто эмоциональным, афективным характером птичьего чирикания, собачьего лаяния, конского ржания, кошачьего мяукания и т. д. и языком людей, в основе которого лежит сознание, мышление, отражающее общественную практику. Между тем еще в 1845 г. Маркс и Энгельс в своей бессмертной «Немецкой идеологии» писали об этом, на много десятилетий опережая современную им буржуазную науку, что «язык так же древен, как и сознание; язык как раз е с т ь практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми».

В буржуазном языкознании явления языка изучаются почти исключительно с точки зрения их внешней формы — звучания; именно поэтому наиболее развитой из всех лингвистических дисциплин является учение о звуках — фонетика. Что касается содержания языка — выражаемого им мышления, то хотя в системе языковедения и имеется специальная наука о значениях слов — так называемая семантика или семасиология, но, вплоть до настоящего времени, она остается еще в зародышевом состоянии и не может убедительно разъяснить сложные процессы смены значений. Лингвисты-индоевропеисты полагают, что можно заниматься изучением языка, не вникая в проблемы мыш-

ления, которые, мол, относятся к компетенции других специалистов. Даже те немногие языковеды старой школы, которые интересовались вопросам мышления в связи с языком, не понимали истинного положения вещей и заявляли, как, например, известный ученый XIX в.— Макс Мюллер, что мышление возникает из языка, что оно есть «речь минус звук», т. е. допускали, как вполне естественный факт, бессмысленное говорение в качестве начальной стадии развития человеческого мышления.

Совершенно по-иному подходит к этому вопросу Н. Я. Марр. «Отстранение лингвиста от суждения о мышлении, — говорит он, — это наследие европейской буржуазной лингвистики, как проклятие, довлеющее над всеми нашими предприятиями и по организации исследовательских и учебных дел... Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления. В нем существовали законы фонетики — звуковых явлений, но не было законов семантики — законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов... К проблеме о мышлении новое учение об языке подходит без колебания, вынуждено подходить к ней без всякой лицемерной осторожности. Вынуждает сила разъяснившихся до своих производственно-общественных корней взаимоотношений языковых фактов» («Язык и мышление», Избранные работы Н. Я. Марра, т. III, стр. 103—104). Еще более резко выразил эту мысль Н. Я. Марр в другой своей работе — «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье», говоря, что «если язык без мышления — это формалистическое барахло, то мышление без языка — метафизическая гниль, угрожающая не меньшим злом, именно тем, чтобы представление о человеке низвести к бессознательному состоянию животных» Л, 1934, стр. 117).

Вслед за Марксом, Энгельсом и Лениным Н. Я. Марр исследует язык в его органической, неразрывной связи с мышлением, подчеркивает их внутреннее, диалектическое единство, сопоставляет их как взаимодействующие друг с другом форму и содержание. Старый вопрос о том, что возникает первично — язык или мышление, он решает, исходя из единства и признания современной нам звуковой формы речи не изначальной, а вторичной.

Единство языка и мышления обусловлено прежде всего единством их происхождения. «Вначале, — пишет Н. Я. Марр, — до возникновения первичного языка, когда, следовательно, не было еще отвлеченного, т. е. осознанного деления целого и его частей, речь с разумом находились диффузно, нерасчлененно в самом производстве, собирательном трудовом процессе, и это было тогда, когда нарастала линейная речь[1], с одним и тем же орудием производства, общим у трудового процесса и языка-мышления, именно — рукой. Выделением языка-мышления из трудового процесса, как его противоположности, начинается процесс отпочкования в единой речи, языке-мышлении, двух противоположных не сторон, а моментов — мышления и его выявления... Однако оба момента одинаково идеологически обоснованы своей генетической связью с материальной базой... Все поступательные сдвиги в самом процессе нарастания и развертывания обоих указанных моментов мышления и выявления их, следовательно, процесса возникновения и развития речи в целом и ее частях, именно единство противоположностей, отпочкование, расщепление в языке представляют лишь последствия явлений, происшедших в материальной базе» («Язык и современность», Л., 1932, стр. 14).

[1] См. дальше, в следующем разделе.

Современные индоевропеисты считают проблемы происхождения языка и тем более проблемы мышления вопросами неразрешимыми и по существу своему не имеющими никакой серьезной роли для языкознания. Последнее, по их мнению, занимается уже сложившимся языком, нимало не интересуясь тем, как язык образовался. Такой подход является классическим примером господствующей в буржуазной науке метафизики, примером пренебрежения к изучению явлений в их движении, в процессе развития и изменения. Между тем, как абсолютно правильно указывает Н. Я. Марр, «нет ничего, что не имело бы своей истории происхождения и не требовало бы разъяснения, чтобы не быть в окружении мистики и не играть втемную вместо планировки и организации» («Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариев», Л., 1930, стр. 2). Проблеме происхождения языка отводится поэтому в новой материалистической лингвистике центральное место.

3.

В то время как буржуазные лингвисты в основном сконцентрировали свои работы на изучении высоко-развитых видов звуковой речи, Н. Я. Марр, исторически подходя к языку и учитывая все многообразие его форм, показывает, что современный тип языка — звуковой язык — является позднейшим типом, которому предшествует язык жестов и мимики, так называемая линейная или кинетическая речь. Поскольку основным орудием этого языка является рука, этот язык называется также ручным.

Анализ многочисленных пережитков в различных языках мира, в частности исключительная роль образа руки в семантике, привел Н. Я. Марра к убеждению, что в основе достижений звуковой речи лежит переработанное и развитое далее наследие языка ручного. Богатые материалы для выяснения вопроса о первичности ручной речи дают и этнографические наблюдения, говорящие о большой распространенности этого типа языка даже в наше время среди многих народов и племен, особенно среди индейцев Южной Америки. Несколько лет назад специальная экспедиция под руководством сына Н. Я. Марра, проф. Ю. Н. Марра, вскрыла факт наличия ручной речи в быту женщин — армянок, турчанок и грузинок в Закавказье. Изучение черепов ископаемых людей уже давно заставило антропологов сделать заключение об отсутствии у древнейшего человечества звуковой речи. Все это подтверждает историческое первенство ручного языка.

Хотя своими истоками ручной язык уходит еще в животный мир, неправильно считать его человеческие формы даром природы. «Линейная речь, — предупреждает об этом Н. Я. Марр, — предшествовавшая звуковой, отнюдь не язык афектов, а выражение, символическое, также трудового производства, но все-таки организованного труда, и им создавшегося мышления, и до появления звуковой речи человечество проделало долгий путь развития, передав звуковой речи громадное наследие мыслей и способов их сигнализации. Между звуковой речью и человеком — животным — целая пропасть, бездна творческой культурной работы человечества» («К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова», Избран. работы, т. III, стр. 80).

В сравнении с речью звуковой ручной язык является весьма примитивным и несложным. Составляющие его систему движения непосредственно передают и указывают те действия и те предметы, ко-

торые даны говорящим в процессе их труда и в реальном их окружении. Вместе с тем эта речь лишена основного свойства звукового языка, его способности обобщать и передавать отвлеченные понятия. В ручном языке все его движения тесно связаны с образами, представлениями; на ступени исторического развития общества, когда люди пользовались линейной речью, их мышление должно было иметь совсем другой характер, чем мышление людей, располагающих звуковой речью. Исследования, произведенные в этом направлении, показали, что древнейшее мышление действительно являлось весьма своеобразным: оно оперировало не понятиями, а образами. Буржуазные ученые называют поэтому, правда очень неточно, это мышление дологическим (Л. Леви-Брюль).

Орудие линейного языка — рука — служило на древнейшей стадии человеческого общества основным орудием труда, каждое производственное движение руки было понятно всем участникам первобытного производства примитивной общины. Труд служил источником не только семантики ручной речи, но и ее синтаксиса, так как порядок трудовых движений определял и порядок и связь движений — образов ручного языка. «Нет ни одной мысли, ни одного слова в человечестве, — подчеркивает Н. Я. Марр, — которое не прошло бы через осознание от изменчивого производства и слагающихся с ним соответственно изменчивых производственных отношений. Меняются не только явления мышления, как явления языка, их функция и содержание, равно значение их, но и закономерность его и техника. Так, нет ни одного представления, ни одного понятия, как нет ни одного слова, которое вошло бы в осознание на этапах возникновения, сложения и дальнейшего развития речи, не пройдя функции производственной значимости» («Язык и мышление», Избран. работы, т. III, стр. 111).

Для иллюстрации роли руки в развитии языка, в частности развитии словарного запаса, приведем несколько примеров. Так, в немецком «рука» — Hand — лежит в основе таких понятий, как Hand-el «дело», hand-eln — «действовать», «говорить о чем-либо», «договариваться», «торговать» и т. д. Hand-lung — «действие», «поступок», «торговля», «лавка» и т. д., не говоря уже о многих сотнях производных от них и сложных слов, а также закономерных вариантов, напр. (hant-hand), в основе han-tieren [1] «работать руками», «шевелить», «делать движения руками» (отсюда Hantel — «гимнастическая гиря»), «заниматься», «промышлять», «возиться», «стучать», «шуметь», «управлять», Hantieren — «работа», «занятие», «возня», «шум», Hantierung—«занятие», «работа», «промысел», «ремесло».

Было бы неправильно, однако, делать вывод, что на стадии ручной речи человечество было немым. И тогда, конечно, люди обладали, подобно другим животным, способностью производить крики, но эти последние только очень поздно начали перерастать в звуковую речь. Время появления звукового языка, постепенно вытесняющего ранее господствующий ручной язык, Н. Я. Марр датирует так называемым ориньякским периодом древнего каменного века.

Для того чтобы перейти от ручной речи к звуковой, человечество должно было, во-первых, диференцировать и хотя бы в некоторой степени оформить первобытные нечленораздельные крики и, во-вторых, каким-то образом связать с ними возможность передавать различные значения. И то и другое явилось результатом дальнейшего

---

[1] Индоевропеисты считают его заимствованным из французского и произносят от глагола hanter — «часто посещать», «водиться» и т. п.

развития общественного производства, материальных производственных отношений и неразрывно связанного с ними мышления.

Что касается процесса выработки членораздельных звуков, то он впервые в истории науки был в основных чертах сформулирован Энгельсом еще в 70-х годах прошлого столетия. В его гениальной «Диалектике природы» мы читаем, что когда у людей появилась потребность что-то сказать друг другу, «потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, постепенным усилением модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим» (Маркс и Энгельс, «Сочинения», т. XIV, М. — Л., 1931 г., стр. 455).

Одним из важнейших этапов на пути превращения диффузных, нечленораздельных, еще полностью носивших характер животных криков, сопровождавших производственную деятельность первобытных людей, в современные, общественно отработанные звуки речи, так называемые фонемы, является выделение и оформление из общей массы этих криков четырех типов звуковых комплексов, так называемых лингвистических элементов, к которым, как это было открыто Н. Я. Марром, восходит все многообразие фонем всех языков мира. Эти четыре лингвистических элемента, которые впоследствии оформились в сотнях закономерных вариантов, Н. Я. Марр восстанавливает в условной форме трехзвучий, позже расщепившихся на три фонемы (согласную + гласную + согласную), обозначая их латинскими буквами A, B, C, D, или условными же формами SAL, BER, YON, ROШ, взятыми из вариантов основ названий различных народов и стран, рек, гор и т. д. (напр., Θe-cal-ia, I-tal-ia, Al-pes, Al-ban-ia, I-ber-ia, Ber-ber, Ion-ia, Hun-n, Don, Don-u-b, Rus, Pe-las-g и т. д.).

Среду возникновения лингвистических элементов Н. Я. Марр ищет в условиях первобытного производства. Примыкая к высказанной известным русским буржуазным литературоведом акад. А. Н. Веселовским теории происхождения искусств из особых магических церемоний, сопровождавших на древнейших ступенях истории человеческих обществ производство, Н. Я. Марр полагает, что лингвистические элементы, прежде чем стать исходным материалом звуковой речи, составляли, как ритмически повторяющиеся эмоционально-афективные выкрики, единое целое с другими моментами этих магических «действий» — пляской, безинструментальной музыкой (отбивание такта сначала руками, затем палками) и бессловесным пением (ритмические тональные повышения и понижения голоса, широко распространенные до сих пор у разных народов). Таким образом, лингвистические элементы фонетически оформлялись под непосредственным воздействием примитивной музыки и семантически были связаны со значением всего магического производственного акта.

Что же лежало в основе семантики магического производственного акта? Ответом на этот вопрос является анализ мышления и мировоззрения первобытного человечества. В образном мышлении первобытных людей действительное отношение и связи внешнего мира и самого человеческого коллектива, естественно, не могли быть правильно восприняты и поняты, так как этому препятствовала слабость человеческой практики, ее беспомощность перед грозной и всесильной природой, подавлявшей собою и своими неведомыми силами мало-развитое сознание дикаря. Не только силы природы, но и свои собственные общественные отношения, свои производительные силы, сам коллектив, само производство превращались в образном

мышлении в фантастические образы, могущественные живые существа, являющиеся источником действия, жизни, силы. Связанные друг с другом, они концентрировались вокруг первого реального образа, вошедшего в круг сознания, — образа, конечно, тоже фантастически извращенного, самого общества. Этот образ по аналогии с переживающими у современных мало-культурных племен представлениями Н. Я. Марр называет «тотемом». Тотем в сознании первобытных людей господствовал над всем, с ним связывалось все, входившее в поле их сознания: и занимаемая данным коллективом и эксплоатируемая территория, и средства существования — животные и растения, и примитивные орудия, и сами члены коллектива, собственные действия которых рассматривались, как вызванные волей и силой тотемы.

Каждое производственное действие с точки зрения первобытных людей являлось отсюда актом, связанным с тотемом и нуждавшимся в силу этого в специальном контакте с ним, что и находило свое выражение в магических церемониях, символизировавших проявление и действия тотема. Н. Я. Марр употребляет поэтому в своих работах для обозначения этого двуединого характера производства термин «трудмагический процесс». Как части трудмагического процесса, звуковые элементы содержали в себе то же самое, что составляло основу содержания и тотема. С ними связывались поэтому все те представления, что и с тотемом. Не означая вне трудмагического процесса ничего, элементы, прилагаясь к любому конкретному предмету, могли означать, как и тотем, все; обладали, следовательно, полисемантизмом, многозначимостью. Конкретное значение получали элементы в каждом отдельном случае лишь при содействии тех или иных конкретных движений ручного языка, позволявших уточнить необходимый смысл. Таким образом, на заре звуковой речи лингвистические элементы являлись не только отдельными, с нашей точки зрения, словами, но и целыми предложениями. Надо подчеркнуть при этом, что все содержание звуковой речи тогда было исключительно ограниченным, так как все бытовые потребности выполнялись сигналами ручного языка.

Взаимодействие начавшей складываться звуковой речи и ручного языка, отражавшее постепенное осложнение и диференциацию производственных отношений внутри первобытного общества, в свою очередь вело к оформлению этих отношений в мышлении, где начинают медленно образовываться зародыши логических категорий: субъекта и объекта, причинности, общего, единичного и частного и т. д. С другой стороны, уже простейшие комбинации лингвистических элементов и жестов ручного языка вели к выделению в сначала дифузном, нерасчлененном потоке отдельных предложений, затем внутри их отдельных основных членов. Превращение фонетически оформленных вариантов элементов (так только по линии уточнения огласовки элемент А выступает в вариантах Sal, Sol, Sul, Sel, Sil, и т. д.) в слова, а затем и в слоги, что сопровождалось закреплением за теми или другими их формами в данной языковой среде и определенных значений, вызвало к жизни употребление одних слов в роли определителей — уточнителей при других. Постепенно эта категория слов начала терять свое самостоятельное значение и была использована в дальнейшем развитии звуковой речи исключительно для сигнализации отношений между другими словами (частицы, суффиксы и т. д.); начала тем самым складываться морфологическая структура языка. Развитие морфологии в свою очередь привело к выделению и оформлению частей речи (имен, местоимений, глаголов и т. д.) и других грамматических категорий.

Последовательные ступени развития языковой структуры представлены в языках мира различными типами языков, начиная от типа китайского, где нет никакой морфологии и все отношения между словами определяются лишь их порядком в предложении (языки «аморфные» или «синтетические»), затем переходя к многочисленным так называемым агглютинативным, «склеивающим» языкам типа турецкого, финского и монгольского, где все построено на прикреплении — «склеивании» служебных частиц со значащими словами и, наконец, кончая типом так называемой флективной речи, где функция определения взаимоотношений слов возложена на изменяющиеся окончания — флексии. В числе флективных языков в свою очередь можно различить ряд стадий, представленных языками семитическими (древнееврейский, арабский и др.) и индоевропейскими; в семитических языках особое значение имеет так называемая внутренняя флексия — семантическое функциональное изменение огласовки.[1].

4.

Существеннейшую часть нового учения о языке Н. Я. Марра представляет семантика, учение о значении слова. Точно так же, как естествоиспытатели по отдельным костям или отпечаткам листьев в пластах угля и сланцев восстановили не только скелеты, но и весь облик древнейших, вымерших миллионы лет назад животных и растений, создав специальную биологическую науку — палеонтологию, так и Н. Я. Марр, пользуясь наблюдающимися в разных языках мира пережитками, построил специальную лингвистическую дисциплину палеонтологию языка. Палеонтологический анализ речи позволил выяснить не только историю грамматических форм и категорий, происхождение и развитие различных структурных типов и систем языка, но также и историю отразившегося в языке мышления, позволил выяснить основные вопросы истории семантики.

На материале десятков языков Европы, Азии и Африки, относящихся к различным системам — «семьям», Н. Я. Марр доказал, что великий закон диалектики, открытый еще Гегелем, закон единства противоположностей, является ведущим и в области развития языковой семантики. Для образования новых по значению слов очень часто использовались старые слова, которые в другой языковой среде приобретали не только другие, но и противоположные значения. Не говоря о таких примерах, как противоположные значения одного и того же слова «красный», «белый», и т. д. в пролетарской и буржуазной среде, что обусловлено различием классового сознания, обратимся к древнейшему словарному фонду, который восходит к доклассовому обществу.

В речевой практике различных народов противопоставление «неба» «земле» является одним из самых излюбленных. Между тем и то и другое понятие восходит к одному и тому же слову — понятию, которое означало на древнейшей стадии не только «небо» и «землю», но также и «преисподнюю», «море». Так, немецкое слово «Himmel» и русское «земля» являются закономерными вариантами двухэлементного образования (АВ), у которых второй, берский элемент представлен в одинаковой форме mel (в русском слове mla образовалось путем передвижки второго согласного вперед), а первый, сальский элемент в немецком выступает в спирантной гортанной форме V, а

[1] Срв. в немецком подобное же явление при образовании множественного числа таких имен, как Vater — Väter, Bruder — Brüder и т. д.

в русском в сибилянтской, свистящей форме — W. Интересно, что в усеченном виде немецкое слово сохранилось со значением «земля» в сванском языке, где имеем gim, а сходное с русским и по форме и по значению — во французском языке слова semelle — «подошва», семантически связанное с понятиями — «низ», «под» и т. д.

Возьмем теперь несколько примеров из терминов родства. Русский термин для понятия женщина, жена — «б а б а» в различных турецких языках означает уже мужчину, конкретно, отца. Точно так же, слово mama, представленное в ряде индоевропейских языков со значением матери (индоевропеисты производят его от «женской груди»)[1], в грузинском языке имеет значение отца. В свою очередь грузинское слово для понятия «мать» — dede — в русском языке семантически закреплено за мужчиной, где имеем его варианты «д е д» и «д я д я».

Другой закономерностью, красной нитью проходящей через всю историю семантики, является функциональность семантики. Так, название собаки было по функции животного, использованного для передвижения, перенесено в дальнейшем на оленя, затем на лошадь. Блестящим подтверждением марровского вывода, печатно заявленного им еще в 1925 г., служит находка в 1929 г. при раскопках одного древнего курганного погребения на Алтае хорошо сохранившихся в мерзлой почве трупов лошадей с чехлами на головах в форме оленьих с рогами голов и с оленьими же седлами. Подобным же образом, латинское название «хлеба» — panis и украинский термин для хлебного каравая — п а л я н и ц я восходят к одному из древнейших средств питания — древесным плодам, в частности к жолудям, что сохранилось в близком к ним по форме греческом слове Βαλανος «жолудь». По функциональности же оказались связанными между собою и термины — армянский kar «камень» и удмуртский kor-t — «железо», так как слово, обозначавше сперва «камень», было использовано затем для наименования каменного топора (срв. баскское слово ays-kora — «топор» при баскском же слове ayϑ — камень», а затем и «топора металлического». Не случайным, а закономерным является в этой связи и близость немецкого слова Tal, аналогичного шведского dal, означающих долину с грузинским термином для воды — tkal-i и т. д.

В числе установленных Н. Я. Марром закономерностей семантики выяснилось и реальное историко-материалистическое содержание так называемого «поэтического» языка и его выразительных средств — троп и фигур (метафора, синекдоха, метонимия, сравнение, эпитет и др.), которые все восходят к образному, магическо-мифическому мышлению первобытного человечества. Так например, очень ярко выступает в развитии значения слов выделение частного значения из более общего (так называемая обратная синекдоха) — названия «питц» оказались названием «неба», «дождь» и «рыба», совпадающие в китайском языке друг с другом (уй) и со словом «вода» — шиу, определились как производные от этого последнего значения.

Палеонтология семантики внесла богатейший материал и для понимания процесса образования абстрактных понятий, осветив исторический переход от конкретного к абстрактному, от единичного ко всеобщему и т. д. В своих исследованиях Н. Я. Марр доказал, что такие, например, отвлеченные понятия, как «правда», «истина» являются не чем иным, как словами, первоначально обозначавшими «небо»,

[1] Другие считают его «детским» словом, физиологически обусловленным актом сосания.

«солнце», с чем связаны и понятия «времени», причины», «судьбы»[1].

Необходимо при этом подчеркнуть, что семантические законы оказались общими не только для отдельных групп языков, но универсальными, охватывающими всю совокупность языков мира.

5.

Исторический подход ко всем явлениям языка, отказ от расовой теории, загораживающей горизонт исследователя китайскими стенами своих мнимых понятий, глубокий интерес ко всем языкам мира, а не только к одной какой-нибудь их части, позволили лингвистическому учению Н. Я. Марра превратиться в подлинно-общую науку о языке. «Наукой об языке, — верно заявляет Н. Я. Марр, — может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком» («Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», Л., 1929 г., стр. 1).

Начав свою лингвистическую деятельность с изучения родной грузинской речи, с выяснения ее связей с другими языками мира, Н. Я. Марр за сорок пять лет творческой работы доказал, что нет ни одного среди известных ученым несколько тысяч живых и мертвых языков, который не был бы связан с другими; более того, нет ни одного языкового явления, которое целиком характеризовало бы только один какой-нибудь язык, отгораживая его тем самым от других; наоборот, изучение таких явлений показывает, что их можно вскрыть в других языках то в качестве зародыша, то как пережиток. Так, при свободном от расистских индоевропеистских шор исследовании немецкий язык оказался не только по целому ряду признаков очень близким к армянскому, который считается также индоевропейским языком, но и к языку кавказского народа сванов, к языку басков (в Пиренейских горах Испании и Франции), к турецкому и многим другим, тем самым разрушая сказки о расовой природе языка[2].

На место реакционных теорий «праязыков» различных расовых групп языков Н. Я. Марр выдвинул учение о едином языкотворческом, глоттогоническом, процессе, который исторически отражает реальное единство развития материального производства. Отдельные языковые системы являются лишь звеньями — отложениями различных эпох — стадий этого гигантского процесса истории языка. «Само единство отдельных языковых семей, — утверждает Н. Я. Марр на основании многочисленных фактов еще в 1920 г., — есть стяжание общественности. Начало человеческой речи не идет от какого-либо изначального единого языка, и праязык, воспринимаемый в этом смысле, есть не научное положение, а фикция, в основе отражающая наивное восприятие библейского повествования о мироздании» («Яфетиды», Избр. работы, т. I, стр. 131). На древнейших этапах каждый отдельный человеческий коллектив имел свой особый язык, только постепенно и вместе с объединением этих первобытных ячеек человечества в более крупные общества (племена, союзы племен и

[1] Срв., напр., слово «тянь», означающее «небо», «день», «погода», «природа», «естественный», «самобытный», «насущный», «неизбежный».

[2] См. об этом подробно в труде Н. Я. Марра «Новый поворот в работе по яфетической теории», Избр. работы, т. I, стр. 312—346.

т. д.) шел процесс консолидации множества примитивных мелких языков. Отражением этого процесса служат современные территориальные диалекты хотя бы немецкого языка, которые еще относительно недавно (в эпоху раннего феодализма) являлись самостоятельными языками различных германских племен и народов, объединявшихся при переходе от феодализма к капитализму в единую немецкую нацию с единым литературным языком.

Новое учение о языке Н. Я. Марра, охватывающее все ступени глоттогонического процесса, не замыкается подобно индоевропеистскому сравнительно-историческому языкознанию в прошлом; напротив, являясь орудием живой современной социалистической практики невиданного в истории расцвета национальных по форме и социалистических по содержанию языков народов СССР, оно намечает и основную тенденцию развития глоттогонии в будущем. Этой тенденцией является дальнейшее движение от многочисленных национальных современных языков к единому языку будущего коммунистического общества, которая формулирована Великим вождем народов т. Сталиным в его исторической речи на XVI съезде ВКП(б).

«Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре» («Вопросы ленинизма», стр. 426—427, изд. 10-е).

Развивая это положение в заключительном слове по политическому отчету, т. Сталин указал, что «теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую великорусскую нацию, с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым» (там же, стр. 431).

Лингвистическими аргументами подтверждая гениальное прозрение Ленина — Сталина об отмирании национальных языков после победы социализма в мировом масштабе и их слиянии в единый язык в эпоху коммунизма, Н. Я. Марр в то же время подчеркивает, что в классовом обществе язык не только отображает классовое разделение общества, но и является непосредственно одним из важнейших орудий борьбы классов. В классовой борьбе классовое сознание и язык одного класса противостоят классовому сознанию и языку других классов.

В противовес буржуазным лингвистам, всячески замалчивающим и затушевывающим классовость языка, Н. Я. Марр особенно подчеркивает необходимость пролетариату овладеть полностью этим мощным орудием классовой борьбы и использовать его для борьбы за ком-

мунизм. «Язык наш, — говорил он в своей речи «Язык и мышление»,— приобретает ничем не заменимую значимость одновременно на всех полях брани, развертывающейся на наших глазах жестокой классовой борьбы. Язык потому и является «мощным рычагом культурного подъема», что он — незаменимое орудие классовой борьбы...

Но в наши дни социалистического строительства с направленностью на сознательный коммунизм, с направленностью на единство мирового хозяйства бесклассового общества, с направленностью на перемещение начал нашего мировоззрения с единичных фетишей и мнимодейственных неизменных качеств и свойств на взаимодействие частей целого, в этой целостности находящих определение и в изменчивых взаимоотношениях свою общественную стоимость — значение, если язык является приводным ремнем в области надстроечной категории общества, стройка которого имеет охватить и организовать рассыпанные по всему Союзу, по всему миру производительные трудовые силы, а мышление дает то или иное осмысление, направление и сознательную технику этому приводному ремню — языку, то, как у станка на фабрике, неразумеющему нельзя работать без опасности стать жертвой махового колеса, как трактором нельзя пользоваться без соответственной грамотности, так в наше время нельзя целесообразно пользоваться, без явного риска вредить своему делу и помогать враждебному делу, таким мощным и обоюдоострым орудием классовой борьбы, как языка, не овладев его действительной техникой, а не формальной видимостью, не овладев, следовательно, теоретически им, его функциональной сущностью в целом и в частях» (Избр. работы, т. III, стр. 90).

Так, настоящая наука, вырывающаяся из буржуазного плена, в своем развитии приходит к диалектике великого пролетарского учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а ее лучшие, передовые представители вступают активными работниками в борьбу рабочего класса за строительство и победу социализма.

Б. ГРАНДЕ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ Н. Я. МАРРА И ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ТРАНСКРИПЦИИ ДЛЯ НОВОГО АЛФАВИТА[1]

[1] Настоящая статья трактует лишь о вопросах научной транскрипции, но не вопросах практического алфавита. — Ред.

1.

Одной из актуальнейших проблем подлежащих разработке, Н. Я. Марр считал вопрос о едином письме, вопрос унификации алфавитов.

Проблеме алфавита Н. Я. Марр посвятил еще в 1926 г. специальную работу „Абхазский аналитический алфавит". В дальнейших работах он неоднократно возвращался к этому вопросу и подчеркивал важность единого письма для всех языков. Позже, в 1929 г., он так формулировал эту проблему:

„... к нам подошла проблема технического порядка, насущно необходимая и требующая безотлагательного решения в интересах упорядочения или усовершенствования средств исследовательской работы, — это проблема единого письма для всех видов языкового материала. Но ведь это в то же время актуальная общественная проблема при идущей гигантскими шагами интернационализации культуры и ее материальной базы, мирового хозяйства и мирового социального строительства. Это актуальная проблема, очередная задача и в разрезе потребностей СССР, именно в национальном разрезе. Разве наше новое советское социалистическое строительство может мириться с кустарным по автономиям составлением письма без учета теоретических достижений и практических перспектив нового учения об языке, строящегося в мировом масштабе" [1].

Выработка алфавитов для разных языков должна быть планомерная и регулируемая центральными научными органами. Только лишь планомерная работа при участии центральных научных органов дает возможность составлять такие алфавиты, которые не вели бы к изоляции письменности отдельных народов, но наоборот явились бы предпосылками для их дальнейшего сближения.

Проблема унификации алфавитов не является случайной, привходящей в работах Н. Я. Марра. Эта проблема неразрывно связана со всеми основными положениями нового учения о языке, в первую очередь с теорией единого процесса происхождения и развития звуковой речи.

Согласно яфетической теории язык является чем-то свойственным человеку от природы. Между человеческой речью и криками животных имеется коренное, качественное отличие. Человеческая речь создавалась, вырабатывалась в процессе общественного труда.

„Язык животных, — пишет Марр, — в основе это непроизвольное, природой данными средствами воспроизведение чувственного восприятия мира; в лучшем случае это — в порядке реального или условного рефлекса звукоиспускание" [2].

---

[1]. „Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории", Москва, изд. Комакадемии 1929 г., стр. 10 и 11.

[2]. Н. Я. Марр „О происхождении языков", сборник „По этапам развития яфетической теории", М. 1926 г., стр. 318.

Человеческая же речь коренным образом отличается от звуков, издаваемых животными. „Дело в том, что каждое слово звуковой человеческой речи есть в источнике акт осознанного, а не аффекционального или непроизвольного действия. Животная речь пользуется в своем зачаточном состоянии аффекциональными средствами, данными природой, у одних звуками, например, у птиц, у других движениями, например, у муравья. Звуковые средства птиц громадны в отношении пения, но это—непроизвольный звук, это не звук языка. В языке (человеческом) не звук, а фонема — отработанный человечеством членораздельный звук, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты, мимика линейной речи“[1].

Несколько дальше Марр продолжает: „Факт налицо, что нужда, именно нужда заставила человека искать возмещения своих физических недостатков в развитии способов труда, искусственных приемов и создании искусственных орудий, в развитии прежде всего концентрации сил, общественности и организации коллективного труда, с чем органически связаны и усиление потребности в языке; неизбежная работа над его созданием. Природная, физически данная от начала звуковая речь такая же фикция, как создание ее богом в наивной библейской форме наделение человека нужными словами или иным каким-либо путем“[2].

Вспомним при этом слова Энгельса:

„Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему сделались более частые случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала яснее польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу“ (Диалектика природы, 2-ое изд., стр. 63—64).

Первые этапы развития человеческого языка связаны с изготовлением орудий производства и с коллективным трудом. Язык возник и развивался в социальной среде; он не есть нечто данное человеку от природы.

Еще задолго до того, как была выработана звуковая речь, у человека существовал язык для взаимного общения в процессе примитивного производства: люди общались между собой посредством телодвижений и мимики, но главным образом при помощи движений рук, которые являлись основным орудием производства и одновременно основным средством речи в процессе производства и для потребностей производства. К этой кинетической или ручной речи могли, конечно, присоединяться разные выкрики, издаваемые при этом. Но эти крики еще не были элементами речи, так как в них еще не вкладывалось никакого содержания; они еще не имели никакой семантики. Для того, чтобы естественно издаваемые крики стали речью, необходимо было, чтобы они что-то означали, чтобы они уже употреблялись для определенной сигнализации. На данном же этапе ручная речь еще в достаточной степени удовлетворяла потребностям первобытных, весьма примитивных человеческих коллективов.

По мере того, как усложнялось производство и, следовательно, структура человеческих коллективов, кинетическая речь становилась недостаточной. Потребности во взаимном общении росли. Человек начал пользоваться для сигнализации звуками своего голоса.

[1] Н. Я. Марр «О происхождении языков», сборник. «По этапам развития яфетической теории». М. 1926 г., стр. 319.

[2] Там же, стр. 320.

Звуковая речь возникла повсюду, где первобытный коллектив достигал соответственного уровня развития. Не может быть и речи о том, что будто бы языки зависят от биологических свойств рас и присущи каждой расе в особой форме.

Человеческих примитивных маленьких коллективов было много; разбросаны они были повсюду. И повсюду, где хозяйственные и общественные условия были достаточно развиты, на смену ручной речи возникала звуковая. Языков-примитивов возникло, таким образом, множество.

Эти языки-примитивы имели самостоятельное происхождение, но причины их возникновения были повсюду одни и те же. По типу своему они должны были иметь много общего: они должны были быть однотипны. Количество „слов", вернее звуковых сигналов, должно было быть весьма ограничено. Содержание их должно было быть повсюду сходное, так как то, что должно было обозначаться при помощи языка, было везде одно и то же: трудовой процесс, природа, как объект труда, орудие труда, в первую очередь естественные орудия труда — рука, затем палка, камень, а дальше уже каменный топор и т. д. Никаких оформлений слов (грамматических форм) в тот период еще не могло быть.

По мере усложнения структуры общества, усложняется также и язык. Развитие языка шло скачкообразно, сдвигами, которые следовали за сдвигами в развитии самого общества. Новые способы производства, новые общественные отношения вызывали изменения содержания языка; изменялась также и внешняя сторона — оформление языка.

Скачкообразное развитие языков идет не путем уничтожения старых языков и замены их совершенно новыми; наоборот, старое состояние речи служит материалом, из которого возникает новый тип языка; оно сохраняется в качестве наследия. В каждом языке, стоящем на весьма высокой ступени развития, мы можем вскрыть отошедшие на задний план пережитки более ранних стадий.

Языки, стоящие на разных стадиях развития, могут существовать одновременно, подобно тому, как в разных местах существуют одновременно различные стадии развития общества, начиная от родового общества где-нибудь в дебрях Бразилии или в пустынях Австралии и кончая строящимся социалистическим обществом в Советском Союзе.

Центр тяжести исследования языков переносится Н. Я. Марром из области фонетики в область развития значений, семантики. При исследовании языков мы можем вскрыть общее между языками, с первого взгляда далеко не похожими друг на друга, если только они стоят приблизительно на одном уровне стадиального развития; с другой стороны, между языками, весьма близкими между собой, могут быть открыты черты глубокого расхождения.

Отнесение языков к особым по происхождению языковым „семьям" является глубоко неправильным, так как нет биологического родства языков, не существует общего происхождения многих языков от одного. Неправильно также утверждение, что языки распались на диалекты. Наоборот, диалекты представляют собой продукт сближения между собой раньше самостоятельных примитивных языков.

Чем ниже ступень развития, на которой находится общество, чем более отсталым оно является, тем большее в нем количество различных языков и тем большее расхождение между диалектами. Грань между диалектом и самостоятельным языком в ряде случаев бывает совершенно неопределенной. И наоборот, чем дальше продвинулось развитие самого общества, тем больше выявляется процесс сближения между

собой отдельных языков и тем больше крупные языки образуются как результат этого сближения.

Развитие человеческой речи идет не от небольшого количества языков ко множеству их, а наоборот от множества первоначальных языков к все меньшему количеству их. Конечным итогом развития речи должен быть единый язык, который по своей типологии будет отличен от всех существующих языков.

Движение языков от множества к единому было формулировано т. Сталиным следующим образом: „Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым“[1].

Это движение мирового языкового процесса к объединению не только не устраняет, но и предполагает развитие и расцвет языков на теперешнем этапе.

„Расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире“[2].

Эти положения были развернуты и иллюстрированы Н. Я. Марром на богатейшем конкретном языковом материале. Все языки представлют собой единую цепь развития; каждый язык, каждая группа языков находит себе в этой цепи свое определенное место. В этом отношении нет разницы между языками высокоразвитыми и между языками народностей и племен культурно-отсталых. Н. Я. Марр указывает, что нет никакой необходимости прибегать к миграциям либо к расовым особенностям для того, чтобы включить в эту монистическую систему развития мышления и языка все языки, даже самые примитивные, „осужденные будто бы на то, чтобы составлять население колониальных стран“[3].

Процесс продвижения языков к единому — „это процесс мировой, от которого ни одна национальность не может спастись, великодержавная не больше, чем слабосильная. Процесс мировой в то же время нисколько не угрожает ничьему национальному росту и ни в какой мере развитию национальных языков и письменностей, хотя бы ныне возникающих. Это мировой процесс громадного охвата, идущий одной хотя всеускоряющейся, но все-таки медленной поступью, общей с мировым хозяйством, ведущим к унификации человечества в отношении условий общения, но вовсе не к обезличению людей. Это дальнейшие этапы победоносной борьбы человечества над природой, далнейшие этапы в претворении человечества над природой, дальнейшие этапы в претворении человечеством одних форм общежития,

---

1 „Вопросы ленинизма“, стр. 431, изд. 10-е.

2 Там же, стр. 427.

3 В одной из своих последних статей, говоря о частной проблеме турко-средиземноморской, Марр пишет: „Il offre des sources tout á fait suffisantes pour tran.her d'une façon réelle, sous notre angle, la question de la genèse de la mentalité et du remplacement d'une systéme pour une autre au cours du développement monistique ininterrompu. Et notons bien que dans ce système, se trouve intégré stadialement, sans qu'on ait besoin d'invoquer les migrations ou des distinctions de race, un monde jusqu'á present renié, le monde des tribus soit — disant „sauvages“ ou primitives, condamnées, croirait-on, á former la population des pays coloniaux avec leur mentalité dite prélogique, vide de sens historique. („Notes d'un savant soviétique en Turquie“ в журнале “Les nouvelles soviétiques“ 1933, № 6).

зависящих от механики природы и физических условий, в другие более свободные формы, зависящие от более совершенного по гибкой приспособляемости и более сложного механизма общественности. Потому-то это дело не только естественников, способствующих накоплению материальных богатств, этих предпосылок общественного перерождения человечества, но также и, особенно, общественников, ведущих исследовательские работы над жизнью человечества и человека, как социального явления, над вопросами общественности, ее техники и технических средств, в числе их языка и письма"[1].

Это движение языкового процесса к единому настоятельно требует унификации письма. Разрозненные, разобщенные системы письма усиливают изоляцию письменностей и литературных языков отдельных народов. Наоборот, единый унифицированный алфавит значительно содействует и облегчает трудящимся ознакомление с литературными языками и письменностью ближайших соседей. В особенности это важно в тех случаях, когда бок-о-бок — в одном городе, в одном районе — живут представители разных национальностей, и когда знакомство с языком соседей весьма распространено. В этих случаях единый алфавит, дающий возможность читать также на языке соседей, является одним из факторов, увеличивающих взаимодействие этих языков. Он, таким образом, способствует усилению общих элементов в разных языках и, следовательно, содействует взаимному сближению этих языков.

„При движении по этому неизбежному пути (к единому языку— — Б. Г.) условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей степени требуют единства письма, то есть тождества основных начертаний алфавита и тождества приемов воспроизведения звуков, исходящего от основных или простых звуконачертаний", — пишет Марр[2].

Основное научное требование, которое должно быть предъявлено к научным алфавитам и транскрипциям, заключается в том, чтобы к а ж д а я ф о н е м а б ы л а п е р е д а н а н а п и с ь м е о д н о з н а ч н о, иными словами — одним цельным начертанием, одной буквой а не двухбуквенными или трехбуквенными начертаниями. Этому требованию не отвечают западные алфавиты на латинской основе. В новых латинизированных алфавитах народов СССР это требование в основном проводится, но не везде последовательно.

Другое требование, которое Н. Я. Марр предъявляет к алфавитам, заключается в том, чтобы буквы этих алфавитов, которые являются условными начертаниями для фонем, приноравливались к исторически сложившимся буквам алфавитов „общеизвестных в европейской среде", Это требование направлено против прожектерства, против выдумывания особых алфавитов, долженствующих состоять из специально изобретенных новых знаков, как бы логичными и последовательными ни были эти последние по своей внутренней структуре. Это требование, таким образом, фактически является тем принципом латинизации, который принят также в качестве одной из основ нового алфавита. Аналитический алфавит Н. Я. Марра построен как новый алфавит на основе латинского; этот его характер не нарушается тем, что для передачи некоторых звуков, недостающих в латинском, введены кое-какие буквы из русского и греческого алфавитов.

Но дальше Марр вводит в структуру алфавита принцип, который обусловливает его отличие от существующих практических алфавитов и научных транскрипций.

---

[1] Н. Я. Марр „Абхазский аналитический алфавит" — „Труды яфетического семинария", 1. Ленинград, 1926 г., стр. 17.

[2] Там же, стр. 17.

Голую „фонемность“ алфавита, то есть полную однозначную передачу всех фонем данного языка при помощи отдельных букв, Марр считает недостаточной для научного алфавита. Простая передача всех фонем отражает лишь статическое состояние данного языка. Эта передача берет данный язык лишь изолировано, без отражения его взаимосвязей с другими языками, без отражения его динамики.

Но каждый язык, как доказал в своих работах Марр, является лишь отдельным звеном в цепи развития звуковой речи; каждый язык находит свое место в едином глоттогоническом процессе; каждый язык находится во взаимной связи со всеми другими языками. Фонемы языка должны быть рассматриваемы не статически, не сами по себе, не изолированно, но как результат исторического развития. Это должно быть отражено и в самом алфавите. Лишь такой алфавит, буквы которого будут служить не просто условным изображением фонем, но будут передавать исторические связи между фонемами, лишь такой алфавит, который отразит фонематический состав каждого языка в качестве определенной исторически обусловленной части звукового состава человеческой речи в ее историческом развитии,— может считаться научным алфавитом и может стать унификационным алфавитом.

„Нельзя к алфавиту подходить,— пишет т. Н. Я. Марр,— как к явлению исключително формальному или как к явлению, требующему разъяснения в связи лишь с физиологией звуков. Алфавит в современном его понимании неразрывно связан, как и учение о звуках речевой культуры (так называемая фонетика,) с идеологией звукового языка. Без учета этой идеологии, содержание звуков речевой культуры, строя и функции, нельзя строить в наши дни то, что служит лишь техническим ее выражением, в частности и прежде всего письмо... [Раньше] алфавит, обслуживая идеологически изолируемый классовыми интересами мир, составлялся в призме понимания данного языка в его изолированности и с учетом разлучающих его с другими языками особенностей, но современное учение об языке в корне расходится с пониманием и мировоззрением не только древних эпох, когда созидались и созданы основные системы письма, оно расходится с пониманием и мировоззрением лингвистов XIX и даже XX в., пониманием идеалистическим, которое было им единственно доступно при орудовании формальным методом“[1].

В другом месте Н. Я. Марр пишет:

„Наша транскрипция более последовательная и идет дальше в цельном планомерном отражении в буквах самой звуковой системы данного языка, построенной на закономерных соответствиях в фонетике различных сроднившихся племенных образований или в закономерных сменах звуков различных эпох. Буквы, будучи каждая графически точной передачею (хотя и условной) изображаемого ею звука, определяемого, как социальное явление, положением его среди других, все вместе дают наглядную картину звуковой системы не данного только, но всех яфетических языков, а так как яфетические языки вскрываются в основе всех европейских или прилегающих к европейским группам или семей языков, семитических, турецких, угро-финских и прометеидских (т. н. индоевропейских), у яфетического аналитического алфавита большие перспективы будущего развития“[2].

---

[1] Н. Я. Марр „Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык“, Ленинград. 1928 г., стр. 2—3.

[2] „Абхазский аналитический алфавит“, стр. 29.

2.

Рассмотрим вкратце те принципы, на которых построен аналитический алфавит академика Н. Я Марра.

Как известно, индоевропеистика сравнивает между собой звуковые системы различных признаваемых ею „родственными“ по происхождению языков и выводит звуковые законы, которые она интерпретирует, как законы физиологического порядка.

Точные описания артикуляционных особенностей различных звуков занимают в старой лингвистике весьма видное место. Достаточно познакомиться с различными системами фонетической транскрипции, чтобы убедиться в том, что в них мы имеем дело не с общественным значением звуков — фонем, а со стремлением зарегистрировать всяческие оттенки произношения. Но эти оттенки бывают различны не только в разных языках, не только в различных диалектах, но сплошь и рядом у двух лиц, живущих в одной деревне, у двух родных братьев. Отсюда вывод о так называемых „индивидуальных говорах“. Эти индивидуальные говоры объединяются в наречия, диалекты, затем следуют языки, и, наконец, „семьи“ языков, имеющих, по мнению компаративистов, общность происхождения от одного языка — предка.

На основании сравнения звуковых систем „родственных“ языков делаются попытки восстановить звуковые системы их „праязыков“; при изложении истории каждого данного языка показываются смены одних звуков другими. Но вопрос о развитии самих звуков не ставится. Дело освещается так, как будто бы извечно существовали членораздельные звуки. Эти звуки менялись, переходили одни в другие, замещались другими звуками, но сами они как будто бы никакого развития не имели.

Как бы далеко вглубь истории языков ни пытались проникнуть индоевропеисты, они всюду находят определенную систему вполне членораздельных звуков, отличающихся от современного звукового состава языков лишь по своему количественному составу. Но откуда же взялись эти самые звуки? На этот вопрос ответа не дается. Более того, он даже не ставится. Очевидно, молчаливо принимается, что членораздельная звуковая речь всегда была присуща человеку, как нечто врожденное, как „дар природы“. Кое что приходится слышать от индоевропеистов о происхождении слов путем звукоподражания. Однако, здесь они совершенно забывают, что—как справедливо указывает Марр — для того, чтобы звукоподражание имело место, необходимо, чтобы человеческие произносительные органы уже были в состоянии произносить членораздельные звуки, а это последнее достигается лишь путем весьма долгого процесса развития органов речи.

Характерно, что те, которые пытались объявить механистическими лингвистические элементы, о которых говорит академик Н. Я. Марр, не возражают ни единым словом против извечности и неизменности звуков, не имеющих будто бы никакого развития. Они, таким образом, критикуют яфетическую теорию с идеалистических позиций.

Что же дала в этом отношении яфетическая теория? Размер статьи и характер темы не позволяют изложить подробно, как произошло, согласно теории Н. Я. Марра, развитие звуковой и семантической сторон человеческого языка. Для разъяснения того, как построен аналитический алфавит, достаточно указать в самых схематических чертах, как развивались звуки, не касаясь семантики.

Согласно учению об общем глоттогоническом процессе это развитие проходило повсюду одни и те же общие этапы. Нечленораздельные крики предка человека постепенно прояснялись, дифференциро-

вались, приобретали более четкие контуры и в конечном итоге превратились в отдельные ясные звуки.

„Неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим“ (Энгельс).

На самых ранних этапах звуки еще были *диффузными*. Они еще не имели резких контуров, еще не были расчленены на ясные фонемы. Органы произношения, еще не разработанные, еще весьма несовершенные, не произносили еще таких простых звуков, какие имеются в наших современных языках. Когда мы восстанавливаем на основании пережитков в современных языках эту раннюю стадию, мы находим то, что Н. Я. Марр называет *элементами*.

В словах — элементах нерасчлененный, нераспадающийся на более простые составные части звуковой комплекс выступает совместно со значением или, вернее, с целой группой значений. В современных языках мы можем выделить отдельные фонемы, например, „в“, „к“, „т“, и т. д., слоги („го“, „ло“, „ва“ и т. д.), которые сами по себе не имеют отдельного смыслового значения. В лингвистическом же элементе мы не можем выделить более простые составные части. Элемент дальше не распадается. Более элементарных фонетических единиц в нем нет, да и не может быть, так как человеческие речевые органы еще не доработались до уменья произносить простые звуки. Схематически мы изображаем элемент таким образом.

Согласный (диффузный) + *гласный* + *согласный* (*диффузный*).

Но это лишь схема, которая должна указать на более позднее оформление элемента. Что касается диффузного согласного, который получается в дальнейшем развитии элемента, то он не совпадает ни с одним из наших простых звуков. Вернее, он включает в себе в потенциальном состоянии возможность развития *ряда* звуков.

На следующем крупном этапе речь является уже более членораздельной. В ней появляются *диффузоиды*, к числу которых относятся *аффрикаты*. Эти последние уже членораздельны, но и они еще не совсем расчленены. Они еще довольно близки к диффузным звукам. Произносительные органы речи не настолько развиты, чтобы произносить простые звуки.

Наконец, на последнем этапе вырабатываются и *простые звуки*. Эти последние являются самыми отделанными, самыми отшлифованными звуками. Работа голосовых органов в них наиболее ясна и наиболее детализирована. Эти последние являются уже настолько разработанными, что есть возможность выделить отдельные простые звуки, изолировать их по желанию.

К простым звукам относятся такие, как „р“, „в“, „t“, „l“, „m“, „n“, „k“, „s“ и т. д. Простые звуки распространены во всех ныне существующих языках. В различных языках они могут принимать те или иные оттенки. Отдельные из них могут отсутствовать в том или другом языке; их количество может быть неодинаково. На современном этапе развития звуковой речи мы не находим ни одного языка, который бы остановился на древнейшей стадии и не дошел бы еще до выработки простых звуков.

Аффрикат находится в современных языках значительно меньшее количество, но они сохранились почти во всех языках. Чем к более поздней формации принадлежит звуковая система определенной группы языков или определенного языка, тем меньше в ней аффрикат. Это, однако, ни в какой степени не означает, что данный язык является отсталым, недоразвитым. Взаимоотношения и связи, существующие в

развитии звуковой речи, весьма сложны и многообразны. И чем дальше развивается язык, тем они сложнее. Звуковая сторона является лишь одной из сторон развития языка. Веделить ее из общего комплекса невозможно, когда речь идет об истории возникновения и развития языка. Однако, для целей составления алфавита учитывается в первую очередь именно эта звуковая сторона.

Практически в языках прометеидских, тюрко-татарских, финно-угорских и др. приходится иметь дело с небольшим количеством аффрикат. Главным образом это передне-язычные, как-то: „ц", „ч", „дж", „дз". В яфетических языках (грузинском, абхазском и других) сохранились более мощные слои ранних стадий развития языка. В них и количество аффрикат больше: кроме переднеязычных имеются и разнообразные задне-язычные.

Наконец, звуки, весьма близкие к диффузным, сохранились лишь кое-где в виде незначительных пережитков. Сюда относится, например, один из звуков языка *нама* (готтентотского), который в транскрипции обычно передается через греческое „гамма" с волнистой линией на верху (γ̃)[1]. Этот звук описивается как нечто среднее между rgn, rgl и rdn, произносимых вместе, как один звук[1].

Н. Я. Марр при выработке аналитического алфавита исходил из тех исторических связей, которые существуют между составными звуками и простыми. Соответственно с этим он выработал определенную систему обозначений, дающих возможность при сравнительно небольшом основном количестве простых знаков, составлять буквы для аффрикат и других сложных звуков. Дело облегчается тем, что между определенными группами аффрикат и простых звуков существует более тесная связь. Так, звуки „ц" и „ч" увязаны с звуком „т", который является результатом их дальнейшей отработки; звуки „дж" и „дз" соответственно со звуком „д" и т. д.

Н. Я. Марр дает фонеме следующее определение: „фонема, это — отработанный человечеством членораздельный звук". Причем необходимо отметить, что простая фонема, простой звук прошел через промежуточную стадию аффрикаты.

3.

Посмотрим как оформлен аналитический алфавит.

Прежде всего в нем проводятся следующие 3 правила.

1. Ни один звук не должен быть обозначен двумя или больше буквами. Это правило проводится также в системе нового алфавита.

2. Для простого звука берется простое обозначение: но один простой звук не должен быть обозначен при помощи усложненной простой буквы. Поэтому, например, для звука „ш" взята русская буква „ш", но не „ş", либо „š", которые получаются от „s" через добавление новых черт.

3. Для сложного звука берется соответствующая простая буква, осложненная добавочной чертой или другим добавочным знаком. Например, для „дз" — „d" со значком наверху (ď), для „дж" — со значком внизу (ḑ).

В основу алфавита положены латинские буквы, но так как букв латинского алфавита не хватает для обозначения всех простых зву-

[1] „γ̃ — звук крайне нечистый и звучит то как *rgn*, то так *rgl*, либо *rdn*; *r* собственно представляет собой основную составную чать этого согласного". W. Planert „Uber die Sprache der Hottentoten und Buschmänner", Mitteil. d. Semi nars für Orientalische Sprachen, Berlin 1905, Abt, III ss 107 — 108.

ков, то были введены: две русских буквы (ы, ш), три греческих (γ, ϑ, φ) и две видоизмененных арабских (ʔ, ʕ).

Посмотрим теперь, как эти буквы используются и какая система добавочных черт введена.

Простые звуки разделяются Н. Я. Марром на *слабые* и *сильные*. Название эти характеризуют не *физиологическую* сторону этих звуков, не по тому они названы так, что одни из них произносятся с большей силой, другие с меньшим напряжением артикуляции. Этого мы в них не находим. Названия эти характеризуют *общественное* использование этих звуков. Слабые звуки менее стойки, чем сильные. Они легче изменяются, легче сменяются другим звуком, а иногда исчезают совсем. Сильные звуки оказываются гораздо более стойкими.

Слабые звуки имеют не больше двух ступеней *озвончения*, т. е. они бывают „глухие-звонкие".

К слабым звукам относятся следующие из переднеязычных и заднеязычных:[1]

		Глухие	Звонкие
Переднеязычные „сибилянты"	свистящие	s	z
	шипящие	ш	ȷ
Задне-язычные „спиранты"	длительные	h	γ
	прерывные	ʔ	y

Сильные звуки могут иметь три или более ступени озвончения. К сильным простым звукам принадлежат (в грузинском языке):

	Глухие	Звонкие	Средней звонкости
Губные	p`	b	φ
Передне-язычные	t	d	ϑ
Задне-язычные	k	ɡ	q

В первом столбце последней таблицы приведены звуки, которые с физиологическо-артикуляционной стороны характеризуются как „смычно-гортанные", так как сопровождаются размычкой голосовых связок. В среднем столбце — звуки, произносимые (в яфетических языках Кавказа) с определенным придыханием. Однако нас в данном слу-

---

[1] Знаком „ȷ" обозначается звук „ж". Точка над „ȷ" (а также над „ı") не ставится, исходя из правила: для простого звука — простое обозначение без добавочных точек или черточек. „Знак „γ", обозначает звонкий вариант „h", знак „ʔ" (видоизменение арабского „гамза) обозначает „глоточный удар" (coupde glotte), являющийся фонемой в некоторых языках. Знак „y" обозначает „йот" (средне-язычный звонкий спирант).

чае интересует не эта последняя артикуляционная их характеристика, но то обстоятельство, что звуки 1-го столбца являются „глухими", а 3-го столбца — „средней звонкости", так как это последнее явление исторически выступает и затем исчезает в определенной последовательности.

В некоторых языках Дагестана существуют четыре типа этих звуков, иными словами — четыре ступени озвончения. Что касается большинства языков более новых языковых формаций — индо-европейских, угро-финских и тюркских, — то в них сохранилось лишь две ступени озвончения; например, русские „п" → „б", „т" → „д", „к" → „г". Однако, здесь следует отметить, что место, занимаемое, например, русским „т", в таблице еще не точно определено. С физиолого-артикуляционной стороны оно, по мнению Н. Я. Марра, не покрывает ни грузинского „t", ни грузинского „ϑ"[1].

Звукам второй и третьей строк приведенной таблицы, как правило, соответствуют аффрикаты, которые точно так же могут иметь три ступени озвончения, вернее столько же ступеней озвончения, сколько и простой звук. Но не обязательно каждому простому звуку должна соответствовать аффриката. Эти последние, как было указано выше, являются остатками более ранней стадии развития языка; в языках более новых формаций они слабее представлены, так как часть из них успела уже исчезнуть из того или иного языка.

Вот эта историческая связь между аффрикатами и простыми звуками была положена Н. Я. Марром о основу аналитического алфавита. На это необходимо обратить особое внимание, так как здесь важен тот принцип, на основе которого построен алфавит, но не то или иное оформление этого принципа.

Необходимо еще отметить и подчеркнуть, что неправильно понимать, будто аффрикаты *составлены* из комбинаций простых звуков, например, „ч" из „т + ш". Наоборот аффрикаты являются *первичными*. В них в потенциальном состоянии находятся составные части будущих простых звуков; эти же последние являются результатом дальнейшего развития аффрикат, потери ими аффрикатности.

„Восприятия аффрикатов различных категорий как составных, а элементов, на которые они разлагаются, как простых, нисколько не нарушает тот факт, что составные звуки по своей доистории на самом деле не результат сложения простых звуков, до произношения которого человечество дошло постепенно, соответственным развитием произносительных органов и, что они, составные звуки, именно и первичны, являясь не позднее возникшим комплексом элементов, а посильным для творчества совокупных усилий различных частей органов произношения, не функционировавших еще каждая самостоятельно с присущим ей простым звуком: это—членораздельные фонемы, но все таки из порядка близких к нечленораздельности диффузных звуков, еще не вполне расчлененные фонемы"[2].

При составлении же *букв*, как сейчас увидим, Н. Я. Марр поступает обратно: он комбинирует для аффрикат знаки, соответствующие ингредиентам этих аффрикат, то есть тем простым составным частям, которые в них доходят в рудиментарном, еще не дифференцированном состоянии. На это необходимо обратить внимание, чтобы в дальнейшем изложении не повторяться: если будет встречаться выражение

---

[1] „Яфетическая теория" Баку, 1928 г., стр. 66.
[2] Н. Я. Марр. „Абх. аналит. алфавит", стр. 30.

„составные части“ той или иной аффрикаты, то это надо понимать в только что указанном смысле и постоянно иметь в виду, что аффриката является первичной, а не составленной из тех простых звуков, которые в действительности появились лищь позже.

Кроме того необходимо отметить следующее. Из двух составных частей (в вышеприведенном смысле), которые мы выделяем в аффрикатах, слабый ингредиент имеет две ступени озвончения — глухую и звонкую; сильный ингредиент имеет их три — глухую, звонкую и средней звонкости; сама аффриката может иметь также все три ступени[1].

Для обозначения же аффрикатности на письме достаточно иметь два различных знака. Один для глухой разновидности слабой составной части, другой — соответственно для звонкой.

Н. Я. Марр выбрал следующие знаки.

Для глухого слабого ингредиента — точка над буквой или под ней (–̇, –̣), для звонкого слабого ингредиента — „птичка“ над или под буквой (–̌, –̭). Причем знак этот (точка или „птичка“) ставится над буквой в случае свистящих (по переднеязычному ряду) и длительных (по задне-язычному). Он ставится под буквой в случае шипящих (по передне-язычному ряду) и прерывных (по заднеязычному ряду).

Представим это в виде следующих двух таблиц:

В первой строке каждой из таблиц дается соответствующая „слабая“ составная часть аффрикаты, во второй — показан способ обозначения этого ингредиента. Наконец, последние три строки показывают буквы, которые получаются.

I

СИБИЛЯНТЫ

		Свистящий		Шипящий	
		глухой	звонкий	глухой	звонкий
ингредиент		s	z	ш	j
обозначение		–̇	–̌	–̣	–̭
буква в окончательной форме	глух.	ṫ	—	ṭ	—
	звонк.	—	ď	—	ḓ
	ср. звонк.	ϑ̇	–̇	ϑ̣	—

---

[1] Речь в данном случае идет об абхазском языке, для которого был выработан практический алфавит. В тех языках, где степеней четыре, была бы, конечно, речь о всех четырех ступенях озвончения.

СПИРАНТЫ

		Длительный		Прерывный	
		глухой	звонкий	глухой	звонкий
ингредиент		h	γ	ƒ	y
обозначение		—̇	—̌	—̣	—̭
буква в окончательном виде	глух	k̇	—	ḳ	—
	звонк.	—	ǧ	—	g̭
	ср. звонк.	q̇	—	q̣	—

Связь между аффрикатами, с одной стороны, и простыми (слабыми и сильными) — с другой, показана Н. Я. Марром в виде следующей схемы.

СХЕМА СОГЛАСНЫХ СЛАБЫХ И СИЛЬНЫХ

Слабые сибилянты	Сильные *передне- и задне-язычные* глухие t k	звонкие d g	средне-звонк. ϑ q	*Слабые* спиранты
s (—̇)	ṫ k̇		ϑ̇ q̇	h (—̇)
z (—̌)		ď ǧ		γ (—̌)
ш (—̣)	ṭ ḳ		ϑ̣ q̣	ƒ (—̣)
J (—̭)		ḓ g̭		y (—̭)
плавные	*Губные*			*Губные*
*r l n	p	b	φ	f v ↔ m

Некоторые детали нами в схеме опущены. Вне таблицы остаются гласные.

Сложность фонем не ограничивается аффрикатностью. Есть еще и другие стороны сложного звука, которые должны быть обозначены.

Палатализация или „мягкость“ обозначается при помощи зуб-

чика внизу справа: k̦, l̦, ț и т. д. Палатализация весьма распространена во многих языках, в том числе в русском.

Лабиализация или огубление, обозначается присоединением кружка к основному знаку, например, t̊, k°, ш° и т. д. Лабиализация гораздо менее распространенное явление и практически с ней приходится иметь дело в немногих лишь языках.

Посмотрим, каким обрсзом комбинируются между собой все численные знаки, осложняющие основное начертание.

Представим все эти знаки в виде небольшой таблицы:

	Ст.	I	II	III
Ингредиент.	Простой звук	Аффрикатность	Палатальность	Лабиальность
Чем обозначается	Простая буква	точка; „птичка“	зубчик	кружок
Вид этого знака	—	—̇ —̣ —̌ —̭	—̦	—°

В этой таблице над первым столбцом поставлено „Ст.“, сокращенное от слова „стержневой знак“, остальные нумерованы римскими цифрами.

Знаки комбинируются между собой, как цифры при обозначении чисел.

Сохраним эти же названия: „единицы“ — для одного простого знака, „десятки“ — для простого, осложненного одним добавочным, „сотни“ — для осложненного двумя добавочными знаками.

I. Единицы: простой звук обозначается одним стержневым знаком, например: b, t, l, m, h, s и т. д.

2. Десятки: в составе сложного звука выделяются два ингредиента; следовательно, соответствующий знак должен состоять из стержневого знака „Ст.“ и одного из знаков I, II и III:

а) аффрикатность: обозначение Ст. + I, иными словами стержневой знак с „точкой“ или „птичкой“ над или под ним: ṭ, ṫ, ď, ḓ;

б) палатальность: Ст. + II, т. е. стержневой знак с зубчиком, например: ț, n̦, l̦, d̦ и т. д.;

в) лабиальность: Ст. + III, т. е. прибавляется кружочек, например: k°, t̊, ш° и т. д.

3. Сотни. В составе сложного звука имеются три ингредиента:

а) аффрикатность и в то же самое время палатальность: обозначение Ст. + I + II, т. е. к стержневому знаку прибавляется один из знаков рубрики I, да еще зубчик, например: ḓ̦, ϑ̦ и т. д.;

б) аффрикатность и лабиальность, т. е. Ст. + I + III, например: ṭ°, ḓ° и т. д.;

в) палатальность и лабиальность, Ст. + III + II, например, ț̊, k̦° и т. д.

4. Тысячи. Ингредиентами являются все рубрики таблицы. Обозначение Ст. + I + II + III, например: ṭ̦°, ḓ̦°.

Если в состав сложной фонемы входят еще другие моменты осложнения, то они могут быть обозначены особыми добавочными чертами или значками, которые в свою очередь могут комбинироваться с любыми из перечисленных. Так, например, встречающаяся в некоторых языках „дебелость“, или особая полнота и твердость произношения некоторых звуков (главным образом шипящих) обозначается при помощи черточки под буквой: ṯ, ϑ̠.

Выше мы привели схему обозначения аффрикат и их связи с простыми буквами. Приведем теперь для большей наглядности схему букв — „сотен“, именно палатальных и лабиальных аффрикат.

СХЕМА СОГЛАСНЫХ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ
(аналитического алфавита)

Слабые сибилянты	Сильные *передне- и задне-язычные* глухие	звонкие	средне-звонк.	*Слабые* спиранты
	ţ ķ	d̦ g̦	ϑ̦ q̦	
ş (–̇)	ţ̇ ķ̇		ϑ̦̇ q̦̇	h, (–̇)
z̦ (–̌)		d̦̊ ǧ̦		γ, (–̌)
ш, (–̣)	ţ̣ ķ̣,		ϑ̣, q̣,	[ɼ,] (–̣)
ȷ, (–̭)		ḓ g̭		[y,] (–̭)
губные	*губные*			*плавные*
v, f, ↔ m,	p,	b,	φ,	r, l, n,

СХЕМА СОГЛАСНЫХ ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ
(аналитического алафавита)

Слабые сибилянты	Сильные *передне- и задне-язычные* глухие	звонкие	ср.-звонк.	*Слабые* спиранты
	ŧ k°	d° g̥	ϑ° q̥	
s° (–̇)	ṫ° k̇°		ϑ̇° q̥̇	h̊ (–̇)
z° (–̌)		d̊° ǧ̥		γ° (–̌)
ш° (–̣)	ṭ° ḳ°		ϑ̣° q̥̣	ɼ° (–̣)
ȷ° (–̭)		ḓ° g̭		y° (–̭)

4.

Изложенные в предыдущих главах принципы транскрипции были разработаны академиком Н. Я. Марром на материале яфетических языков Кавказа. А так как эти языки весьма богаты фонемами, особенно в области аффрикат и сложных звуков, как например, абхазский или кабардинский языки, то транскрипция, применимая к ним, охватывает весьма большое количество фонем. Кроме того, как доказал Н. Я. Марр, яфетическая система „вскрывается в основе всех европейских или прилегающих к европейским групп или „семей" языков, семитических, турецких, угрофинских и прометеидских (так называемых индоевропей-

ских"), — вернее яфетические языки Кавказа в наиболее яркой форме сохранили в себе то ранне-историческое состояние человеческой речи, которое лежит в подоснове всех языков мира. Таким образом транскрипция, разработанная на базе яфетических языков, применима к большинству звуков всех других языков. С известными, не особенно значительными, дополнениями эта система транскрипции может быть расширена настолько, что ею возможно будет охватить все фонемы всех языков.

Дело облегчается тем обстоятельством, что, согласно установке, которую вполне правильно проводит Н. Я. Марр, для лингвистических исследований важна передача не всех артикуляционных и акустических разновидностей звуков речи, но лишь тех из них, которые имеют общественное значение в том или ином языке для различия семантики, иными словами — передача одних лишь фонем. Разнообразие же фонем не так уже велико, тем более, что все они в конечном итоге восходят к одним и тем же более ранним типам звуков речи — к элементам.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что аналитическая транскрипция Н. Я. Марра тесно связана с историей развития звуков речи и отражает в себе результаты этого развития.

После этих необходимых замечаний мы можем себе отдать отчет, по каким линиям должно итти применение аналитического алфавита для транскрипции фонем также и остальных языков (не яфетических систем).

Рассмотрим сначала, как обозначаюся согласные фонемы южнокавказских яфетических языков.

I. Губные:

слабые: билабиальный носовой . . . . m
лабио-дентальный звонкий фрикативный v
лабио-дентальный глухой фрикативный f
сильные: билабиальный глухой взрывный . . . p
" звонкий " b
" средней звонкости взрывный . . . . φ̦

Схема переходов:

m←→v (f) ↗ p→b→φ̦;

Билабиальный звонкий фрикативный . . . . w, этот же знак применяется для обозначения губного полугласного.

II. Передне-язычные:

1. Слабые — сибилянты:[1]

а) свистящие (длительные):
глухой и звонкий . . . . s→z;
те же палатилизованные . . . . ş→ẓ;
те же лабиализованные . . . . s°→z°].

б) шипящие (альвеолярные)
глухой и звонкий . . . . ш→ȷ[2]

[1] Термин „сибилянты" применяется академиком Н. Я. Марром для обозначения слабых фрикативных зубных и алфеолярных согласных (свистящих и шипящих).

[2] Буква „ȷ" для обозначения звука „ж" применяется без точки, исходя из принципа: для простого звука простое (не усложненное) обозначение. Для обозначения звука типа „ш" принята соответствующая русская буква.

те же палатализованные . . . . щ → ʝ̡;
те же лабиализованные . . . . ш° → ʝ°;
те же „дебелые“ (глухой — звонкий) . . . . ш̱ → ʝ̱;
те же палатализованные и одновременно лабиализованные . . . . ш° → ʝ̡°.

2. Сильные:

а) передне-язычные взрывный глухой . . . . t
" " " звонкий . . . . d
передне-язычный взрывный средней звонкости . . . . ϑ.

Схема переходов: t → d → ϑ.

Те же палатализованные:

t̡ → d̡ → ϑ̡;

те же лабиализованные:

t° → d° → ϑ°;

б) передне-язычные аффрикаты:

α) глухая свистящая („t+s“) . . . . ṫ
звонкая " („d+z“) . . . . ď
средней звонкости („ϑ + s“) . . . . ϑ̇.

Схема переходов: ṫ → ď → ϑ̇;

те же палатализованные: ṫ̡ → ď̡ → ϑ̡̇;

те же лабиализованные: ṫ° → ď° → ϑ̇° ;

β) глухая шипящая (t+ш) . . . . ṭ
звонкая " (d + j) . . . . ḓ
средней звонкости (ϑ+ш) . . . . ϑ̣

схема переходов: ṭ → ḓ → ϑ̣;

те же „дебелые“:

ṭ̱ → ḓ̱ → ϑ̣̱;

те же палатализованные:

ṭ̡ → ḓ̡ → ϑ̡̣;

те же лабиализованные:

ṭ° → ḓ° → ϑ̣° ;

[те же палатализованные и лабиализованные:

ṭ̡° → ḓ̡° → ϑ̡̣°]

общие схемы переходов:

s → z → ṫ → ď → ϑ̇ → (t → d → ϑ);
s̡ → z̡ ↗ ṫ̡ → ď̡ → ϑ̡̇ → (t̡ → d̡ → ϑ̡);
s° → z° ↗ ṫ° → ď° → ϑ̇° → (t° → d° → ϑ°);
ш → j ↗ ṭ → ḓ → ϑ̣ → (t → d → ϑ);
щ → ʝ̡ ↗ ṭ̡ → ḓ̡ → ϑ̡̣ → (t̡ → d̡ → ϑ̡);
ш° → ʝ° ↗ ṭ° → ḓ° → ϑ̣° → (t° → d → ϑ°);
ш̱ → j̱ ↗ ṭ̱ → ḓ̱ → ϑ̣̱;
щ° → ʝ̡° ↗ ṭ̡° → ḓ̡° → ϑ̡̣° → (t̡° → d̡° → ϑ̡°);

III. Задне-язычные и гортанные[1].

1. Слабые спиранты[2].

Слабые спиранты, подобно слабым сибилянтам, также группируются в две пары, которые играют в задне-язычных сложных звуках такую же роль, какую играют слабые сибилянты в передне-язычных аффрикатах; взаимные соответствия между обоими парами слабых спирантов такие же, как между свистящими и шипящими сибилянтами.

Эти слабые спиранты суть следующие:

h — глухой гортанный спи-рант (глухое гортанное придыхание);

γ — соответствующее звонкое гортанное придыхание (сопровождающееся голосовым тоном), как например, та фонема украинского языка, которая передается в украинском алфавите буквой „г“;

ʔ—этой буквой (представляющей собой видоизмененную арабскую „гамзу“) обозначается тот глухой взрывной звук, который получается при размычке голосовых связок (coup de glotte—французских авторов, Stimmritzenverschlusslaut немецких авторов) и который является фонемой в ряде языков, например в арабском;

y — средне-язычный звонкий фрикативный звук. Этот последний включается в одну группу с предыдущими тремя гортанными ввиду того, что в исторически обоснованной фонетической системе он стоит в одном ряду с ними.

Схема переходов этих звуков: h → γ; ʔ ⟶ y.

К слабым (не имеющим больше двух ступеней озвончения) спирантам относятся также:

ħ — аналогичен звуку „h“, но дающий более густое, как бы сжатое придыхание, вследствие сильного трения воздуха при сильно опущенном над входом в гортань надгортаннике[3]. Этот звук, имеющийся также в арабском языке, изображается в арабском алфавите буквой ح. Из южно-кавказских языков он встречается в абхазском языке.

ʕ — этой буквой, представляющей собой видоизменение арабской буквы „ع“, обозначается звонкий гортанный спирант, соответствующий глухому ħ. Это звук у немецких фонетистов известен под названием „der gepresste Einsatz, bzw. Absatz“. По Panconcelli — Calzia этот звук характеризуется следующим образом: „Надгортанник надгибается под входом в гортань, не примкнув, однако, к нему полностью. Голосовые связки издают глубокий, звонкий тон. Весь надгортанник придвигается кверху. Звук, образующийся при этом приступе, звучит сжатым и спрессованным (gequetscht und gepresst)“[4].

---

[1] Задне-язычные и гортанные (взрывные и фрикативные, простые и сложные) об"единяются в яфетидологических работах под одну рубрику ввиду того, что они вместе образуют единую связную систему, параллельную соответствующей системе передне-язычных (простых и сложных). Эта параллельность двух рядов задне-язычно-гортанного и передне-язычного выявляются в закономерных соответствиях звуков сибилянтной и спирантной ветвей яфетических языков.

[2] Термином „спиранты“ в работах академика Н. Я. Марра обозначаются фрикативные задне-язычные и гортанные согласные, имеющие две степени озвончения (слабые), а также „гортанный взрыв“ (coup de glotte).

[3] По Брокельману: „eine mit starker Zusammenpressung des Kehlkopfes gebildete Abart des „h“. Sievers характеризуется этот звук следующим образом: „Здесь голосовые связки закрыты, дыхание истекает (entströmt) сквозь остающиеся открытыми гортанные хрящи (Knorpelglottis), при трении о края которых он дает специфический шум трения“.

[4] Впрочем, Sievers считает этот звук смычным: „Этот звук начинается, по крайней мере, в „анляуте“, несомненно с закрытой гортанью (mit Kehlkopfverschuss)“. По моим наблюдениям над произношением современных арабов этот звук в арабском языке не является смычным.

Этой же буквой можно передать соответственную гортанную звонкую смычную фонему, встречающуюся в некоторых яфетических языках Дагестана, например, в чеченском и даргинском языках.

Встречающиеся лабиализованные:

ħ° (ħ + w) — в абхазском
ḥ₀ (h + w) — в адыгейском

2. Сильные:

а) задне-язычный взрывной	глухой — k
„ „	зонкий — g
„ „	средней звонкости — q

схема переходов: k → g → q;

те же палатализованные:

ķ → ģ → q̦;

те же лабиализованные:

k° → g₀ → q°;

б) задне-язычные сложные, ингредиентами которых являются первая пара слабых спирантов (h → γ):

k̇ (k + h) → ǧ (g + γ) → q̇ (g + h)[1];

те же палатализованные:

ķ̇ → ǧ → q̦̇;

те же лабиализованные:

k̇° → ǧ₀ → q̇°;

из дебелых встречаются:

k̠̇ (k + ħ) → q̠̇ (q + ħ);

те же лабиализованные:

k̠̇ (k + ħ + w) → q̠̇° (q + ħ + w).

Задне-язычные сложные, ингредиентами которых является вторая пара слабых спирантов (ƒ → y):

ḳ (k + ƒ) → g̭ (g + y) → q̣ (q + ƒ)[2];

те же палатализованные:

ḳ → g̭ → q̣;

те же лабиализованные:

ḳ° → g̭₀ → q̣°.

Общая схема переходов:

h → γ ↗ k̇ → ǧ → q̇ → (k → g → q)
[h₁ → γ₁] ↗ ķ̇ → ǧ → q̦̇ → (ķ → q̦ → ģ)
h₀ → γ° ↗ k̇° → ǧ₀ → q̇₀ → (k° → g° → q°)
ħ → ꞓ ↗ k̠̇ → [ǧ̠] → q̠̇
[ħ° → ꞓ°] ↗ k̠̇° →]ǧ̠°] → q̠̇°.

---

[1] ǧ обозначается глубоко-заднеязычный фрикативный звонкий, типа тюркского „q", довольно распространенной во многих языках.

[2] Звук g̭ встречается и вне яфетических языков, как например в венгерском языке в слове „magyar".

ʎ → y ↗ ḳ → g̭ → q̣ → (k → g → q)

[ʎ₁ → y₁] ↗ [ḳ → g̭ → q̣] → (ḳ → g → q)

ʎ° → y° ↗ ḳ° → g̭° → q̣° → (k° → g° → q°)

IV. Плавные.

Плавные обозначаются буквами: n, l, r,

соответствующие палатализованные: $n_{,}$, $l_{,}$, $r_{,}$.

Необходимо при этом отметить, что буквой „l" обозначается как звук „l" типа западно-европейского, так и веляризованное „ł" типа русского твердого „л". В тех языках, где встречаются все три типа, как например в алеутском, твердое „л" может быть обозначено буквой ł.

5.

Переходя теперь к яфетическим языкам Северного Кавказа (кабардинскому, адыгейскому) и Дагестана, необходимо добавить некоторые замечания, так как эти языки имеют некоторые фонемы, которые не встречаются в южно-кавказских языках.

В области слабых звуков мы встречаем некоторые звуки, которые не могут быть отнесены ни к передне-язычным (сибилянтам), ни к задне-язычным (спирантам). Эти звуки представляют собой довольно яркий пережиток того состояния более ранней фонетики, когда эти две области языковых согласных еще не совсем отдифференцировались. Мы имеем здесь звуки средние между свистящими и шипящими, с одной стороны, и задне-язычными фрикативными — с другой, вернее, заключающие в себе артикуляционные моменты тех и других звуков[1].

К этой группе знаков принадлежат следующие:

$S_{ш}$ — (комбинация из букв S и Ш), — обозначает звук средний между глухим свистящим и шипящим.

$S_{щ}$ — соответствующий палатализованный (комбинация ş и щ). В адыгейском алфавите эта фонема обозначается при помощи буквы ŝ в кабардинском — через 7.

$\underline{S_{ш}}$ — соответствующий „дебелый". В адыгейском алфавите обозначается через ʒ, в кабардинском — через 7̣.

Z_{j} — (комбинация из букв Z и J) — обозначает звук средний между звонким свистящим и шипящим. В адыгейском алфавите этот звук обозначается буквой Ʒ, в кабардинском — буквой 7̦.

S_{h} — (комбинация из букв S и h) — для обозначения звука среднего между свистящим сибилянтом и гортанным придыханием.

$Ш_{h}$ — (комбинация из Ш и h) — обозначает звук средней между шипящим глухим сибилянтом и гортанным придыханием.

$\underline{Ш_{h}}$ — соответствующий „дебелый" либо надгортанный звук.

Сюда же надо отнести следующие знаки:

ɦ — (комбинация из букв l и h) — для обозначения латерального спиранта. В адыгейском алфавите обозначается буквой L, в кабардинском — через Ḻ, в аварском — Ļ.

[1] Необходимо отметить, что теоретическое значение изучения этих звуков весьма значительно, так как оно дало бы нам возможность получить представление той еще слитной языковой артикуляции, которая предшествовала выработке как передне-язычной, так и задне-язычной более четких и более локально ограниченных артикуляций

ḥ — соответствующий надгортанный „усиленный“. В адыгейском алфавите — буква Ḷ, в кабардинском — Ḻ, в аварском — Ł.

Что касается остальных фонем этих языков, то здесь можно добавить лишь некоторые замечания.

ʕ — обозначает подгортанное „ʕ“; эта фонема обозначается в адыгейском алфавите буквой — Ч.

Для обозначения средне-язычного глухого фрикативного (переднее „х“) Н. Яковлев в „материалах для кабардинского словаря“ и Л. Жирков в „Грамматике даргинского языка“ употребляют знак „ƀ“, представляющий собой видоизмененое „h“. Для обозначения этого звука вполне можно использовать знак q̦, так как здесь мы фактически имеем дело с палатализованным „q̇“.

Соответственную лабиализованную фонему можно обозначить знаком q̦°. Н. Яковлев употребляет знак ƀ°. В кабардинском алфавите эта фонема обозначается х̆, в алфавитах яфетических языков дагестанских — буквой х̦.

°ʔ—обозначает лабиализованный „глоточный удар“ (coup de glotte). Н. Яковлев находит эту фонему в кабардинском языке и употребляет вышеприведенный знак для ее передачи, предлагая для практического алфавита букву „v“. Т. Борукаев в „Грамматике кабардино-черкесского языка“ этой фонемы не приводит. Повидимому он полагает, что мы здесь имеем дело с дифтонгом „wə“, который в кабардинском алфавите изображается буквой „v“. Точно также Д. А. Ашхамаф в работе „О принципах адыгейской орфографии“ отмечает дифтонг „wə“, который в адыгейском алфавите изображается буквой „u“, а в кабардинском — буквами „vь“ или „və“.

В яфетических языках Дагестана мы встречаемся еще с одним фонетическим фактом, аналитическое обозначение которого потребовало особого разрешения. Дело в следующем. Мы видели выше, что в южно-кавказских яфетических языках имеются три ступени озвончения смычных и слабых звуков — глухой, звонкий и средней звонкости, для которых выбраны знаки:

по передне-язычному ряду t ⟶ d ⟶ ꝺ
по задне-язычному . . . . к ⟶ g ⟶ q
по губному ряду . . . . р ⟶ в ⟶ φ

При этом звуки первого столбца являются одновременно „смычно-гортанными“, а звуки третьего столбца — „придыхательными“. В дагестанских же языках существует еще четвертая категория этих звуков, а именно: звуки типа русских „к“, „т“, „п“, которые не являются ни смычно-гортанными, ни придыхательными. Звуки этого же типа весьма распространены также в языках остальных систем — в индо-европейских, угро-финских, тюркских и других.

Вопрос об особых знаках для этой категории звуков встал особенно остро для дагестанских яфетических языков. Если бы дело касалось лишь тех языков, где имеются только две ступени озвончения (тюркских, индоевропейских и других), то можно было бы не считаться с дополнительной физиолого-артикуляционной характеристикой этих звуков и, исходя из разбора их исторического места в развитии фонетики, подобрать для них либо знаки первого столбца, либо — третьего. Никакого смешения и никакой неясности здесь бы не было, так как при аналитической транскрипции мы учитываем лишь те артикуляционные и акустические стороны, которые имеют общественное значение, т. е. которые характеризуют фонемы. В данном же случае

эти звуки являются фонемами наряду с имеющимися налицо „смычно-гортанными“ и „придыхательными“.

Поэтому для звуков этого ряда были избраны особые буквы, а именно из греческого алфавита:

π — для глухого билабиального смычного, типа русского „п“

τ — „ переднеязычного „ „ „т“

ϰ — для глухого задне-язычного смычного, типа русского „к“.

Этими же буквами могут быть обозначены соответственные фонемы в тех языках, в которых имеются лишь две степени озвончения, т. е. в которых нет особых глухих и особых средне-звонких.

6.

Рассмотрение системы фонем языков не яфетических (индоевропейских, тюркских, угро-финских, северных и других) показывает, что весьма немного остается добавить к перечисленным знакам. Если рассмотреть составленные автором настоящих строк транскрипции для фонем почти 70 языков, принявших новые латинизированные алфавиты, то окажется, что большинство фонем повторяются во всех этих алфавитах либо в подавляющем их большинстве. Если исключить системы фонем яфетических языков, то окажется, что в отдельных языках или группах языков прибавляется весьма мало новых фонем сверх разобранных. Общее количество фонем всех разобранных языков является сравнительно ограниченным.

Это и следовало ожидать, исходя из истории развития звуков речи, установленной академиком Н. Я. Марро̀м.

Практически здесь приходится добавить следующие замечания. Звуки взрывные типа русских „п“, „к“, „т“ — как было указано несколько выше — передаются греческими буквами π, ϰ, τ.

Передне-язычная глухая свистящая аффриката (типа русского „ц“) может быть обозначена знаком ṫ (с точкой наверху).

Передне-язычная глухая шипящая аффриката — знаком ṭ (с точкой книзу)[1].

Задне-язычной глухой спирант (типа русского „х“) — греческой буквой χ.

Средне-язычный глухой спирант (типа „ich Laut“) — той же буквой с зубчиком внизу χ̦, либо знаком ḍ.

Задне-язычный носовой смычный (приблизительно „нг“), встречающийся во многих тюркских языках, а также в северных — знаком ŋ.

[Тот же звук, средне-язычный вариант — этой же буквой с зубчиком вниз ŋ̦][2].

Глубоко-задне-язычный глухой смычный („заднеязычное К“), также часто встречающееся в тюркских и в северных языках, можно передать буквой k̄ (с черточкой наверху).

Что касается передне-язычных согласных, то здесь вопрос возникает относительно передачи интердентальных (междузубных) фрикативных. Для них можно предложить соответственные буквы с двумя точками внизу, а именно:

S̤ — интердентальный фрикативный глухой типа башкирского ҍ или английского th в слове thank.

[1] Необходимо, однако, отметить, что при практической транскрипции возможно для этих звуков использовать знаки ϑ и ϑ̣.

[2] Необходимо при этом отметить, что при придвижении места артикуляции еще ближе кпереди получается палатализованное „n“, передаваемое буквой n̦. На практике при передаче алфавитов мне нигде не пришлось пользоваться приведенной в тексте буквой.

Ẓ — интердентальный фрикативный звонкий типа башкирского đ или английского th в слове that.

Для передачи эмфатических звуков, имеющихся, например, в семитических языках, можно ставить черточку над соответственной буквой:

t̄ — для эмфатического „t" (арабское ط)
d̄ — „ „d" („ ض)
s̄ — „ „s" („ ص)
z̄ — „ „z" („ ظ)

Долгота согласной фонемы („удвоение") обозначается при помощи знака „¨" над буквой.

7.

Вопрос об обозначении гласных фонем менее разработан в аналитическом алфавите.

Приведем те знаки для гласных, которые применяются:

a, e, o, u, ı — в общепринятых значениях, причем буква „ı" пишется без точки;

ə — обозначает „е" заднего ряда, а также краткий неопределенный гласный;

ä, ö, ü — обозначают соответственные передние гласные;

ы — звук типа русского „ы".

Волнистая линия над буквой обозначает назализацию:

„˘" над буквой обозначает краткость

„—" над буквой обозначает долготу (ā, ō, ı̄);

„полугласные" u и i обозначаются буквами „w" и „y", т. е. теми же, что соответственные согласные.

В заключение необходимо добавить следующие замечания.

1. Автором настоящей статьи были составлены транскрипции букв латинизированных алфавитов, при помощи аналитического алфавита. Практически дело свелось к составлению фонемной транскрипции. В процессе работы пришлось разрешить ряд вопросов передачи фонем, для которых еще не было выработано знаков в аналитическом алфавите. Результаты этой работы показаны в настоящей статье.

2. Настоящая статья не имеет своей целью дать окончательный проект научной транскрипции. Она дает лишь материалы для этого, причем материалы, которые автором уже испытаны на практике. Поскольку автор имел дело с фонемным составом многочисленных языков, принадлежащих к разнообразным группам, можно полагать, что при помощи этих материалов возможно разрешить значительное большинство вопросов транскрипции фонем или „фонемной транскрипции".

С. ВРУБЕЛЬ

УЧЕНИЕ Н. Я. МАРРА О ГЛОТТОГОНИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

1.

Для того, чтобы уразуметь то или иное языковое явление, необходимо знать, как развивался и развивается язык, каковы его исторические этапы и каковы закономерности его движения. «Познай самого себя», говорили древние греки, «познай самого себя» говорил Н. Я. Марр в одном из своих многочисленных произведений, обращаясь к национальностям, строящим свой язык. «Познай самого себя», познай свой язык, свою историю, свою жизнь. Не многим национальностям было дано познать свою историю и свой язык. Октябрьская социалистическая революция, давшая всем национальностям, живущим в СССР, национальное равенство и свободу, тем самым дала им возможность познать самих себя во всей многогранности, и нет той национальности, которая не изучала бы своей истории и своего языка. Но при изучении своего конкретного национального языка нельзя отвлекаться от общего процесса глоттогонии (языкотворчества). Там, где идет речь о языке, с неизбежностью возникает вопрос и о том, как появилась речь. Этот вопрос имеет чрезвычайно большое значение, ибо, зная, как возникла и развивалась речь, можно видеть, как и куда она движется, и по каким закономерностям идет это развитие, а следовательно, зная законы развития языка, мы тем самым можем планово и сознательно регулировать языковый процесс. Старое учение о языке, так называемый индоевропеизм, не могло дать разрешения этой актуальной проблемы, считая, что вопрос о происхождении языка является неразрешимым, а потому и нечего им заниматься. Но вопрос о происхождении языка был неразрешимым только для буржуазной науки. Что касается марксистско-ленинского учения о языке, то оно дало ясную картину происхождения языка и разрешило эту сложную проблему.

Что такое язык? На этот вопрос академик Н. Я. Марр, в соответствии с высказываниями Маркса — Ленина, отвечает: «Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства — отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике» [1].

Язык сам по себе не создается, он не дан богом человеку, он есть «создание человеческого коллектива», т. е. сам человек создал его. Задача науки — выяснить, как и какими путями человек создал такую культурную ценность, как язык. Язык не есть только звучание, но и выявление мышления. Звучание без мышления не есть язык. Следовательно не бывает языка без мышления. Язык вместе с тем — «отображение общественного строя и хозяйства». Это значит, что явления общественной и хозяйственной жизни отлагаются и фиксируются в

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 79, Азгиз, Баку, 1928 г.

языке. Конкретизируя свою мысль, Н. Я. Марр писал, что язык создан коллективом в процессе производства. Вне производства не существует языка. Отсюда — материальная обусловленность языка. Итак, язык создан человеком, создан в связи с производством, при наличии общества, хотя и примитивного, но мыслящего. Язык — выражение производства и слагающихся на его основе общественных отношений; в языке отображены материальные отношения людей. Н. Я. Марр, ставя вопрос об определении языка, говорил: «Трудно дать определение, ибо, будучи созданием изменчивой материальной базы, производства и с нею неразлучно, или к ней ближайше примыкающего надстроечного фактора социальной структуры, язык также есть историческая ценность, т. е. изменчивая категория, и без допущения чудовищного анахронизма нельзя дать его единого определения ни идеологического, ни технического» [1]. Рассматривая язык в тесной связи с мышлением, с одной стороны, и с производством и общественностью — с другой, он вместе с тем подчеркивает его историчность и изменчивость. Язык — «историческая ценность», это указывает на то, что современный язык есть результат исторического развития и что язык не всегда существовал, а появился на определенном этапе развития человека. До общества и труда, следовательно, нет никакого языка. Но язык вместе с тем «изменчивая категория». В зависимости от изменения производства и производственных отношений меняются также язык и мышление. Мышление и язык не есть что-то застывшее, мертвое, а жизненное, движущееся, но движущееся не «само по себе» и «не из себя», а в зависимости от трудового процесса хозяйственной жизни и общественного устройства. Язык возник не благодаря каким-либо физическим или физиологическим условиям, а благодаря тому, что человек в своей общественной практике выработал его. Отсюда язык — искусственное создание человека. Человек наряду со многими им созданными ценностями создал и такую громадной значимости ценность, как язык. Язык нельзя изучать вне мышления, ибо языка вне общества не существует, а общества без мышления также нет. «Почему проблема мышления, — говорил Н. Я. Марр, — одна из величайших, если не самая великая теоретическая проблема в мире? Потому что с нею связан скачок в людское общество из животной орды, животной стадности, стайности, «ройности», словом — всякого зверино-зоологически организованного коллектива, — «стадо» ли это четвероногих, «стая» ли птиц, «рой» пчел или перепончатокрылых насекомых» [2]. Скачок в людское общество предполагает наличие мышления, а там, где есть мышление, есть и потребность его выявления — языка. Не существует языка только «для меня», язык существует постольку «для меня», поскольку и «для него», ибо он возникает как орудие общения. Он возникает из потребности взаимообщения и взаимоосведомления при практической деятельности человека. Но было бы величайшей ошибкой считать, что язык человека является развитием языка животного. Такой взгляд говорил бы о биологическом и вульгарно материалистическом понимании происхождения языка. И неслучайно по этому поводу Н. Я. Марр писал: «И в этот круг свободомыслящих входят иные материалисты: по их представлению человек, оформившийся физически из обезьяны, получил если не разум, то некоторые задатки языка от животных. Отсюда та ложная установка проблемы о происхождении языка, поиски условий его возникновения целиком и по совокупности в одном

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и письмо», стр. 7, изв. ГАИМК, т. VI, в. VI, 1930 г., Л.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 30, Гос. соц. эк. изд., 1931 г., М.—Л.

начальном пункте на грани расставания человека и животного, тогда как расставание со зверем не человека еще, а очеловечившегося животного, представляет длительный, многих десятков тысячелетий период состояния членом коллективного одомашнения в процессе коллективного производства с последующим расслоением противоборствующих в одном и том же коллективе сил одинаково одомашнивавшихся животных, но с выделившимися уже зачатками человечности группы животных»[1]. Представление о языке человека, как унаследованном языке животного, ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Нами язык выводится из трудового процесса материальной жизни общественного человека, а не из его физических и биологических предпосылок, отсюда вытекает и то, что «язык — сознание человека в производстве», сознание производства и его отношений. Но участвует в производстве не отдельный изолированный человек, а коллектив, участники которого имеют что-то сказать друг другу. Отсюда язык не биологическое, а социальное явление. В связи с этим Н. Я. Марр подчеркивал особую важность взаимоотношений языка и мышления, когда писал: «... новое учение об языке не выделяет вопроса о происхождении мышления из глоттогонии (языкотворчества) и, ставя проблему о происхождении языка, как основную, тем самым считает первоочередной и проблему мышления, отводя служебное место технике речи, звуковая она или ручная...»[2]... язык есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения...»[3]. Само же мышление немыслимо вне производства и «... до возникновения производства с изменчивым орудием и изменчивым способом производства и естественной изменчивостью производственных отношений не было и не могло быть не только мышления, но элементов мышления, не было основного элемента — сознания и осознания»[4]. Ни языка, ни мышления не могло быть вне производства. Они возникали только тогда и там, где примитивный и коллективный человек трудился. Как производство, так и мышление и язык на начальной стадии своего развития были диффузны, т. е. слитны, нечленимы. Первоначально не было отдельного осознания производства, языка и мышления. Такое осознание есть уже результат позднейшего развития человека. Н. Я. Марр говорил, что «Выделением языка-мышления из трудового процесса, как его противоположности, начинается процесс отпочкования в единой речи, языке-мышлении двух противоположных не сторон, а моментов мышления и его выявления, когда речь звуковая — звукового выявления и, в связи с этим, образуются два различных технических средства, техника мышления, идеологического момента и техника звукового выявления, формального момента. Однако оба момента одинаково идеологически обоснованы своей генетической связью с материальной базой»[5].

Таким образом из трудового процесса выделяются ранее диффузно воспринимаемые две противоположности: с одной стороны — язык-мышление, с другой — производство. Но на этом дело не останавливается, и в дальнейшем развитии единство языка-мышления, ранее диффузное, расчленяется, выявляя два момента, именно язык и мышление с особой техникой — техникой мышления и техникой звуко-

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 28, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 34, Гос. соц. эк. изд., 1931 г., М.—Л.
[3] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 9, изд. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.
[4] Н. Я. Марр, «Доистория, преистория, история и мышление», стр. 13, изв. ГАИМК, в. 74, 1933 г., Л.
[5] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 14, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.

вого выявления. Мышление само из себя не рождает языка, а как одно, так и другое материально обусловлено. Язык и мышление отображает те сдвиги, которые имеются в производстве, и осмысливание этих процессов оказывает воздействие на само производство. Так что здесь мы имеем взаимодействие базиса и надстройки, а сама надстройка не является пассивным элементом, хотя и производится от базиса. Н. Я. Марр писал: «Прежде всего речь сама представляет собой неразрывное единство мышления и его выявления или звукового (когда речь звуковая) или линейного (когда речь линейная, между прочим ручная). И вот речь о таком двухмоментном понимании языка, а вначале, до возникновения первичного языка, когда, следовательно, не было еще отвлеченного, т. е. осознанного деления целого и части, языка и его частей, речь с разумом находилась диффузно, нерасчлененно, в самом производстве, собирательном трудовом процессе, и это было тогда, когда нарастала линейная речь с одним и тем же орудием производства, общим и у трудового процесса и у языка-мышления, именно рукой»[1]. Если первоначально язык-мышление-производство в восприятии не членилось, а воспринималось диффузно, едино, то по расщеплении восприятия производства и языка-мышления последнее, т. е. язык-мышление продолжало на первых порах пребывать в нечленимой диффузности и с ходом исторического развития практической деятельности человека уже позднее выявило не только тождественность, но и различие языка-мышления. Что же касается мышления, то оно «... в первичном состоянии есть коллективное осознание коллективного производства с коллективным орудием и производственных отношений, язык — коллективное выявление коллективного осознания в оформлении и объеме в зависимости от техники мышления и мировоззрения»[2].

В работах Н. Я. Марра красной нитью проходит мысль, что необходимо с самого же начала ясно представить себе и понять сущность происхождения языка и мышления и отмежеваться от биологизма и физиологизма в понятии языка. Для него этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как нельзя строить язык, не понявши, что такое язык. Он говорил: «...действительность находит выявление в речи не природно-материальной своей стороной, конкретно предметы материальной культуры, пассивные ли они или активные соучастники в производстве, животные транспорта или рабочая сила, выявляются не особенностями, восходящими к их физическим или биологическим свойствам, как факторам, а их производственной или общественной функцией в восприятии мышления...»[3]. То или иное явление речи может быть понято не иначе как через возникновение его функции, а выявление функции есть не что иное, как отображение общественных, но не биологических отношений и упирается в конечном итоге в производство. Само же мышление первобытного человека было «... не отвлеченное, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное, с родством слов символов, как выразителей образов». Существо образного мышления заключается в том, что оно было комплексное, диффузное, слитное. Не было еще такой способности диференциации и членимости, которой обладает в настоящее время человек. Поскольку язык и мышление являются исторической и изменчивой категорией, то естественно

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 14, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 45, Соцэкгиз, 1931 г., М. — Л.
[3] Там же, стр. 33, 44.

нельзя подходить к различным этапам языкотворческого процесса с нормами и закономерностями современного мышления. «Новое учение о языке в первую голову ставит вопрос об этих стадиальных сменах техники мышления и разрешает положительным разъяснением мышление, предшествовавшее логическому, так называемое дологическое, как ряд ступеней со сменой закономерностей и техники» [1].

При изучении мышления мы ни в какой степени не можем отрываться от все изменяющегося материального базиса. О единстве языка и мышления Н. Я. Марр говорил, что «на всех стадиях мышление неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво, но, будучи также одинаково с языком коллективно, мышление с языком расходится техникой, качеством, количественным охватом своей службы. Язык в действии обслуживает лишь актуальный коллектив, притом в различных пределах в зависимости от технических, слуховых или зрительных средств распространения речи, тогда как для мышления физических пределов нет, пределы же замыкания временные, поскольку они и во времени и в пространстве отодвигаются или совершенно снимаются с расширением и углублением опытных знаний. Язык подвержен воздействиям окружения непосредственно или при посредстве слуховой передачи лишь современности, а в прошлом, как и в будущем, его отношения реализуются только письмом, с определенной стадии закабалившим живой язык, а мышление, не имея иных способов выявления, как язык или его замена, не имеет кроме пределов своих знаний никаких препон для общения со всем миром и прошлым и будущим: мышление, действуя как надстройка базиса, творило в ней, надстройке, собственно лепило то, что никто не постигал, материально лепило мифы, зачатки мировоззрения и эпоса. Язык существует лишь поскольку он выявляется в звуках, действие мышления происходит и без выявления. У языка, как звучания, имеется центр выявления, центр работы мышления имеет мгновенную локализацию, но все это формально, особенно языкопроизводство, всегда сочетаемое с мышлением или с продукцией мышления. Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык» [2].

При наличии единства языка и мышления выявляются также и их расхождения. В данном случае Н. Я. Марр конкретизировал тот вопрос, который был поставлен Лениным, когда он конспектировал «Науку логики» Гегеля и на полях отметил: «История мысли—история языка??» [3]. Основная посылка, из которой исходил Н. Я. Марр при изучении проблемы языка,—это материалистическое учение о возникновении языка и мышления. Те выводы, которые он сделал о языке и мышлении на основе анализа многочисленных лингвистических материалов, лишний раз подтверждают высказывания Маркса — Ленина о языке и указывают на силу и действенность их методологии, обогащаемой развитием конкретных наук. Изучая язык в неразрывной связи с мышлением, Н. Я. Марр писал: «Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления» [4]. Это краткое замечание как

---

[1] Н. Я. Марр, «Чуваши яфетиды на Волге», стр. 8, Чув. Гос. изд., Чебоксары, 1926 г.

[2] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 62, Гос. соц. эк. из., 1931 г., М.—Л.

[3] Ленинский сб. № 9, изд. Соцэкгиз, 1931 г., И-т Ленина при ЦК ВКП(б), стр. 15.

[4] Н. Я. Марр, «Яык и мышление», стр. 62, Госсоцэкгиз, стр. 28, 1931 г., М.—Л.

нельзя лучше характеризует идеалистическое, буржуазное учение о языке, так называемый индоевропеизм, который свел учение о языке к учению о формах языка, язык же им изучался без мышления.

2.

Определивши, что такое язык и выяснивши основы происхождения речи, мы вместе с тем должны выяснить и характер первобытной речи. Коль скоро мы признаем, что язык является исторической и изменчивой категорией, тем самым мы признаем действие различных закономерностей в языковом процессе, тем самым мы признаем и различные этапы глоттогонического процесса. Естественно, что прежде чем человечество дошло до такой стадии языкового развития, когда получилась возможность трактовки отдельных звуков вне связи с их содержанием, оно проделало громадное историческое развитие. Наука о языке в лице лучшего ее представителя, академика Н. Я. Марра, утверждает, что: «первая человеческая речь была не звуковая. Она не только не была звуковой, но и не могла быть, так как человечество осознавало и воспринимало окружающий мир в образах, для передачи которых звуки не годились бы и в том случае, если бы они были в его распоряжении, между тем они не были еще приспособлены» [1]. Прежде чем человечество дошло до того, чтобы использовать звуки в качестве языка, оно должно было осознать возможность передачи звуками смысла речи, что предполагает уже довольно развитую общественность. Но очеловечивающееся животное в период становления не могло дойти до той степени, чтобы в первобытном состоянии получить возможность диференциации производства и языка-мышления, да тем более звукового языка, который, как мы видели, вытекает не из биологических, а социальных посылок. «Прежде всего, — говорил Н. Я. Марр, — не только язык не начинается с звуковой речи, но ни звуковая речь, ни предшествовавшая ей ручная, тем более вообще линейная, в частности графическая, не была с возникновением разговорной, она была вначале производственной» [2]. «Орудия производства на начальных этапах у мышления и языка были общие с производством и до выработки из них специального инструмента для языка до разлучения их с орудиями самого материального производства, не могло быть никакой самостоятельной речи: не было отрешенного мышления, не было языка вне производства» [3]. Итак, человеческая речь начиналась не со звука. Первоначально существовал ручной язык, который предшествовал звуковому. Практическая деятельность человека привела к тому, что явилась и практическая потребность что-то сказать друг другу в связи с осознанием своего трудового процесса, а для этого в качестве языка, естественно, могло быть использовано только то, что было наиболее важным в процессе труда. Это была рука, потому что на ней лежала основная функция — добывание средств существования. «Руки вообще являлись решающим моментом в новом, отличном от нормы животных направлении жизни человечества» [4]. Рука первоначально выступает не как язык, до которого человек еще не дошел, а

---

[1] Н. Я. Марр, «По этапам развития яфетической теории», стр. 321, НИИЭ и МКНВ СССР, 1926 г., М.—Л.

[2] Н. Я. Марр, «К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем», стр. 36, изв. ГАИМК, т. VII, в. 7—8, 1931 г., Л.

[3] Н. Я. Марр, «К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем», стр. 37, изв. ГАИМК, т. VII, в. 7—8, 1931 г., Л.

[4] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 89, Азгиз, Баку, 1928 г.

как орудие производства. По мере же накопления производственных навыков и осознания трудового процесса рука начинает выступать так же как орудие общения, т. е. выступает в роли языка. «Длительное господство кинетической речи многие десятки, если не сотни тысяч лет явилось источником создания мыслей и укрепления их работы, притом, если технически тут действовала рука, идеологически все зависело от общественности, следовательно, в конечном итоге и от хозяйственного строя, уже продуманного или планового хозяйственного строя, который осуществлялся хотя и без искусственного орудия производства, но с искусственным использованием натуральных предметов производства окружающей физической среды. Следовательно, даже кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку ее развития»[1].

При кинетической речи наряду с движением руки участвовало все тело человека, т. е. руки, ноги и все туловище. Все эти производимые действия не исключали и звуковой аффектации, которая не имела значения речи, а являлась лишь сопутствующим звукоиспусканием. Что касается мимики, то она есть «позднейшее достижение, образующее тоже пропасть между языком животных и даже ручным языком человечества»[2]. Мимика, которой мы дополняем современную звуковую речь, — несомненно, пережиток кинетической речи, но в ней она лишь была составным и вовсе не решающим элементом, поскольку в центре человеческой жизни, его мышления и бытия была рука. «Действительно, первобытный человек, не владевший членораздельной звуковой речью, был рад как-либо указать или показать предмет, и для этого он располагал особым приспособленным в этих целях инструментом — рукой, так отличающей человека от остального мира»[3]. Энгельс неслучайно придавал большое значение руке в процессе очеловечения обезьяны, ибо работа руки вызвала осознание своего производства и тем самым воздействовала на него. Период кинетической речи — это период диффузного восприятия материального и духовного мира. Это господство комплексного, образного восприятия. Если предшествующая лингвистическая наука отказалась от проблемы происхождения языка, то проблема кинетической речи для нее вообще не существовала. «Естественно, — говорил Н. Я. Марр, — для старой науки об языке ручная речь вовсе не существует. Между тем ручная речь и ручное мышление в глоттогоническом (языкотворческом), особенно же в логогоническом (мыслетворческом) процессе сыграла громадную роль; за время ее многотысячелетнего существования в мышлении произошли громадные сдвиги, благодаря ей мышление оформилось; за то же время количественного и качественного роста ручной речи человечество пережило не одну ступень стадиального развития»[4]. Существо языка в движении. При всей положительной роли, которую сыграл ручной язык, он на дальнейшем этапе оказался недостаточным. «Как ни богата могла быть ручная речь (и, по всей видимости, была), она, разумеется, не обладала средствами для выражения полноты новых представлений и понятий, возникавших с развитием общественной жизни, нарождением новых дотоле невиданных форм, зависевших от новых форм хозяйственной жизни. Достаточно сказать что ручной речью можно было пользоваться лишь при свете, это был язык пре-

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 89.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и письмо», стр. 10, изв. ГАИМК, т. VI, 1930 г., Л.
[3] Н. Я. Марр, «По этапам развития яфетической теории», стр. 321, НИИЭ и МКНВ СССР, 1926 г., М.—Л.
[4] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 36, Госсоцэкгиз, 1931 г., М. — Л.

имущественно дня, ночью, во мраке оставлявшей человека при одних средствах животного в беспомощном состоянии»[1]. Кинетическая речь — речь дневная. Все усложняющееся хозяйство и общественные отношения требовали с течением времени иной речи, обслуживающей практическую деятельность человека. Язык как идеологическая надстройка вступил в противоречие с базисом, и это противоречие разрешилось в выработке нового типа языка, языка не ручного, а звукового. «Техника ручного языка и ручного мышления была высоко совершенной. Она не пропала бесследно. Этот образный язык унаследован звуковым языком, новые обладатели которого лишь воспроизводили ручную речь в звуках и восполнили ее образованием отвлеченных понятий»[2]. За время кинетической речи человечество получило громадный практический опыт и осознало возможность использования иного типа речи.

Вопрос о происхождении языка важен для нас и как общий вопрос развития человеческого общества и как специальный — освещение современного процесса языкового строительства в аспекте истории, где история выступает одним из моментов познания современной действительности. Появление звуковой речи знаменует собой не эволюцию, а революцию. Использование человеком звуковой речи в качестве сигнализации говорило о чрезвычайно больших сдвигах как в общественном развитии, так и сознании людей. Наличие звуковой речи показывало, что первобытное человечество уже стоит на новой ступени мышления. Н. Я. Марр писал: «Сопоставление системы звуковой речи должно начаться с учета взаимоотношений орудий их производства. Разница основная в том, что в кинетической речи нераздельное господство «руки», она и орудие производства и воплощение самой речи. В звуковой речи орудие производства, язык и аппарат «звукопроизводства—одно дело, а сами звуки—другое дело»[3].

В основе сменяемости типа языка лежит способ производства.

То, как люди производят, что люди производят, при каких общественных условиях протекает производство, обусловливает и само производство языка и мышления. От того, как люди производят, зависит и то, как они мыслят и говорят. Производя материальные ценности, они одновременно производят и идеологические ценности в их взаимосвязи. «Звуковая речь началась тогда, когда человечество проделало громадный путь развития не одной материальной культуры. Она появилась на высокой ступени развития, до которой дошло человечество, имея позади почти весь палеолит. Всю предшествующую ступень развития человечество прошло с линейной речью без звуков»[4].

Звуковая речь появилась не потому, что человеческая глотка и язык в состоянии были произносить звуки, а потому, что человек в процессе своего труда дошел до такого состояния, когда появилась потребность в ином типе общения, более соответствующем его новым общественно-хозяйственным отношениям. Появление звуковой речи относится к тому периоду времени, когда уже было изобретено искусственное орудие производства и его широкое применение в хозяйстве. Звуковая речь начинается «при космическом мировоззрении

---

[1] Н. Я. Марр, «По этап. разв. яф. теор.», стр. 325, НИИЭ и МКНВ СССР, 1926 г., М.—Л.

[2] Н. Я. Марр, «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье», стр. 95, ГАИМК, Огиз, ГСЭ, изд. 1934 г., М.—Л.

[3] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 99, Азгиз, Баку, 1928 г.

[4] Н. Я. Марр «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», стр. 48, изд. Ком. академии, 1930 г.

на грани расставания с тотемическим» [1]. Однако появление нового типа речи отнюдь не означало, что предыдущий тип языка сдан в архив. Звуковая речь, пришедшая на смену ручной, на начальных ступенях глоттогонического процесса была очень тесно связана с этой последней. Тот опыт, который был накоплен за время кинетической речи, не мог бесследно исчезнуть и он был воспринят звуковой речью, несмотря на то, что она развивалась как противоположность ручному языку «... первичные слова и производные образования звуковой речи не что иное, как перевод линейных или кинетических символов, сигнализировавшихся рукой на звуковые символы. И, конечно, техника этого перевода, вообще техника построения слова была не только формально, но и идеологически различна, как самое мышление, на различных стадиях человеческого развития» [2]. Иная система языка, иной тип словотворчества, иное осмысливание своего производства и его отношения, иные нормы мышления и наряду с этим переработка богатейшего опыта исторического наследия человеческой практики. Если кинетической речи сопутствовала звуковая аффекция, которая являлась ее подчиненным моментом, то при звуковой речи положение изменилось, и рука, мимика, все телодвижения стали играть только роль вспомогательного средства. Звуковая речь зародилась в недрах кинетической речи, развивалась как ее противоположность, и по мере накопления противоречий количество переросло в качество, разрешившееся в скачке на новую ступень языкотворческого процесса, на ступень звуковой речи. Но при системе звуковой речи ручная речь и мимика, отошедшие на задний план, остались как показатели противоречивого, исторически наследованного процесса речетворчества, дошедшего до наших дней, когда мы подправляем нашу речь мимикой и рукой. «Все преимущества, — говорил Н. Я. Марр, — звуковой речи перед линейной, ее богатство и точность, связанные с богатством и точностью мышления,— позднейшее достижение, последовавшее по получении ею, звуковой речью, господства, по вытеснению ею ручной речи, не только как орудия производства, но и орудия борьбы, в каковой борьбе она, звуковая речь, развивалась и, переросши ручную речь, благодаря своим техническим возможностям, позднее, значительно позднее стала разговорным языком, но опять-таки господствующего слоя. Дотоле линейная речь, ручная, была неизменно богаче и точнее, да она была долго и по возникновении звуковой речи единственным разговорным языком, отвечающим всем жизненным потребностям и потребностям оформления по технике мышления и его накопления в пределах, в каких при орудии и способе линейной речи, ручной, оно, мышление, имело возможность, осознавая окружение, использовать не руки, а одну правую руку, как свой видимый центр мышления, располагая и в области понятий, как способом их выявления, представлениями, а не понятиями».

В то время, как ручной язык рассчитан был главным образом на восприятие его глазами, а посему был ограничен в своих возможностях, так как глаз мог видеть только днем, звуковая речь имела то большое преимущество, что ухо могло воспринимать звук и днем и ночью, и самый процесс созидания речи становился значительно удобней и выгодней в связи с все усложнявшимися общественно-хозяйственными отношениями людей.

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 39, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.
[2] Н. Я. Марр, «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», «Языковедение и материализм», стр. 40, ИЛЯЗВ, «Прибой», 1929 г., Л.

Нас интересует не только то, как произошел язык, но и как он развивался. Отсюда возникает вопрос и об этапах развития звуковой речи. Само собой разумеется, что не могло быть никакой членораздельной речи в тот период, когда зарождался и начинал развиваться язык уже по одному тому факту, что человечество не располагало тем обилием звуковых различий, которые мы сейчас имеем, так как оно еще не в состоянии было дойти до такого членения, не только в силу своих физиологических возможностей, но и в силу социального осмысливания возможностей передачи смысла путем звуковых оттенков, что появилось значительно позднее, как результат творческой работы человека над созданием своего языка, который явился не как дар природы, а как создание человеческого коллектива в труде. Академик Н. Я. Марр устанавливает, что первоначальная речь сводилась к четырем типам звуковых комплексов, которые он назвал Sal, Ber, Yon, Rош, а позже стал обозначать буквами A, B, C, D. При этом он говорит: «Эти ныне отбираемые нами разновидности четырех элементов, эти так наз. племенные названия Sal, Ber, Yon, Rош в своей безукоризненной речевой членораздельности — позднейшего происхождения, они лишь условные в отношении произношения заместители первичных четырех звуковых комплексов магического действа и одно сплошное недоразумение, когда их пытаются свести к трем или даже одному архитипу путем отождествления отдельных в их составе звуков, первично вовсе и не выделявшихся как отдельные фонемы». («Постановка учения о языке в мировом масштабе»). Весьма важно учесть, что когда мы в настоящее время произносим эти звуковые комплексы, а произносим мы их в членораздельности, то это ничего общего не имеет с их первоначальным произношением, когда не было никакой членораздельности, почему собственно они и названы комплексами, как показатели их слитного, а не раздельного произношения, т. е. такого диффузного произношения, из которого не выделялись компоненты, входящие в него, но которые показывали, что в потенции каждый комплекс носил возможность его расчленения и состоял из двух согласных и одного гласного. Причем эти комплексы являются не только элементами звучания, но и элементами мышления. «... Четыре элемента имеют совместное бытие с момента их материального возникновения в любой человеческой группировке независимо от племенных по крови образований...» «Они изначально совместны, где бы ни был любой из них, там наличен другой, следовательно, третий и четвертый...» «... все четыре вместе и каждый из них имел то значение, долевое, что и все четыре вместе или каждый из остальных трех вместе» [1].

Первоначально звуковые комплексы были асемантичны, т. е. не имели никакого смыслового значения, и только с течением времени за ними было закреплено определенное значение. Подобно тому как начиналась кинетическая речь, когда рука, изначально являвшаяся орудием производства, позднее выступала в роли орудия общения, точно так же, по Н. Я. Марру, и звуковая речь первоначально была не речью, а орудием труда, и через звук, как орудие труда, образовался звуковой язык. Н. Я. Марр считал, что звуковая речь внедрилась не сразу, а постепенно, что она являлась достоянием немногих лиц, которые ею владели как бы в качестве «секрета производства», используя ее в производственных целях, именно в целях «магического действия».

В учении развития языка Н. Я. Марр выдвинул на первый план

---

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 107, Азгиз, Баку, 1928 г.

развитие содержания речи. К звуковой речи он подходил прежде всего с точки зрения выявления смысла слова. Отсюда: «К вопросу о происхождении звукового языка, специально звуковой речи человечества, мы подходим прежде всего со стороны роли слов, как носителей того или иного значения. Сторона звуковая и вообще формальная есть техника, ею определяется та или иная практика речи, но менее всего ею определяется происхождение» [1]. Рассматривая звуковую систему языка как форму, в которой находится содержание, отображающее общественные отношения людей, мы стремимся прежде всего выявить и узнать эти отношения как выражения человеческого бытия и мышления, в связи с чем центр тяжести лежит не в фонетике языка, а в семантике, и сама фонетика может быть понята не иначе как через семантику. Отсюда ведущим в яфетической теории является не учение о звуках (фонетика), а учение о значимости слова (семантика). Изучение процесса развития речи показывает, что человеческая речь начиналась не со звука, а с семантики, т. е. из потребности выразить известный смысл, который первоначально не имел звукового оформления. Раз в семантике отражается мышление человека, определяемое его бытием, то, естественно, с этого и надо начинать. Но семантика не начинается с раздельного слова. Еще в период кинетической речи какое-нибудь движение руки означало не отдельное слово, а целый комплекс значений. Это же было и в начале звуковой речи, при которой ранее асемантичные комплексы стали носителями смысла. Не только звуки были диффузны, но и семантика была диффузна, и не было такой диференциации, значимости смысла, которая свойственна современным языкам. Семантика начиналась не с отдельного слова, а с речи, не расчлененной на слова. «Когда мы говорим о закономерности возникновения и развития речи, потом слов и служебных частиц, идя последовательно от всей речи к отдельным словам, как от совокупности к единицам или как от целого к частям и частицам, то такое положение не только правильно по диалектической логике, но оно фактически четко прослеживается на конкретных языковых фактах и не требует особых усилий, чтобы понять его и принять» [2]. «...Язык по-русски, — говорил Н. Я. Марр, — обозначает (и преимущественно обозначал в древности) не анатомическую часть, а общественную речь, и, во-вторых, «язык» значил народность, племя, народ (напомню сочетание «всеязыци») изначально же означал производственный коллектив и язык — надстройка в наши дни — это нация, т. е. наличная в нем, в языке, как в зеркале отображенная нация со всеми ее новыми и историческими достижениями» [3]. Семантика начинается с осознания смысла языка, который первоначально воспринимался по «руке». С ходом исторического процесса из семантики речи выделяется семантика слова. Корни этого явления лежат в плоскости решения экономических задач первобытного человека. С течением времени хозяйственная и общественная жизнь разнообразилась и усложнялась. Человеческая практика обогатилась громадным историческим опытом. Расщепление синтетичности в области производства и производственных отношений не могло не отразиться и на диференциации семантики. Восприятие смысла слов шло в порядке осознания производства и его отношений. Количество слов множилось в силу все расширяю-

[1] Н. Я. Марр, «По эт. разв. яфет. теории», стр. 317, НИИЭ и НКНВ СССР, 1926 г., М. — Л.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 14, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г.
[3] Н. Я. Марр, «Письмо и язык», стр. 20; «Письм. и револ.», сб. 1, изд. ВЦКНА, 1933 г., М.—Л.

щейся общественной деятельности людей. Из первоначально ограниченного словарного фонда человечество дошло до неимоверно большого богатства слов. Словарный состав языка разнообразился от типа хозяйства, ступени общественного развития, классовой диференциации и т. д., отражая собою закономерности общественного развития, которые в аспекте истории, естественно, не могли быть тождественны. Техника словотворчества, как и техника мышления, в зависимости от времени, места и социально-экономической жизни людей была различна. Нельзя распространять закономерности современного словотворчества на все эпохи глоттогонического процесса. Однако этим не отрицается движение по спирали, т. е. повторение одного и того же явления на иной основе на высшей ступени. Важно вскрыть специфику закономерностей этого движения. Производственный коллектив творит как название предметов, так и технику выработки слов. Первоначально нарекаются не отдельные предметы, а их различные категории. Но, говоря о слове, мы должны иметь в виду, что слово для нас является не звучанием, а смыслом. Слова без мышления не бывает, как не бывает его и вне производства, ибо только там, где есть процесс труда, там есть и его осмысление и выражение. Слово не есть результат физиологии и биологии, оно — отображение общественных отношений, складывающихся в процессе производства. До мышления нет слова.

Мышление и слово изменчивы. Семантика слова изменяется в зависимости от социально-экономической жизни людей. Процесс созидания слов чревычайно разнообразен. На ранних этапах развития человеческой речи диффузный комплекс расщепляется, а расщепляется он вследствие необходимости выражения нового смысла. Словотворческий процесс идет как по линии скрещивания слов, так и по линии диференциации звуков. Процесс созидания слов идет по линии использования исторического наследия. Идет новое использование существующих ресурсов. Если взглянуть на историю развития слова, то нетрудно видеть, что первоначально, в силу ограниченного лексического состава, оно было полисемантично (многозначимо). Одно и то же слово имело ряд значений. Это происходило оттого, что нужно было выразить ряд новых понятий, а так как языковые средства были не большие, то словообразование происходило путем придания ряда значений одному и тому же слову. Значения диференцировались в зависимости от местоположения в ряде других слов. Полисемантизм особенно связан с аморфно-синтетическим строем речи и моносилабизмом (односложностью). Образование слогов с утратой значимости отдельного слога есть более позднее явление. Исторически однослог не формальный компонент слова, а само слово, имевшее раньше самостоятельное значение. С семантической стороны слово движется в путях сокращения многозначности, т. е. от полисемантизма к моносемантизму (однозначности).

Существующий в яфетической теории термин «семантический пучок», типа «рука + женщина + вода» или «небо + гора + голова» означает историческое развитие слова и его изменчивую функцию, а также указывает на различное его восприятие в зависимости от времени, места, хозяйства и среды. Так как в яфетической теории основной упор делается на семантику слова, как отображение исторического развития человека, то естественно на первый план выступают не законы фонетики, а законы семантики, и потому Н. Я. Марр писал: «Тем не менее факт, что в старом учении существовали законы фонетики (законы звуковых явлений), но не было законов семантики — законов возникновения того или иного смысла, законов осмы-

сления речи и затем частей ее, в том числе и слов, значение слов не получало никакого общественно-идеологического обоснования»[1]. Каковы же эти законы отображения диалектики исторического процесса речетворчества, отложившиеся, равно как и действующие в современности, и в чем они выражаются? Эти законы семантики, следовательно, законы созидания слов, следующие:

1. «По функции». — Слово получает свое значение в зависимости от того, какую функцию оно выполняет, как, например: «рука → камень», «собака → лошадь». Камень в хозяйстве сменил руку, а лошадь собаку и т. д.; произошло перераспределение хозяйственных функций, и это отложилось в языке в форме переноса слова. Отсюда «камень», сменяя «руку», взял ее наименование, а «лошадь» стала называться по «собаке». «Лев» у шумеров, следовательно, — «большая собака», но там, где не было «льва» или где название «льва» было обеспечено иным словом, «льва» заменял «волк», т. е. «волк» — «большая собака», как «лиса» — «малая собака»[2].

2. «Часть по целому». — Слово получает свое значение как частица целого; так «небо → птица», т. е. «птица» воспринимается как часть «неба», «хобот» воспринимается по «слону», «рог» по «оленю», «грива» по «лошади», — все это часть целого.

3. «По противоположности». — Одно и то же слово распадается на противоположные значения, как например: «день» и «ночь»; «брат» и «сестра»; «мрак» и «свет» и т. д. сохраняют противоположные значения в одном и том же слове.

Эти законы не являются какими-либо абстрактными схемами, а выведены из закономерностей развития человеческой речи. Н. Я. Марр говорил, что: «... к предмету нельзя подходить прежде всего таким образом — из чего сделано, как сделано, но под углом того, какие давались предмету тогда функции. А это вовсе не вытекало из того, что сделано и как сделано»[3]. Предмет получает наименование не по его физическим, химическим и биологическим свойствам, а по общественной функции, увязанной с процессом хозяйственной жизни людей. Слово получает свое содержание через развитие производства и его осмысление, следовательно: «...каждый производственный коллектив вместе с предметами производства творит и названия предметов с названиями технических приемов выделки, что затем, по мере потребности в них, входит в массово-общий языковый обиход отдельных человеческих группировок, то всех, то лишь одной, именно группировки общего с творящим производственным коллективом языка, или становится специальным терминологическим словарем по производству...»[4]. Слово, воспринимаемое сейчас как абстракция, на начальных ступенях своего развития отличалось конкретностью. Исходя из производственного характера речи, Н. Я. Марр приходит к тому выводу, что «надо знать, что на начальной стадии первобытного общества вовсе и не было слов в нашем понимании, как абстракции; то были именно категории и самого производства, как бы эти имена ни выявлялись в зрительном или слуховом оформлении»[5].

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 12, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г.
[2] Н. Я. Марр, «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории», стр. 9, изд. КИАИ.
[3] Н. Я. Марр, «К вопросу об историч. проц. в освещ. яф. теор.», стр. 50, изд. Ком ак., 1930 г., М.
[4] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 119, Азгиз, Баку, 1928 г.
[5] Н. Я. Марр, «В тупике ли истор. матер. культ», стр. 50, ГАИМК, в. 67, 1933 г., Л.

Современный этап глоттогонического процесса показывает, что в различных языках имеется очень много так называемых «общих слов». Это явление объясняется еще тем, что в результате социального схождения выработались общие нормы словотворчества. Когда люди жили изолированно, или по крайней мере не имели больших общественных связей, то, естественно, и их словарь был различен. При росте же экономической связности увеличивались и моменты словарной общности. Н. Я. Марр полагает, что «...чем больше общих слов у многих наличных теперь языков, чем больше видимой и легко улавливаемой формальной увязки языков на пространстве большого охвата, тем больше основания утверждать, что эти общие явления — позднейший вклад, что нарастания их в отдельных языках результат позднейших многократно происходивших скрещений»[1]. Изучая глоттогонический процесс, Н. Я. Марр подметил чрезвычайно важный факт, названный им «идеологическим диференциалом» и «собственническим детерминативом». «Идеологический диференциал» указывает на существующую закономерность идеологического порядка, сказывающуюся при формировании слова, а «собственнический детерминатив» указывает на отношение, т. е. на то, **кто** формирует это слово, к кому относится данное слово, результатом чьего производства оно является.

Глубокое и всестороннее материалистическое изучение языковых фактов приводит Н. Я. Марра к тому заключению, что «Индоевропейская семантика обоснована анахронистически: на житейских соображениях современного или древнего исторического быта, порою на объяснениях культурно-исторического порядка, путем отвлеченных логических построений, недоступных и прямо-таки чуждых первобытному человеку»[2]. Житейские соображения да формально-логические построения — вот что характерно для индоевропеистической науки об языке, которое вообще придает мало значения семантике языка, подменив науку об языке наукой о формах языка в разрезе статики и изолированности. Н. Я. Марр, выдвигая на первый план изучение семантики, считает, что... «семантика вытекает, как морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически установившихся социальных условий, часто не имеющих ничего общего ни с нашими теоретическими построениями, оказавшимися в основе воздушными замками, ни с нашими реально-материальными восприятиями, анахронистически переносимыми на общественное мышление до-исторического человека»[3].

Увязывая язык с мышлением и обусловливая их развитие развитием материального производства, нельзя не видеть, что все это находится в движении и непрерывном изменении. С развитием материальных производительных сил, с изменением производства и производственных отношений меняется и значимость слова, а также техника его формирования, и при изучении процесса современного языкового строительства можно ничего не понять, если не подойти к этому вопросу с точки зрения исторического анализа глоттогонического процесса. Этот исторический анализ указывает линию развития языка и этапы словотворческого процесса, указывает пути и формы созидания речи. Он обогащает познание и освещает путь современного этапа словотворчества. Историзм используется как момент познания современной действительности.

[1] Н. Я. Марр, «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», «Яз. и матер.», стр. 2, ИЛЯЗВ, «Прибой», 1929 г., Л.

[2]—[3] Н. Я. Марр, «По этапам развития яфетической теории», стр. 317, НИИЭ и НКНВ СССР, 1926 г., М.—Л.

И если речь идет о формировании терминологии, то: «При ретроспективном взгляде от нашего времени нет ни одного слова, которое раньше не было бы термином, выражающим понятие, созданное в процессе материального производства, и нет ни одного термина, который не восходил бы через длинную цепь звеньев такого производственного соответственных стадий происхождения к космическим, в частности астральным телам и далее тотемам первобытных обществ с образным мышлением, вышедшим, как и язык, все из того же пения, т. е. из недиференцированного художественного творчества» [1]. Так с самого же начала мы сталкиваемся не только с тем, что должно слово обозначать, но и что оно обозначало, а отсюда и осмысливание правомерности его существования, осмысливание его идеологической, следовательно, семантической, а не формальной, звуковой, значимости, осмысливание его классовой значимости не только в настоящем, но и в прошлом. Отбросить все это, значит — стать на вульгарно-эмпирическую точку зрения и строить язык с закрытыми глазами, формировать слова без мысли. «Когда же речь о терминологии, — говорил Н. Я. Марр, — где идеология создается из потребности техники систематизировать создаваемые ею понятия, здесь приходится начинать в теоретической работе не с частных явлений, а с общих. В пределах этих общих явлений все частности получают свои точные и конкретные исторически обоснованные наименования, учитывающие одновременно определение (termes, термины). Дело специалистов данного производства, в первую очередь материального, затем культурного, научного и художественного, но дело первейшее, — проследить реальную историю, действительность всех конкретных языков, чтобы исходить не от формальных, оторванных от жизни явлений, а к ним приходить и в них опознавать новую функцию, всегда общественную стоимость, всегда актуальную, всегда увязанную с производством, всегда производящую не только производство материальное, но и его технику по обоим моментам, формальному и идеологическому. В чисто формальных основах аристократической лингвистики, ныне лишь наследии буржуазной культуры, вскрылись изыскания графическо-фонетических деталей и прочности единственного оплота ее историзма, общегерманского переозвончения, как теперь оказалось в свете нового учения о языке, наследия той стадии в развитии языка вообще в мировом масштабе, когда германские языки, в том числе и немецкий, действительно существовали, но они входили тогда в иные системы» [2].

Н. Я. Марр рассматривал термин не только с его фонетической и графической стороны, он рассматривал его прежде всего как слово, отображающее мировоззрение, т. е. идеологию, в ее классовом разрезе, в увязке с производством, техникой и выполнением общественной функции. В связи с этим он заострял вопрос на необходимости правильного отражения термином, как выразителем социально-экономических отношений людей, мировоззрения и идеологии пролетариата. Термин не только звучание, но и мысль, а в классовом обществе не может быть внеклассового мышления, а отсюда термин приобретает актуальное значение, поскольку он является словом, отображающим мышление определенного класса; в связи с этим первенствующее значение имеет не форма, а содержание термина. Говоря о термине, Н. Я. Марр подчеркивал, что общий процесс движения

[1] Н. Я. Марр, «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье», стр. 126, ГАИМК, Огиз, ГСЭ, 1934 г., М.—Л.

[2] Н. Я. Марр, «Маркс и проблемы языка», стр. 12, изв. Гос. Ак. Мат. К., в. 82, Гос. соц. эк. изд., 1934 г., М.—Л.

языка от многоязычия к одноязычию, идущий в такт зародившемуся интернациональному способу производства и все углубляющейся интернационализации экономической и социальной жизни людей, через развитие классовой борьбы и установление бесклассового человеческого единства, не может не отразиться в языке; он отражается в языке в форме однообразных слов. Строительство современной терминологии должно способствовать развитию этих интернациональных связей. Создавая терминологию, необходимо учитывать, что одновременно создаются общечеловеческие нормы языка.

Изучая современное состояние языкового развития, Н. Я. Марр обращал особое внимание на необходимость отказаться от переноса современных норм мышления на ранние этапы развития человеческой речи, а с другой стороны, он указывал на необходимость ликвидации разрыва между современностью и историей. Он об этом писал: «Все сказанное, товарищи, укрепляет нас в осознании и практической и теоретической необходимости реального, т. е. диалектико-материалистического историзма. С этим связаны темпы социалистического строительства и система сокращений сложных выражений. Она повторяет систему сложения слов в первобытном обществе, но повторяет ее с подъемом на новую предельную высоту (имеем в виду язык у нас в СССР и соответственно темпы современного строительства и нашего бытия). Наше бытие еще во многих деталях, нередко существенных, — старое, своего рода отголосок ветхой жизни. Но социалистическое строительство и современное, с ним связанное бытие наше вторгаются в темпы жизни и не позволяют оставаться индивидуально в нормах старого режима; они давно вторглись, чуть ли не первыми, в советскую речь и вначале словно бы стихийно. Это — совершенно правильные с точки зрения истории языка сокращения слов по элементам, такие как «Совнарком», «ЦИК», «Нарком», «Цека» и т. п. Уже в перечисленных примерах есть образование различного порядка: есть случай трехэлементный с сохранением лишь начальных звуков каждого слова, входящего в состав новообразования (как «ЦИК»); бывает пользование двухэлементной частью для выражения, состоящего из четырех, даже пяти слов, напр. «Цека», без недоразумения используемое в смысле «Центрального комитета коммунистической партии» или полнее «Центрального комитета коммунистической партии (большевиков)». И каждое из этих образований получает полное и научное оправдание с точки зрения новой языковедческой теории, ее учения о четырех лингвистических элементах, и на нем обоснованной палеонтологии речи, как это обнаруживается анализом любого слова, даже служебной частицы любого языка, в частности русского»[1]. Такие слова, как «ЦИК», «Цека» и т. д., обычно называются «абревиатурами», т. е. «сокращениями», но такое определение есть чисто формальное и ни в какой мере не разъясняющее содержание данного явления. Если исходить из анализа исторического процесса речетворчества, то нетрудно увидеть, что так называемые «абревиатуры» есть не что иное, как один из приемов терминостроительства, своими корнями уходящий в глубь веков. Когда говорят о звуковой речи, то надо иметь в виду, что всякое изменение звуков тесно связано с изменением смысла и что это изменение зависит от общественного заказа, так что за звуковыми изменениями кроются общественные взаимоотношения людей, и звуки разнообразятся, выполняя разнообразные функции усложнившейся общественности.

---

[1] Н. Я. Марр, «Письмо и язык», стр. 18, «Письм. и рев.», стр. 1, изд. ВЦКНА, 1933 г., М.—Л.

С самого начала звуковой речи не было ни одного слова, ни одного звука, который бы не прошел сквозь призму человеческого осознания.

В деле изучения языкотворческого процесса исключительно большое место занимает палеонтология речи, благодаря которой Н. Я. Марр смог дать материалистическое обоснование языковым фактам и о которой он писал: «Открылась материальная перспектива на состояние языков, типы доисторических различных языков, вплоть до эпох, когда еще не было звуковой речи человечества, и мы получили возможность изучать исторические языки индоевропейские, семитические и другие, подходя к ним от предшествующих эпох, изначальных, и с этим зародилась наука о происхождении и древностях языка, так называемая палеонтология речи, и стали вырабатываться ее особые методы» [1]. Сущность палеонтологии речи заключается в том, что она является «учением о значениях слов в разрезе обнажившихся пластов человеческой звуковой речи различных языкотворческих эпох, следовательно, различных ступеней стадиального развития» [2]. В своих позднейших работах он конкретизирует и углубляет понимание палеонтологии речи, говоря, что «В термине «пале» — начальная часть действительно означает древность, а остальная часть — «онтология» значит учение («логия») о сущности («онт»); в целом же «палеонтология речи» — это учение о коренных, идеологически обоснованных сдвигах и сменах не только содержания, но и оформления языковых явлений. Здесь обнажается и идеологическая несостоятельность термина, его несоответствие той реальности, которую вскрыла новая языковедная теория, и что, следовательно, должен выражать термин, именно изменчивую функцию, стоимость слова (речь об ее смене, о сменах функций), между тем греч. τά όνιά «сущность», «действительность», «истина» (τό ʻόν косвенные падежи с основой множественного числа) и «палеонтология» собственно означают «постижение» или «изучение сущности», да еще лишь древней сущности речи, тогда как новое учение об языке вскрывает не первоначальную лишь стоимость или функцию, напр. слова (когда отдельно его и не было, как не было и речи), а функцию и ее закономерность в увязке с реальностью; оно вскрывает смены закономерностей во времени с учетом стадий и в пространстве международно по всем социальным слоям, в первую голову ныне ведущему, смены функций вплоть до наших дней и далее еще перспективно, с намечением путей новой стройки и перестройки языка для актуальности, текущей и нарастающей в самом материальном базисе. Более того, это учение о сменах самих закономерностей обоих моментов языка, содержания и оформления. Палеонтология речи нового учения о языке не имеет ничего общего с палеонтологией старого учения о языке, где термин также использовался в применении к эволюционному развитию уже сложившихся языков или вообще отвлеченно по формальным признакам сочиненного общего языка, да еще в пределах одной позднейшей стадии, и с палеонтологиею там, действительно, связывается интерес исключительно к древнейшему состоянию языка или групп языков той же самой стадии. Палеонтология речи и нового учения о языке также считается в порядке своего подхода с древнейшим состоянием языка человеческих обществ, но и здесь учитывает оно коренные сдвиги и

---

[1] Н. Я. Марр, «Чуваши яфетиды на Волге», стр. 7, Чув. Гос. изд., Чебоксары, 1926 г.

[2] Н. Я. Марр, «Родная речь—могучий рычаг культурного подъема», изд., Ленинградского Вост. ин-та, 1930 г., Л.

смены по стадиям, ряду стадий»[1]. Палеонтология речи понимается не как «учение о сущности древности», а как историческое, в увязке с современностью, изучение языка в его классовом разрезе, с учетом формальной и идеологической стороны речи, с учетом революционных сдвигов как в экономике, так и сознании людей. И если мы берем современное слово и рассматриваем его с исторической точки зрения, то такое рассмотрение не есть отрыв от современности, а углубленное ее понимание. Н. Я. Марр считал, что: «...палеонтология речи не предполагает возведения каждого слова, хотя бы переживаемой нами стадии, непосредственно к «руке» и «орудию», способу производства, когда это дериват от «орудия», да отнюдь не первой смены. Дериват орудия не первой смены и способа не первой смены одновременно является отображением не первой смены производственных отношений, следовательно, социальных не только требований, но и потребностей; словом, когда это дериват сложнейших взаимоотношений надстройки и идеологически изучаемой речи и материальной культуры, с учетом ее различных категорий»[2]. Нельзя механистически подходить к палеонтологии речи и по формальному признаку возводить каждое современное слово к «руке». Наша задача, пользуясь палеонтологией речи, вскрыть закономерности развития языка и выявить их материалистическую обусловленность, а тем самым осветить различные стороны исторического процесса человеческой практики. Благодаря палеонтологии речи было выяснено, что звуковая речь является изначально скрещенной, что она пришла на смену кинетической речи и что слова созидались «... не на пустом месте в путях отвлеченного мышления, хотя бы в увязке с общественностью и ее материальными предпосылками и ее мировоззрением, а в постепенно протекавшем, диалектическом расхождении с кинетической речью, языком жестов и мимики, рядом с которым элементы звуковой речи служили долго лишь подсобным материалом, ограничивавшим свое использование кругом предметов и представлений магического порядка»[3].

3.

Рассмотрение языка в историческом аспекте дает нам возможность выявления действительного состояния не только фонетики и семантики, но и различных грамматических категорий, выявления синтаксиса и морфологии. Если для индоевропейского языкознания существовала фонетика и морфология формального порядка, то для нас она существует не только формально, но и идеологически. Рассматривая те или иные языковые факты формального порядка, мы стремимся прежде всего вскрыть их идеологическую сущность и объяснить причины их возникновения. Когда же речь идет о синтаксисе и морфологии в их отношении к звуковому языку, то согласно яфетической теории «Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а через предложения, через мысли активной и затем пассивной, т. е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи»[4].

Говоря о морфологии и синтаксисе, следует иметь в виду, что

[1] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 29—30, изв. ГАИМК, в. 60, 1932г., Л.
[2] Н. Я. Марр, «В тупике ли история материальной культуры», стр. 83, изв. ГАИМК, в. 67, 1933 г., Л.
[3] Н. Я. Марр, «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», «Языковедение и материализм», стр. 30, ИЛЯЗВ, «Прибой», 1929 г., Л.
[4] Там же, стр. 37.

как одно, так и другое образуется не иначе как в связи с общественным строем и в зависимости от него. В явлениях синтаксиса мы ищем отражение общественного бытия человека. Предложение есть «выражение словами, сигнализующими понятия и представления определенной мысли, отражающей во взаимоотношениях слов данной фразы взаимоотношения предметов»... [1] Предложение состоит из слов, но слова выражают общественные материальные отношения людей, следовательно, в предложении выражена через посредство слов человеческая мысль, слогами в связи с его трудовым процессом. Предложение вытекает из потребности производства осмысленного и выраженного в словах. Для уточнения взаимоотношений членов предложения возникает морфология, которая вместе с тем также отражает общественный строй. Та или иная форма вне общественного строя и бытия, вне человеческого мышления не появляется. Любая формальная частица языка может появиться только осмысленно, как результат потребности осознанного в человеческом мозгу материального мира. Н. Я Марр говорил: «... происходят сдвиги в языке и мышлении, разъясняющие смены всех языковых явлений отнюдь не по категориям формальной грамматики. Но раз ни у нас, ни за границей в помине не существует ни одной неформальной, т. е. не формальной логикой построенной грамматики, ни одной живой устной или замершей в письменности речи по какому бы то ни было учению о языке, вне так называемой яфетической языковедной теории, то диалектически и материалистически разъясненным и разъясняемым по этой новой лингвистике сменам всех языковых явлений путь нормального развития загражден вообще грамматическими категориями и их культом, поскольку они, не разъясненные в своей подлинной причинности, не увязаны генетически с реальностью нами же созидаемого бытия. И в этом культе формалистично установленных грамматических категорий сходятся все, ибо это путь наименьшего сопротивления» [2].

Глубокий анализ лингвистического материала показывает, что: «... грамматические термины при своем возникновении оказались, с одной стороны, категориями надстройки мышления и, следовательно, также языка, с другой стороны — общественности, носителями соответствующего мышления, а общественность в свою очередь и по языковым фактам оказалась построенной по производству» [3]... Правомерности той или иной грамматической категории нужно искать в конечном итоге в производстве, в осмысливании этого производства общественностью, выражающей свои производственные общественные отношения в языке через мышление. И если говорить о частях речи, то первоначально «...частей речи не было. Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат основою для образования действия, т. е. глаголов переходных и впоследствии непереходных; имена существительные по функции становятся, служа определением, прилагательными, которые также выделяются; имена же (определенный круг имен существительных) становятся местоимениями, затем имена становятся союзами, и остальные части речи уже лишь производными от той или иной категории из перечисленных частей речи» [4].

---

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 53, Азгиз, Баку, 1928 г.

[2] Н. Я. Марр, «В тупике ли история материальной культуры», стр. 112, изд. ГАИМК, в. 67, 1933 г., Л.

[3] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 39, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.

[4] Н. Я. Марр, «Почему так трудно стать лингвистом теоретиком», стр. 37, «Язык и матер.», ИЛЯЗВ, «Прибой», 1929 г., Л.

«Вообще не было частей речи, не было и имени, а был лишь звуковой комплекс, используемый для выражения образа представления и понятия, но использование этого образа, этого представления и этого понятия статически или динамически, т. е., с одной стороны, как имени существительного, или как имени прилагательного, или как местоимения, или как числительного, союза или, с другой стороны, как глагола, зависело от потребности речи» [1].

Наличие звукового комплекса вовсе не означало наличия грамматической категории, ибо звуковой комплекс выступал в своей диффузности не как отдельная грамматическая категория, а как язык-мышление, выразитель недиференцированного восприятия мира, выразитель синтетического, комплексного мышления. И только с течением времени, в порядке осознания производства и общественного бытия появляется сознание динамики и статики, появляются отдельные грамматические категории. Имя — звуковой комплекс, первоначально воплощавший в себе все категории речи. Нетрудно видеть этот пережиток в наше время, когда одно и то же слово выступает и как существительное, и как глагол, и как прилагательное. Так, например, в китайском языке слово «sin» означает «веру», «верить», «верный», а «dao» — «перевернуть», «опрокинуть», «но», «однако», «тогда», «наоборот» и т. д. «О последовательности возникновения частей речи по существу можно говорить конкретно, когда у них появляется оформление, закрепляющее их функцию как той или иной части речи»[2]. Звуковой комплекс становится словом, и постепенно слово расщепляется на глагол и имя, а также на различные категории речи, но это расщепление на части, вернее выделение отдельных категорий из синтетичности, происходит не одновременно, а в различные эпохи, в зависимости от социально-экономической жизни людей. Категории речи начинают осознаваться по формальным признакам. Так, для выражения действия, т. е. для выражения глагола, используются различные формальные приставки, окончания через использование главным образом местоимений и т. д. Однако все эти формативы, различители частей речи были не чем иным как словами, утратившими свое значение. Наличие отдельных формальных показателей и использование их как различителей категорий речи указывало на новообразования, на особый вид словотворчества определенной эпохи. Н. Я. Марр говорил: «Последовательность возникновения различных типов слов, прежде всего этих именно категорий частей речи, намечается не так, как мы обычно выражаемся и, пожалуй, представляем, именно сначала имя существительное, а затем в том или ином порядке другие части речи. Дело в том, что пока не было точного осознания других частей речи, пока фактически не было прилагательных, числительных, местоимений, союзов, глаголов, до тех пор не могло быть и существительного, с теми строго ограниченными функциями, с теми и в зависимости от этого формальными признаками, какие неотъемлемо присущи ему теперь при нашем представлении о нем» [3]. Различные категории речи появились в различные времена, но осознание их как грамматических категорий появляется только тогда, когда они уже оформились. Различные части речи стали различаться благодаря различной оформляемости, специфически свойственной каждой отдельной категории.

---

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 126, Азгиз, Баку, 1928 г.
[2] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 126, Азгиз, Баку, 1928 г.
[3] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 126, Азгиз, Баку, 1928 г.

Так, местоимения возникают вместе с понятием о собственности, хотя и коллективной. Палеонтология речи показала, что местоимение «мы» значило «мы — коллектив», «мы — племя», «мы — коллективное множественное лицо», и, наконец, «мы — местоимение третьего лица». «Мы» на известной ступени развития — тотем, перенесенный с целого коллектива впоследствии функционально на его часть, на человека (этого племени). С появлением местоимения возникает морфология, и вообще наметился поворотный пункт в истории развития языка. С местоимением связано возникновение спряжения и склонения. «С местоимением, как бы его ни понимать, и начинаем перечень увязки частей речи с общественностью, ее формами и правовыми представлениями» [1]. Изучая богатейший лингвистический материал, Н. Я. Марр приходит к выводу, что и союзы, не имеющие теперь самостоятельного значения, первоначально были словами, означавшими предметы. «Такому диалектическому развитию подверглись и союзы, сначала они были категориями и базиса и надстройки: союзов (например, «чтобы», «что», так же как «кто», «который», равно союза «и») вовсе не было, а когда возникла в них потребность, то взяты были элементы, служившие категорией базиса, обозначая предметы производства, или группы общественности, и они стали категориями надстройки; сначала не было различения таких союзов, как «что» (объект), «чтобы» (цель), «так как» (причины), «так что» (следствие), они обозначались термином одной категории (в др. лит. грузинском имеем такую многозначимость отчасти, а особенно в живой речи, сохранившей больше архаичности, как построение в результате примитивного хозяйства); затем они диференцируются, и все-таки не вполне: во всяком случае «что» и союз и местоимение, значит «вещь». Вещество было названо по орудию, т. е. по «руке», а «рука» при ручной речи давала выражение и вопроса «что?» и его отрицание «не», но «вещь», обозначаемая «рукой», была и продуктом производства, и отсюда «вещь — рука» стала сигналом вообще объекта как в склонении, так и в синтаксисе» [2]. Анализ союзов, как грамматических категорий, вскрывает, что только с течением времени диференцировались по функциям — цели, причины, следствия и т. д., а ранее были слитны и нечленимы.

Что касается числительного, то восприятие чисел шло от конкретного к абстрактному с учетом изменчивости функций материальных предметов и мировоззрения общественности. «Числительные выявились так же как физические предметы, как пережитки слов, обозначавших и обозначающих члены тела: для представления «один», как и для представления «два», бралось одно и то же слово, не «голова» (одна штука), а или «рот», воспринимаемое как один («один рот») и два («пара губ»), или «рука», воспринимаемая как один («одна рука») и два («пара рук»), число четыре оказалось словом «ноги» в связи ли с представлением о четвероногом животном или, быть может, в зависимости от того, что руки еще продолжали служить передними ногами, когда блеснула творческая мысль о «четырех»; пять выражалось словом «кулак» и т. п.» [3].

Существующие в языках различные показатели множественности в своем генезисе восходят обычно к словам, означающим «дети», а первично «племя». Признак множественности в одно и то же время явился и признаком принадлежности, сначала коллектива, затем пле-

[1] Там же, стр. 123.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 39, изв. ГАИМК, в. 60, Л.
[3] Н. Я. Марр, «По этапам разв. яфет. теории», стр. 63, НИИЗ и МКНВ СССР, 1926 г., М.—Л.

мени. Н. Я. Марр писал: «однако мало сказать что «лес» и «дерево» не различались и, следовательно, первично не было формального признака и множественности, а когда он появился, им обозначались множественность не самого предмета, а его владетель»[1]. Представление о множественности возникло только как противоположность единичности, и сама же единичность выделилась из множественности. Представление о предметной единичности и множественности сопровождается представлением о диференциации и расщеплении самого коллектива, участника производства.

Подобно всем другим грамматическим категориям, точно так же и предлоги являются пережитками самостоятельных слов. «Предлоги» — они все члены тела, или «нос», или «глаз», или «рука», или «голова» и т. д.; «пред» значит «на глазах», но если бы на этом успокоились, то мы были бы на полпути, ибо, например, «глаз» назван по «лицу», как его часть, и оба они, т. е. «лицо с глазами», да и «голова», в свою очередь как части микрокосмоса, человеческого тела, по космическим телам «небу», «солнцу» [2]. Таким образом все категории речи, не трактуемые формально, вне связи с материальной деятельностью человека и мышления вскрывают свою материалистическую обусловленность и выявляют в языке ход общественного развития; грамматические категории являются не абстракциями, а показателями общественных отношений людей. Не только части речи, но и другие явления языка находят себе материалистическое обоснование. Так, если взять категорию рода, то мы увидим, что генетически она отнюдь не обозначала полового признака. Группирование людей шло не по половому, а по хозяйственному признаку, и слова формировались по социальной, а не физиологической значимости. Категория рода указывает на социальные сдвиги, происшедшие в экономической жизни людей. При господстве матриархата, когда в хозяйстве главенствующая роль принадлежала женщине и когда она создавала не только материальные, но и идеологические ценности, то, естественно, ее значение в социальном бытии не могло не отразиться в словотворчестве путем закрепления в слове отдельных показателей — выразителей творческого процесса созидания терминологии периода матриархата. При патриархате возник процесс словотворчества, который свидетельствовал о значении мужчины. Так, в языке отложилась категория рода как показатель не половых отношений, а хозяйственных, с указанием доминирующего положения женщины или мужчины в социально-экономической структуре общества. Переходное же между ними состояние отлагалось в так называемом среднем роде. Но представление о женском роде возникло тогда, когда возникло представление о мужском.

Что же касается степеней сравнения прилагательных, то они возникли как показатели общественного неравенства людей. «Степени сравнения в грамматике оказались: низшая, т. е. положительная, отложением названия низшего сословия, средняя, или сравнительная — среднего сословия, высшая, или превосходная — высшего сословия» [3].

Склонения и спряжения, отображая общий ход развития человеческого общества, являют собой один из моментов словотворческого процесса. Склонение выявляет в словах взаимоотношение предметов,

---

[1] Н. Я. Марр, «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории», стр. 20, Ком. ак., 1929 г., М.

[2] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 39, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.

[3] Н. Я. Марр, «По этапам развития яфетической теории», стр. 272, НИИЗ и МКНВ СССР, 1926 г., М.—Л.

а спряжение — отношение предмета в динамическом или статическом разрезе. Следует отметить, что флексия, агглютинация, равно как и различного рода служебные частицы, согласно палеонтологии речи, выявляют себя исторически как значимые слова. Иногда одни и те же суффиксы употребляются как в глаголах, так и в именах существительных; и здесь нет ничего удивительного, так как они были первоначально словами и затем использовались как формативы, с придачей им различных функций. Это переходное состояние от слова к суффиксу мы можем наблюдать и по сей день на примере ряда языков.

Особого внимания заслуживает учение Н. Я. Марра о пассивной и активной конструкции речи — «по возникновению коллективной собственности и в связи с нею расщепления действия на имя действующих лиц (актива) и на имя результата действия, продукцию (пассива), затем, в зависимости от скачка производства на новую ступень, после скачка из синтетического строя в аналитический, с техникой формального выявления мышления, после расщепления на два диференцированных объекта, по двум противоположностям целого и части, прямого объекта и косвенного, а актив также на два субъекта, коллективный или соборный, тотем или частичный тотем, по возникновении групповой собственности. С этим, в свою очередь, связаны, с одной стороны, соответственное оформление действия, так называемого глагола—сказуемого в две противоположности в грамматике, именуемые действительным и страдательным глаголами, с другой — расщепление целых образов на частные, с расщеплением тотема, опять-таки на две пары противоложностей субъекта коллективного, смену коллективных тотемов в общественности на множество и единство (в грамматике единственное и множественное число) и субъекта единичного, смену частного субъекта с возникновением частной собственности и возникновением независимых от среды частных и представлений и общих понятий, с корнями в производстве высокой техники и оформлением этого нового мышления технологически сигнализациею орудия, именно термином «рука» в единственном числе, субъектом — орудием, что осознается согласно мышлению поздней-ших стадий, сначала как орудийный или инструментальный падеж, потом и как активный, а в схоластической грамматике это падежи, первый — творительный, второй — дательный, то родительный» [1].

Здесь Н. Я. Марр бросил целый пучок мыслей, из которых явствует, что действие распадается на актив (действующие лица) и пассив (продукция). Это означало скачок из синтетического строя речи в аналитический. В дальнейшем актив распадается на субъект коллективный (соборный тотем) и субъект частичный (частичный тотем), а пассив на прямой и косвенный объект. Затем действие оформляется в грамматике как действительный и страдательный залог, как выражение сложности человеческого бытия, идущего по пути диференциации общественных функций и осознающего как целое, так и часть.

4.

Проблема языка изучается Н. Я. Марром с точки зрения его возникновения, развития и изменения, что в лингвистической науке конкретизируется в учении об едином глоттогоническом процессе. Этот единый глоттогонический процесс охватывает все многообразие языков, существовавших в прошлом и существующих в настоящем.

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 15, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г., Л.

Каждый из языков — лишь одна из составных частей этого мирового процесса речетворчества. Опираясь на громадный фактический материал, Н. Я. Марр доказал, что не существует никакого праязыка и что процесс языкового развития идет не по пути движения от одноязычия к многоязычию, а наоборот, от многоязычия к одноязычию. Старое учение о языке, так называемый индоевропеизм, учило, что современные языки получились в результате распада некогда единого праязыка. Причем этот праязык распадался на семьи языков, которые в свою очередь были связаны «узами родства». Индоевропеизм проповедывал расовую теорию языка. Он учил о внеклассовом содержании языка, о его нематериальной обусловленности. Это было, по существу, учение о формальных нормах, главным образом письменных языков. Индоевропеизм есть составное звено колониальной политики империализма и фашизма. В противовес индоевропеизму Н. Я. Марр обосновал, конкретизировал и развил материалистическое учение о языке, установив ряд диалектико-материалистических положений. Н. Я. Марр доказал, что нет никаких расовых и изолированных языков, что языки классовы и материально обусловлены. Основываясь на исторических фактах, он построил новую классификацию языков, прямо противоположную индоевропеизму. Если индоевропеизм создал идеалистическое учение о праязыке и на его основе классифицировал языки по признаку родства и семьи, то Н. Я. Марр, в противоположность этому, исходя из материалистических посылок, построил свою классификацию языков на основе единства глоттогонического процесса, в котором каждый язык, или группа языков, является лишь ступенью этого единого процесса. Он создал учение о системе зыков и о их стадиальном развитии. «Существенная важность этого бесспорного стадиального развития в том, что с ним выявляется новая ступень не в эволюции лишь употребления слова, хотя бы его использования в зависимости от смены одного материального предмета другим в процессе развития хозяйства, а в том, что оно свидетельствует об изменении самого мышления в зависимости от «напряженно-сложных» социальных взаимоотношений (разумеется, в результате также учета хозяйственной жизни и экономики), однако со сменой не одного предмета другими просто материального порядка, когда техника лишь совершенствуется, а появлением такого предмета общего употребления, когда сама техника производства коренным образом сменяется, когда новая техника требует иного социального строя и соответственно «напряженно-сложные взаимоотношения» диалектически разрешаются в борьбе социальных группировок, в числе их и класса, наиболее приспособленного к учету происшедшей смены технически-материальной обстановки»[1]. Стадильное развитие языка есть лишь одна из ступеней, один из этапов общего процесса языкотворчества. Что касается системы, то это есть не что иное как группа языков с характерными для них языковыми признаками. Причем сами системы образуются из различных типов языков, так что не система выделяет типы языков, а различные типы слагаются в системы. Как системы, так и входящие в них типы языков не являются однообразными как в формальной, так и в идеологической части языка. Если говорить о взаимоотношении стадиальности и системы, то надо сказать, что в одной стадии может быть несколько систем, и одна система может быть разностадиальная. Существо разносистемности в том, что «... получалось новое мышление,

---

[1] Н. Я. Марр, «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», стр. 12, К. ак., 1930 г., М.

а с ним новая идеология в построении речи и, естественно, новая техника. Отсюда различные системы»[1]. Н. Я. Марр установил, что при существующих типа языков: аморфно-синтетический, агглютинативный и флективный — это отдельные, но генетически связанные ступени языкового развития. Языки должны классифицироваться, исходя из их принадлежности к той или иной системе, а не по «родословию». Первая по времени появления система — это аморфно-синтетическая. «Термины же «синтетический» и «аморфный», — писал Н. Я. Марр, — говорят с двух различных точек зрения не только об одной и той же системе, хотя каждый из этих терминов представляет, естественно, сумму различных особенностей, но говорят они об одном и том же явлении, ибо синтетический или складываемый обозначает реально язык, в котором функции отдельных слов, как частей предложения, во фразе определяются тем, как складываются слова, порядком их расположения, а не формой каждого из них, каковой нет у языков этой системы, почему она называется и аморфной, т. е. без форм»[2]. Вслед за аморфно-синтетической системой языка появляется агглютинативная. «Агглютинативный тип языка—это прилепный: нет органически выявляемых частей-окончаний у имен, существительные ли они или прилагательные, но вместо собственных падежных или иных окончаний их, имен, назначение во фразе определяется присоединением к ним так называемых функциональных слов или придаточных частиц, своего рода прилеп и в том и другом случае, т. е. явно слова ли они или придаточные частицы, которые подлежат еще разъяснению как слова»[3]. К последним по времени образования относится флективная система языков. Суть заключается в том, что «...система флективных языков, в которых определение взаимоотношений слов переносится целиком на их оформленность, так что каждое слово нормально в себе носит значение двух порядков, одно значение — выражение предмета без определения пространства и времени, без указания его связей с другими предметами, другое значение — это выражение этих именно отношений выражаемого словом предмета к другим предметам, выражение отношений не только к пространству, но одновременно и к пространству и ко времени»[3].

Каждая из этих систем имеет свою специфику и свои признаки. Так, для аморфно-синтетической системы характерны: аморфность, синтетичность, моносиллабизм, полисемантизм, слабая диференциация частей речи. Для агглютинативной системы характерны: гармония гласных, сочетание мягких гласных с мягкими согласными. Однако надо заметить, что гармония гласных относится не ко всем агглютинативным языкам, а кроме того она частично встречается и в языках других типов. Для флективных языков характерна развитость формальных признаков частей речи. Следует также отметить, что ни одна из систем не является однородной и «чистой». Так, в аморфно-синтетическом строе мы можем найти элементы агглютинации, а во флективных языках моменты синтетизма и т. д. Н. Я. Марр, устанавливая последовательность появления систем, отмечал, что обычной агглютинативной системе предшествует местоименная агглютинация, т. е. оформляемость слов через оформление местоимений. Такой тип склонения называется местоименно-агглютинативным склонением. Изучая ход глоттогонического процесса, в котором различные системы являются лишь звеньями единой цепи, нетрудно притти

---

[1] Н. Я. Марр, «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык», стр. 14, В. И., 1928 г., Л.

[2]—[3] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 52, 53, 55, Азгиз, Баку, 1928 г.

к заключению, что «...прометеидские (индоевропейские) языки представляют дальнейшее развитие языков Европы предшествующих эпох, языков яфетических» [1].

Таким образом Н. Я. Марр классифицировал языки по системам, а не по родству, ибо само «родство» есть не что иное, как результат социальных схождений, вследствие чего в разных языках вырабатываются общие черты как в семантике, так и в формальной части языка. Н. Я. Марр разбил всякие теории о расовом происхождении языка и о приоритете того или иного языка, показав на фактах, что языки являются отсталыми не потому, что они «по природе» таковы, а потому, что классово построенное общество сделало их такими. Н. Я. Марр писал: «...Европа остается верна принципу деления языков на языки, поддающиеся культуре (cultivables), и языки, культуре не поддающиеся (incultivables)...» [2]. Практика нашего языкового строительства наглядно показывает, как ранее «некультурные» языки становятся в условиях диктатуры пролетариата культурными и мощными и вдребезги разбивается всякое антипролетарское учение о неспособности многих языков к дальнейшему развитию. При изучении вопроса о стадиальном развитии языка Н. Я. Марр обращал внимание на переходность стадий, когда «народы с языковой установкой одной из ранних стадий идеологически перестраивают свою речь по потребностям актуальности, минуя промежуточные стадии...» [3]. Здесь вскрывается противоречие между языком и мышлением, разрешаемое в ломке старой системы и приведении языка в соответствие новому социально-экономическому строю. Социальное схождение языков носит различный характер. В одних случаях языки имеют общность в словаре, но различие в синтаксической и морфологической структуре, в других случаях наоборот. Все это зависит от типа общения народов и от классовой диференциации носителей языков. Так, между литературным древне-грузинским и древне-армянским языком больше связей, чем между древним и современным армянским языком. Старая лингвистическая наука изучала языки изолированно, вне связи с общим процессом языкотворчества в его историческом разрезе. Наряду с генеологической и морфологической классификацией языков, т. е. по родословию и формам, индоевропеизм выдвинул также принцип деления языков на западные и восточные. Но содержание, которое вкладывалось в это деление, отображало лишь колониальную политику господствующих классов. Под западными языками понималось то, что это языки «культурные» и «одаренные» особой силой жизнедеятельности, в то время как восточные языки — языки «некультурные» и «неспособные» к процветанию. Противопоставление восточных языков западным проводилось в интересах «научного» лингвистического обоснования колониальной политики империализма. «Вместо стадий исторического развития языка выдвигается принцип территориального деления: делят языки на западные и восточные, не замечая, естественно, тождества исторического развития Востока и Запада и выпуская, следовательно, из поля зрения единство исторического развития народов Запада и Востока» [4]. Н. Я. Марр в соответствии с марксистско-ленинским учением о языке настойчиво боролся с буржуазной классово построенной наукой, до-

---

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 81, Азгиз, Баку, 1928 г.

[2] Н. Я. Марр, «О лингвистической поездке в Восточн. Средизем.», стр. 91, Огиз, 1934 г.

[3] Н. Я. Марр, «Язык и современность», стр. 33, изв. ГАИМК, в. 60, 1932 г.

[4] Н. Я. Марр, «О лингв. поездке в Восточн. Средиземномор.», стр. 91, Огиз, 1934 г.

казав, что нет никакого разрыва между языками Востока и Запада, что различные западные и восточные языки относятся к той или иной системе независимо от их территориального деления, что они лишь моменты общего процесса речетворчества, в путях социального развития классово организованного общества. «И на различных стадиях вскрылись различные реальные взаимоотношения языков, в корне переворачивающие не только историю народов, но сами представления наши о родстве языков и народов. Русский оказался по пластам некоторых стадий более близким к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому, или грузинский к любому языку Кавказа, считавшемуся языком одной группы с грузинским, например, мегрельскому или лазскому, именуемому чанским» [1].

Индоевропейская лингвистика строила свои выводы главным образом на основе письменных памятников, которые ею рассматривались как внеклассовые. Нахождение письменных памятников считалось неоспоримым доказательством исторической давности языка. Н. Я. Марр опроверг этот взгляд, показав на фактах, что давность языка не может быть основана на одном лишь анализе письменных источников и что центр тяжести необходимо перенести на изучение бесписьменных живых языков, что живую речь, а тем более письменную, надо рассматривать с классовой точки зрения. Индоевропейская лингвистика строила свои выводы на основе изучения формальной стороны языка и главным образом фонетики языка. Н. Я. Марр говорил, что: «Установленная индоевропеистами система так называемых фонетических законов прометеидских (индоевропейских) языков в их реальной части ведь вовсе не является простой репродукцией звуковых законов яфетической системы, в них, так называемых индоевропейских языках, языках прометеидских, налицо коренная перестройка прежней системы, яфетические звуковые корреспонденции в них прослеживаются лишь как переживания изжитой системы» [2]. Для Н. Я. Марра изменения звуков выражали изменения общественных взаимоотношений. Отсюда он центр тяжести перенес с «фонетического закона» на «законы семантики», ибо семантика, облеченная в звуковую форму, отражала общественное развитие. Он доказал, что нельзя отрывать форму от содержания, что язык нас интересует не как звучание, а как мышление.

Установив, что все развитие языка идет от многоязычия к одноязычию, что ни один язык не погибает бесследно, а отлагается в другом, что бесписьменные живые языки должны занимать важное место при изучении языкового процесса, Н. Я. Марр вместе с тем показал и несостоятельность индоевропейского учения о литературном языке и диалектах. Он писал: «... бесписьменные языки, совсем не изучавшиеся и поставленные в лучшем случае на второй план, это или заморские колониальные языки, или внутренние нацменовские языки, или живые так называемые диалекты матери — речи, именно литературного языка; последние же если не дериваты, то изначально, предполагалось, сродные части, казалось, собственного национального литературного языка, на самом же деле по своему актуальному основному складу эти диалекты, раньше самостоятельные языки, значительно позднее успели вполне сойтись каждые с господствующим над ними литературным языком или плохо сошлись с ним, будучи

---

[1] Н. Я. Марр, «Маркс и проблемы языка», стр. 15, изв. ГАИМК, в. 82, Огиз, 1934 г., М. — Л.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 7, Гос. соц. эк. изд., 1931 г., М.—Л.

независимым и по происхождению присущей им идеологической и формальной структуры языками другого или других классов и обычно загнанные в обиход крестьянско-рабочих социальных слоев, и такое, следовательно, «выпадение большинства языков всего мира из кругозора наиболее, казалось бы, квалифицированных языковедов отнюдь не случайность, а неизбежное последствие классового подбора исследовательского материала, с целевой установкой изучить прежде всего классовый, свой феодальный, свой буржуазный, или свой мелкобуржуазный (бывает и такая модальность) так называемый национальный язык будто всего народа»[1]. Индоевропеизм выводил «диалекты» из распада «праязыка». Так, «праязыки» распались на конкретные языки, языки же на «диалекты», а «диалекты» — на говоры. Таким образом движение якобы шло от одного языка ко множеству, а отсюда «диалект» рассматривался как «испорченный», «вульгарный» язык, отклонившийся от общей языковой нормы вследствие «миграции» первоначального прародителя, когда реки и горы разъединили одну и ту же «семью». Н. Я. Марр опроверг эту идеалистическую механистическую концепцию объяснения разнообразия языков посредством географического фактора. Он писал: «Ни место, география с пейзажем, природа сама по себе, хотя бы с ресурсами производства, доселе называемыми по недоразумению и у нас естественными производительными силами, ни время без четкой производством определяемой функции не имеют так же, как никогда не имели, никакого значения для развития мышления, людского коллективного мышления, или тем более — базиса, хозяйства, самого производства и форм социальной структуры»[2]. В своих более ранних работах он отмечал, что, «конечно, известная физическая обстановка, определенный подбор фауны, флоры и т. п. учитываться должны, но не непосредственно в языковом творчестве, а в постановке и решении хозяйственно-общественных задач, следовательно, здесь такое же лишь посредственное влияние природы, как всегда и везде в отношении речи»[3]. Объяснение разноязычия он нашел в материальной жизни людей. Проблему взаимоотношения литературного языка и «диалектов» он разрешил прямо противоположно индоевропеизму. Так как между разрозненными, разноязычными человеческими коллективами в ходе исторического развития устанавливались более тесные общественно-хозяйственные связи, то, естественно, вырабатывались общие нормы языка. Отсюда, «диалект» не есть результат распада языка, а наоборот, результат социальных схождений. Наличие разницы между языком и «диалектами» свидетельствует не о том, что «диалект» «испорченный язык», а о том, что процесс социального схождения не завершен. Таким образом, «диалект» есть не что иное, как язык. Следовательно, мы имеем не расщепление языка на «диалекты», а схождение языков и выработку на этой основе литературного языка. Индоевропейское учение о литературном языке и «диалектах» есть отрицание национальных языков. Когда Н. Я. Марр говорит о взаимоотношении литературного языка и «диалектов», то он рассматривает и то и другое с классовой точки зрения. «Диалекты», являясь языками, вместе с тем не могли быть внеклассовыми, ибо само общество построено на классовых началах.

Учение Н. Я. Марра до настоящего времени еще мало разработано. Его яфетическая теория имеет огромное значение не только для

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и письменность», стр. 5, изв. ГАИМК, т. VI, 1930 г.

[2] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», стр. 17, ГСЭ, изд. 1934 г., М.—Л.

[3] Н. Я. Марр, «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории», стр. 31, КИАИ.

лингвистической науки, но и для философии, истории, археологии и для многих других отраслей науки. Если говорить об яфетической теории академика Н. Я. Марра, как лингвистической науке, то она распадается на две части: 1) учение об яфетических языках Кавказа и 2) общее учение о языке. Н. Я. Марр, характеризуя свое учение, писал: «Яфетическое языкознание, т. е. учение об яфетических языках, особой (системе т. н.) семье языков, представляющих собой по типологии речи пережитки доисторических языков Афревразии (я бы теперь прибавил и Америки с Океаниею и Австралии) и ныне ютящихся в трех горных странах, на Востоке в Памирской полосе, на Западе в Пиренеях по одному языку и на Кавказе в составе значительно многочисленной и разнотипной массы. Другое учение, яфетическая теория вообще, в применении к речи — общее учение об языке, об его происхождении, о взаимоотношениях различных (систем т. н.) семей языков, о статическом их состоянии, отложений различных этапов развития звуковой речи человечества и об эволюциях ее как формальной типологии, так и идеологической» [1]. Самый термин «яфетический» возник в связи с необходимостью определить связь грузинского языка с семитическими. В существовавшей науке для определенной группы языков были термины «хамитический» и «семитический», но так как открылись связи некоторых языков Кавказа с семитическими языками, то для обозначения их, не разрывая уже установившейся терминологии, было использовано слово Яфет, третий сын Ноя. Термин «яфетическая теория» ныне является анахронизмом, и он был заменен термином «новое учение о языке».

Учение Н. Я. Марра нельзя изложить в одной работе. О Н. Я. Марре и его учении, разумеется, будут еще написаны целые тома исследований.

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», стр. 16, Азгиз, Баку, 1928 г.

К. БОРОВКОВ

НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

„Первоисточником яфетического языкознания служат прежде всего живые языки независимо от той роли, какую играли или играют эти языки в известной человечеству истории“.

Н. Я. Марр

I.

В истории лингвистической науки языковедная теория Н. Я. Марра занимает исключительное место. Новая историческая эпоха, развитие новых общественных отношений поставили у нас на очередь такие задачи, которые не стояли и не могли прежде возникнуть перед лингвистической наукой.

Н. Я. Марр первый пошел дальше в постановке и разработке новых теоретических проблем языковедения. На протяжении четырех с лишком десятков лет своей неутомимой научной деятельности Н. Я. Марр не останавливался на достигнутых результатах, на однажды принятых утверждениях. Расширяя рамки научного исследования, выдвигая все новые задачи, Н. Я. Марр настойчиво намечал пути для разрешения актуальнейших проблем языка. В этом непрерывном поступательном движении Н. Я. Маррр не останавливался перед отказом от сформулированных прежде положений, перед признанием ошибочности своих собственных утверждений, когда новые методические предпосылки исследования, новые факты намечали иной путь правильного разрешения проблемы.

Творческий интерес к языковедной теории Н. Я. Марра, обусловленный развитием социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, невиданным ростом народного образования в Союзе ССР, обязывает нас неутомимо изучать теорию Н. Я. Марра, развивать и обогащать советское языковедение.

Существеннейшей стороной языковедной теории Н. Я. Марра, важнейшим источником ее развития является, неоспоримо, систематическое исследование многочисленных, в первую очередь кавказских, живых языков. Без всякого преувеличения можно сказать, что живые языки — первоисточник языковедной теории Н. Я. Марра.

Уже этим самым своим источником теория Н. Я. Марра отличалась с первых шагов своего развития от направлений, господствовавших в лингвистической науке. Еще в 1910 г., в предисловии к грамматике чанского языка, Н. Я. Марр подчеркнул эту противоположность источников научного исследования. Среди представителей господствующей схоластической филологии, замечает в этом своем предисловии Н. Я. Марр, большой интерес вызывает лоскуток пергамента или папируса с несколькими строками мертвого текста, нечитаемого из-за дефектности, нежели неисчерпаемое разнообразие живых лингвистических материалов. Позднее Н. Я. Марр дал заме-

чательно глубокую характеристику классовой природы замкнутого классическими языками (санскритом, греческим, латынью) источника феодально-буржуазного языковедения, которое «своими качествами обязано в конечном счете породившей его целиком буржуазной идеологии» [1].

Из года в год расширялся источник яфетического языкознания, все новые и новые языки включались в круг исследовательских интересов Н. Я. Марра, достигнув особенно широкого размаха после Октябрьской социалистической революции, когда — это можно смело утверждать, — произведения Н. Я. Марра создали эпоху в изучении национальных языков СССР.

«Историей старого учения мы сейчас не можем отвлекаться, — говорил Н. Я. Марр в докладе «язык и современность», — а яфетическое языкознание возникло в зачаточной своей форме сорок лет тому назад, но получило свое развитие, сложилось в новое самостоятельное общее учение о языке в пооктябрьские дни» [2].

Формы перехода от национализма к интернационализму, от идеализма к материализму, пути пересмотра методологических оснований языковедной теории Н. Я. Марра, неправильно представлять себе как прямую линию перехода от «яфетического» языкознания к проблемам общелингвистическим, к общему учению о языке. Формы развития яфетидологии в пооктябрьский период своеобразны и отражают сложный процесс прогрессивного развития теоретической мысле в языковедной науке.

В данной связи нас интересует вопрос об изучении национальных языков. Вопрос этот необходимо поставить в связь с общим ходом развития яфетической теории, чтобы составить себе общее представление о результатах, которые мы имеем в этой области.

В работах Н. Я. Марра проблема единства исторического процесса на Кавказе переросла в проблему «яфетидов» и стала исходным моментом новой проблемы происхождения речи и мировой глоттогонии. В этом плане значительно расширился интерес яфетидологии к национальным языкам и неяфетической системы, в частности к тюрко-татарским языкам.

Отказ от первоначального этнологизма в понимании взаимоотношений и эволюции яфетических языков нашел свое выражение в новой точке зрения на общий процесс эволюции языков. Яфетические языки в общем процессе развития речи стали теперь восприниматься как типологические, древнейшие, как древнейшее состояние человеческой речи вообще.

«Основная черта яфетических языков, это наличие в них доисторических переживаний, — писал Н. Я. Марр в 1926 г., — вскрывающих не только формы, но идеологию действительно первобытных эпох, наглядность материалов, необходимых для построения учения о доисторических древностях языка или палеонтологии речи» [3].

Изучение национальных языков неяфетической системы строилось поэтому в плане общих проблем эволюции языков, причем первостепенное значение приобретало выяснение в диахроническом аспекте древнейшего состояния языка его типологической близости к языкам яфетической системы, первоначально с упором на теорию языкового скрещения.

---

[1] Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Изд., ЛВИ, Л. 1930, стр. 62—65.

[2] Н. Я. Марр, Язык. и современность. изв. ГАИМК, вып. 60, Л, 1932, стр. 7.

[3] «Происхождение языка», ПЭРЯТ, стр. 303.

В этом аспекте поставлена и разрешена была чувашская проблема. Чувашский язык по своей структуре и взаимоотношениям был отнесен к яфетическим, близким к системе яфетических языков, и, таким образом, «чуваши-яфетиды на Волге» представляли первую предпосылку для разрешения более широкой проблемы турецких и угро-финских языков.

Чувашский язык особняком стоит в группе языков турецкой системы, к которым он причислялся, и яфетидологическая трактовка проблемы чувашского языка поставила, по существу, под сомнение казалось бы принятые в науке теории его возникновения и развития.

С еще большей силой убедительности была подвергнута Н. Я. Марром уничтожающей критике принятая классификация турецких языков и наречий. Формальной классификации, построенной на учете ряда фонетических корреспонденций и морфологических явлений, была противопоставлена яфетическая концепция языковой эволюции, самая проблема классификации турецких языков была поставлена с исключительной талантливостью, как новая научная проблема.

Сравнительное изучение яфетических языков поставило яфетидологию перед проблемой эволюции речи вообще, в той мере, в какой разностадиальные яфетические языки не могли уложиться в общепринятые рамки сравнительного метода.

«В этом смысле особенно плодотворной и показательной оказалась сравнительная работа с яфетическими языками в различных плоскостях, то в плоскости сопоставления одних яфетических языков с семитическими, то в плоскости сопоставления одних яфетических языков между собой как в пределах Кавказа, так и со включением внекавказских языков...

Сравнительная работа в нескольких плоскостях вскрывает невероятную глубину времен зарождения человеческой речи, поскольку эта глубина освещается не последовательностью фактов одних звуковых перерождений исторической длительности в одной какой-либо типически сложившейся семье языков, а непрерывной цепью пройденных этапов типологических переоформлений...» [1].

Проблема происхождения и типологии языков поставила яфетическую теорию вплотную перед задачами теоретического осознания условий развития первобытного общества и трансформации языков в зависимости от смены форм общественного развития. Этим все более разрушалась известная ограниченность исходной предпосылки о яфетических языках, которые, как предполагалось, являются достаточным основанием, чтобы, не выходя за рамки этих яфетических языков, проследить «вообще жизнь языка, начиная с самого зарождения речи» [2].

Вместе с тем расширялись рамки научного исследования за счет привлечения десятков новых языков и, одновременно, в сторону истории материальной культуры и истории развития мышления.

Отвергнув первоначальную точку зрения, связанную с представлением об этнически-едином происхождении яфетических языков, Н. Я. Марр развил цельную теорию происхождения языка и динамики развития речи в процессе общественного развития. Материалистическое миропонимание в приложении к явлениям развития языка устанавливало все более отчетливую грань между «яфетической теорией» и новым учением о языке, новой языковедной теорией

---

[1] Н. Я. Марр. Яфетиды, Избр. работы т. I, Л. 1933 г., стр. 130.

[2] Н. Я. Марр, Чем живет яфетическое языкознание. «Вопр. языка в осв. яфетич. теории», Хрестомат., сост. В. Б. Аптекарем, стр. 489.

Н. Я. Марра. Теория скрещения племенных слов была снята теорией лингвистических элементов.

«С человеческой историей, — писал К. Маркс в письме Ф. Энгельсу по поводу работ Маурера, — происходит то же, что с палеонтологией. Вещи, лежащие под носом, принципиально благодаря a certain judicial blindnes (какой то слепоты суждения) не замечаются даже самыми выдающимися умами. А потом, когда наступает время, удивляются тому, что замечают всюду следы тех самых явлений, которые раньше совсем не привлекали внимания.

Первая реакция против французской революции и связанного с ней просветительства была естественна: все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого.

Вторая же реакция, — и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают своей связи с ним, заключается в том, чтобы заглянуть за средневековье в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до egalitarians to a degree (уравнителей такого рода), которые привели бы в ужас самого Прудона» [1].

Яфетическая реакция против индоевропеизма в новых общественных условиях нашла свое выражение в социалистическом направлении в лингвистике, поставившее задачей материалистическое переосмысление общего процесса эволюции речи, через преодоление буржуазного этнологизма.

Новое направление в развитии яфетической теории изменило и понимание ее первоисточника. Если в сравнительном аспекте изучения языка в яфетической системе лежала концепция родства яфетических языков в этнологическом восприятии самого понятия родства языков, то изучение родственных и неродственных языков в той мере, в какой была поставлена проблема единого глоттогонического процесса, получило новое содержание, новый смысл, именно: историческое понимание каждого данного национального языка в аспекте общего процесса развития речи изменяло тем самым обезличенно-сравнительный характер объекта научного исследования, — национальный язык становился сам по себе исторической ценностью.

С этим новым пониманием подошел Н. Я. Марр к широкому изучению национальных языков СССР, вызванных к жизни и процветанию ленинско-сталинской национальной политикой партии и советской власти. «Родной язык могучий рычаг культурного подъема» — тема доклада Н. Я. Марра в Чебоксарах в 1928 г. — является подлинным девизом нового учения о языке. Впервые в истории развития лингвистической науки действительная ценность, действительное культурное значение национальных языков стало предпосылкой научного исследования. Буржуазное языковедение всегда ограничивало понятие национального языка и его культурной ценности своим великодержавно-национальным, своим государственным языком, всегда признавало за благо колонизаторско-презрительное отношение к прочим «некультурным» языкам негосподствующей национальности и их уничтожение.

«Октябрьской социалистической революцией взорваны замкнутые «миры», и со стройкой Союза советских социалистических республик идет новое языковое строительство; весь Союз обратился в лабораторию языкотворчества: 169 не существовавших вчера или бесправных языков, по'казалось, расовоприрожденной, отсталости говорящих

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXIV, стр. 33—34, изд. 1931 г.

на них народов, получают бытие и письменность, идет по ним массовая работа.

Да разве ими не занимались раньше? Вопрос идет не о том, что занимались, и с усердием занимались, а о том, каким способом и какой техникой занимались.

Однако большинством не занимались, а на местах вовсе и не могли заниматься... повторяю, вопрос не в том, что занимались, когда в редких случаях все-таки занимались, а как занимались? И ими-то занимались подсобно: постольку, поскольку. По-настоящему и всерьез для своего времени занимались двумя-тремя языковыми мирами, да и в этих мирах предметом изучения был не весь язык в его сложной целостности, а тонкие слои, выдаваемые за речь всего, предполагалось, однородного по происхождению массива»[1].

В этой сжатой характеристике Н. Я. Марром дана исчерпывающая оценка дореволюционной науке. В общих чертах национальные языки изучались или в плане «практическом»[2], в интересах православия и колонизаторства, или в «академическом», — плане сравнительного изучения языковых «миров». Ни в том, ни в другом случае ни в какой мере не ставилось задачей изучение национальных языков на благо их собственного развития.

Огромная революционная заслуга языковеденой теории Н. Я. Марра заключается в том, что она поставила широкие научные проблемы огромной теоретической и практической значимости в области изучения национальных языков СССР. Рассматривая национальные языки в плане их исторической ступени развития в общем процессе развития языка, языковедная теория Н. Я. Марра подтверждает полную возможность их развития. Эта проблема освещена еще в работе Н. Я. Марра «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент»[3].

Буржуазная языковедная наука была враждебна идее развития национальных языков вне круга господствующих наций. И в лингвистической и в исторической науке утверждалось, например, как нечто непререкаемое и само собою разумеющееся, что консерватизм есть прирожденное свойство турецких народностей, что их культура развивалась будто бы лишь при воздействии мощных культур других народов, арабов, персов (и, предполагалось, «европейцев-просветителей»). Классическое выражение этого рода убеждения мы находим, например, в одной из журнальных статей авторитетного историка Востока — академика В. В. Бартольда. В этой статье, написанной в разгар империалистической войны, ставился вопрос о судьбе Турции в связи с ее историческим прошлым. В. В. Бартольд приходил к тому выводу, что турки никогда не были в состоянии создать свою культуру, свою «государственность» и в силу этого совершенно безразлично, кто победит турок в империалистической войне. В интересах своего собственного развития Турции остается один удел — склониться перед культурой европейской, а не мечтать о политической и культурной самостоятельности.

Подобную же тенденцию вскрывает Н. Я. Марр и в языковедной области, так называемой туркологии. «...Генезис каждого из этих районных культурных миров турецких народов при единственном

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и мышление», Л. 1931, стр. 9.

[2] «...главная цель этой грамматики — практическая, миссионерская, собственно научной цели мы не имеем в виду...» Атынская грамматика. Казань 1869, предисл. 7 стр. Это заявление ярко характеризует «водораздел в изучении национальных языков в дореволюционную эпоху».

[3] Н. Я. Марр, Избр, раб. т. V, Л. 1933, стр. 90.

пока в академическо-научных кругах формальном методе разъясняется исключительно как результат действия той или иной господствующей культуры на турецкую среду или порождение даже одного взаимодействия различных мировых культур в той же турецкой среде. Турецкая же среда лишь пассивно и как бы случайно приемлет то или иное влияние или переплет столкнувшихся влияний. И эта чудовищная переоценка творческой силы господствующих иноземных культур и иноземных языков мирового масштаба в такой степени понижала, будем откровенны — принижала, значение самих турецких народов в создании хотя бы своей собственной культуры и вселяла недоверие в самобытность даже технических средств в их речи...»[1]

В работе «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков» Н. Я. Марр открывает новые перспективы в изучении языков турецкой системы и в смысле решения проблемы классификации их и в смысле постановки их изучения вообще. На основании общих методологических предпосылок Н. Я. Марр убедительно доказывает, что «...когда для размежевания одних групп турецких языков от других бремя доказательства определенных взаимоотношений возлагается на голые звуковые расхождения, то вопрос громадной важности кладется для разрешения на непомерно слабые плечи»[2]. Подвергая сомнению формальные предпосылки, лежащие в основе классификации языков турецкой системы, именно закономерность чередования r и z, *y* и *d*, *g* и *w* равно как и чередование глагола «быть»: *ol* и *bol*, Н. Я. Марр ставит новые задачи в области исторического изучения турецких языков, а именно: «...учесть сведение первичных расхождений этих языков и наречий, чем древнее, тем более многочисленных, к одному настолько общему типу, что самостоятельные некогда языки являются ныне лишь наречиями и говорами» и, с другой стороны, «...учесть и обратное явление: местами бесспорное независимое своеобразие некоторых представителей турецкой речи, — своеобразие, проистекшее от скрещения с первоначальными языками тех районов, где турки ныне являются массовым населением края»[3]. Как на пример языка второго типа, Н. Я. Марр обратил впоследствии внимание на карачаево-балкарский язык[4].

Разрешение поставленных Н. Я. Марром проблем изучения языков турецкой системы представляется задачей громадной теоретической и практической значимости и уже сейчас является основной предпосылкой иследования многих специалистов. Основное, с чем Н. Я. Марр связывал разрешение проблемы классификации турецких языков — это историческое, глубокое научное исследование по каждому отдельному турецкому языку. Каждый национальный язык должен быть предметом специального исследования. Формально-сравнительное изучение турецких языков покоилось на предпосылке происхождения турецких языков из единого праязыка, в силу чего все они представлялись не больше, как «наречиями», без всякого учета того, что большинство этих наречий включает в себя в свою очередь ряд наречий и предполагает принципиальные отличия, делающие их языками, а не наречиями единого, как представлялось, языка.

Формально-сравнительное изучение турецких языков и их классификация исключали подлинно историческое научное исследование каждого данного языка в отдельности, «...лингвисты-туркологи не

---

[1] Н. Я. Марр, Расселен. яз. и народ. и вопр. о прарод. тур. яз. ПЗМ, № 6, 1927, стр. 25.
[2] Там же, стр. 32.
[3] Там же, стр. 30.
[4] См. «Балкаро-сванское скрещение».

успели так глубоко углубиться в языки своей системы, они стоят перед ними как перед сфинксом...»[1] И это неудивительно, так как и здесь, за небольшим исключением, господствовали так называемые «практики» — печальной известности миссионеры и чиновники.

Вот почему сейчас, как никогда, актуальна задача исторического изучения каждого данного национального языка. Невиданно быстро растет у нас культурное и образовательное значение национальных языков, и научное исследовани. отстает от этого роста.

Проблему изучения национальных языков Н. Я. Марр рассматривал в первую очередь в плане уяснения исторической ступени их развития в общем процессе развития языка. Взятые в общем виде исследовательские принципы языковедной теории Н. Я. Марра представляются подчас абстрактными, и незадачливые исследователи торопятся великодушно предоставить яфетидологии и ее методу все, что относится к «до-истории языка» по принципу: «тебе, Мишенька, корешки, а мне вершки», как в известной сказке при дележе урожая пшеницы. Методу Марра — до-историю, а формальному методу — современный язык, так упрощается задача исследования национальных языков, когда речь заходит о научном исследовании.

Начиная исследование марийского языка, Н. Я. Марр задает следующий вопрос о целях и задачах исследования: «Чего, коротко, говоря, мы ищем?» и отвечает на этот вопрос следующим образом: «как языковеды, лишь двух вещей»:

«1) определения места марийского языка в глоттогонии мирового масштаба (в освещении этого вопроса разрешение получают и вопросы о соотношениях марийского с соседними языками, как более сродными, так менее сродными, в том числе с чувашским, финскими, турецкими и русским);

2) выделения не только актуальных, но и пережиточных особенностей марийского языка для применения на практике в удовлетворение возникающих ныне у марийской национальности потребностей в словотворчестве и вообще в технике созидания языка»[2].

Реальное содержание эти задачи приобретают в той мере, в какой с историческими предпосылками развития национальных языков, в большинстве своем бесписьменных в прошлом, мы можем получить действительное представление только в самом языке.

На каждом шагу в решении практических вопросов — при выработке орфографии, школьной грамматики, принципов пунктуации и т. п. мы сталкиваемся со сложнейшими научными проблемами, решение которых вне исторической перспективы заранее обрекается на неудачи. По истории национальных языков приходится все строить заново, вот почему предпосылки языковедной теории Н. Я. Марра, требование установить историческую ступень развития национального языка в общем процессе развития языка, приобретает оргомное теоретическое и практическое значение. Историческое изучение языков в этом плане получает свое оправдание и содержание и является условием преодоления формализма, схоластического, формально-сравнительного метода.

Разрешение проблем, которые ставил Н. Я. Марр в области изучения национальных языков, создает условия, когда исследователю, учителю и его ученику будет дана возможность «прочувствовать» родной язык, реально осознать историческую перспективу и зако-

---

[1] См. Балкарско-сванское скрещение.

[2] Н. Я. Марр, Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариев, Л. 1930, стр. 6.

номерности его развития и реальные связи родного языка с другими языками.

Невольно напрашивается крылатое выражение Н. Я. Марра из его доклада «Родной язык могучий рычаг культурного подъема», где он говорил: «при такой постановке дела родной язык в СССР намечается в кандидаты на то место, которое в свое время с честью занимали в европейской школе классические мертвые языки, греческий и латинский».

Проблемы, поставленные языковедной теорией Н. Я. Марра, необходимо наполнить реальным содержанием, конкретным историзмом, тогда только они найдут свое действительное эффективное выражение в нашей многообразной и богатой практике. Мы привыкли предъявлять к теории Н. Я. Марра иногда субъективные требования, искать готовых ответов на все свои вопросы, забывая, что заслуги оцениваются не по тому, чего ученый не дал с точки зрения наших чаяний и требований, а с точки зрения того, что он дал нового сравнительно с прошлым этапом развития научной мысли, с точки зрения того, что мы можем положить в основу наших собственных исследований и решений. Нам необходимо самим научиться работать, и благодарная задачи — учиться у Н. Я. Марра его стилю работы, стилю большого теоретического размаха и бережного истинно-научного отношения к материалу исследования.

Яфетидология — наука. Изучение этой науки, историческое понимание и связь научных обобщений в ее развитии—совершенно необходимая предпосылка для плодотворной, исследовательской работы в этой области. Неисторическое понимание, абстрактная зубрежка «наизусть» отдельных теоретических положений приводят во всех случаях к эклектическому соединению формального понимания материала и обобщений, основанных будто бы на яфетидологическом методе.

Взятая в общем методологическом плане проблема развития ряда национальных языков представляется, как проблема некапиталистического пути развития, в том смысле, что развитие национальных языков является составной частью проблемы некапиталистического пути экономического и культурного развития отсталых в прошлом народностей.

В этом плане первостепенное значение приобретает проблема литературных национальных языков. Ленинское разрешение национального вопроса в СССР предрешило все возможности небывалого развития национальных языков — рычагов мощного культурного подъема.

Вступление в период развернутого строительства социализма требует того, чтобы развитие национального языка обеспечило неизмеримо возросшие культурные запросы масс, обеспечило огромный рост национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Если до последнего периода проблемы развития национальных языков разрешались под углом зрения удовлетворения подчас элементарных требований развития грамотности, обеспечения предварительных условий развития национальных языков в плане создания алфавитов, первоначальной орфографии, первичных учебников и пр., — то в период развернутого строительства социализма неизбежно встали новые проблемы развития национальных литературных языков.

На очереди проблема стабильной орфографии, единого литературного произношения, научной терминологии, дифференцированной грамматики и учебников, особенно синтаксиса и стилистики литературного языка и т. д.

Проблема переводов общественно-политической и научной литературы, создание и развитие национальной художественной литературы, — все это проблемы скачка национальных литературных языков на уровень культурных языков мира.

Разрешение этих проблем в каждом отдельном случае требует конкретного учета исторической ступени развития каждого данного языка.

С другой стороны, если в свое время закономерно в условиях СССР встала проблема унификации алфавитов, то сейчас неизбежно встает проблема унификации терминологии и в связи с этим унификация морфологии в национальных языках. СССР являет собой пример подлинно интернационального объединения братских народностей, развитие национальных культур есть выражение социалистической культуры, отсюда и в развитии языка встает проблема унификации интернациональных элементов морфологии и терминологии, опять-таки с учетом конкретных условий развития каждого национального языка.

Разрешение современных проблем развития национальных литературных языков совершенно немыслимо без напряженной научной работы, без теоретического фундамента, без непосредственного оплодотворения практикой теории и теорией практики.

Углубление языковедной теории Н. Я. Марра, расширение первоисточника ее представляется нам ближайшей задачей лингвистической мысли.

Ф. ФИЛИН

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ ДРУГИХ НАРОДНОСТЕЙ СССР В РАБОТАХ Н. Я. МАРРА

I.

Новое учение о языке в кругу исследуемых им языков значительное место уделило и русскому. Одной из особенностей «яфетидологических» исследований материалов русского языка является их разбросанность по многочисленным работам творца нового учения Н. Я. Марра, работам, по своим заголовкам зачастую как будто бы не имеющим никакого отношения к русскому языку [1].

Эта особенность не внешнего, а внутреннего, методологического порядка. Русский язык — явление историческое; он есть одно из звеньев единого глоттогонического процесса; как в процессе его создания, так и в дальнейшем его развитии, вплоть до настоящего времени, принимали участие многие племена и народности, позднее национальности, так или иначе объединяемые общностью социально-экономических условий. Н. Я. Марр ставил задачей выяснить реальную картину сложных языковых взаимоотношений на том или ином участке глоттогонического процесса так, как они существуют в исторической действительности во всем своем многообразии. Поэтому зачастую объяснение фактов русского языка не являлось целью его исследования; эти факты рассматривались постольку, поскольку они входят в сложные переплетения интересовавшего Н. Я. Марра того или иного отрезка глоттогонического процесса. Но от этого освещение их нисколько не проигрывает; наоборот, те или иные проблемы происхождения и развития русского языка получают подлинно реальную, историческую базу, дающую возможность специалисту-руссисту освободиться от чар идеалистического языкознания, выйти из искусственно-замкнутого круга славянской системы языков и твердо стать на почву марксистско-ленинской лингвистики.

В задачу этой статьи входит обобщение исследований Н. Я. Марра по материалам русского языка, а следовательно, и вскрытых этими исследованиями взаимоотношений русского языка с другими национальными языками, в том порядке, как эти исследования представлены развитием нового учения о языке. Настоящая статья является первой попыткой подытожить высказывания Н. Я. Марра о русском языке и, конечно, не может претендовать на полноту обобщения.

Проблема, поставленная заглавием данной статьи, разбивается на несколько сложных и чрезвычайно обширных по своему охвату вопросов. Вот некоторые из них: 1) вопрос о происхождении русского языка, следовательно, об определении его места в едином глоттогоническом процессе, о многочисленных племенных языках, вошедших в

[1] Это дает повод некоторым руссистам совершенно превратно истолковывать новое учение о языке в том плане, что оно будто бы ничего не дает для изучения русского языка.

состав русского, и не только русского, но и других национальных языков; 2) взаимоотношение русского языка с другими языками в эпоху феодализма; 3) взаимоотношения его с другими языками в период национального оформления, т. е. в эпоху капитализма и 4) роль и значение русского языка в языковом строительстве других национальных языков (и обратно) в СССР после Октябрьской социалистической революции. Так как нельзя охватить все эти вопросы в одной статье, то здесь ограничимся рассмотрением только первого: о происхождении русского языка.

Это — вопрос большой и актуальной важности; если рассмотреть его историю, то станет ясно, какое значение он имел в колонизаторской политике царской России; в настоящее время исследование его для нас важно потому, что оно показывает тесную связь русского языка с другими национальными языками других систем, включая сюда и языки малых народностей; тем самым создается одно из теоретических подкреплений советской национальной политики. Мы не говорим уже о методологической важности этой проблемы для разработки любого вопроса изучения языков Восточной Европы.

Прежде чем перейти к изложению поставленной здесь преблемы в освещении нового учения о языке, коротко остановимся на том, как она трактовалась индоевропеистами.

1

1. Вопрос о происхождении русского языка имеет давнюю историю и по поводу него имеется обширнейшая литература, высказано много точек зрения, предложено много взаимоисключающих гипотез. Но в этой литературе имеется и много общего. Коротко это общее можно сформулировать в следующих положениях: 1) русский язык в своем происхождении неизменно связывается со славянскими языками в реконструируемом «праязыке»; 2) исследователь наряду с «праязыком» ставит себе задачу отыскать какой-то «этнический субстрат» русских — «пранарод», занимавший в «предисторическую эпоху» определенный компактный участок территории — «прародину». «Этнический субстрат» русских предполагается уже данным; по существу, он не является исторической категорией, чем-то возникшим и бывшим в процессе становления; это — некая неизменная величина. Иными словами, если обнажить эту установку до конца, то окажется, что русские существуют с самого начала человеческой истории; раньше русский язык входил, как «диалект» или «говор», в славянский, еще ранее в «индоевропейский праязык», затем русские отделились и стали вести свою историю самостоятельно. Эта точка зрения неотъемлема от любой индоевропейской гипотезы происхождения русского языка. Каково в таком случае взаимоотношение русского языка с другими языками «не-индоевропейской семьи»? Даже наиболее талантливые представители индоевропеистики не шли далее «смешения» с другими языками, большинство же ограничивалось «влияниями» и «заимствованиями» из «чужих» языков, поскольку уже «смешение» нарушало «чистоту этнического состава русских, resp., славян», что не входило в интересы этого большинства. Так А. И. Соболевский и А. А. Шахматов шли далее обычных традиционных точек зрения, но и они не выходили за пределы «теории смешения».

А. И. Соболевский, исследуя топонимику Вост. Европы, в частности, юга России, писал: «Можно думать, что некоторые скифские племена смешались со славянами, с ними ассимилировались и исчезли как народы в их массах, увеличив численность и силу этих масс. Можно думать, что некоторые славянские племена историчес-

кого времени — потомки скифских племен, смешавшихся со славянами и утративших свой язык, но сохранивших свои скифские названия».[1] В этой же работе[2] он делает другое предположение: «славянский праязык» содержит в себе элементы одного из наречий скифского языка иранской ветви. Эти прогрессивные по сравнению с другими гипотезами взгляды все же предполагают некий изначально существующий «славянский субстрат», который или ассимилирует скифов, или механически смешивается с ним, сам от этого качественно не изменяясь.

А. А. Шахматов ставил вопрос о славяно-кельтских и финно-кельтских связях, но также не поднялся выше «смешений» и «влияний», оставаясь полностью на индоевропейских позициях.

2. Вопрос о происхождении русских, resp., славян занимал умы, насколько мы можем судить по имеющимся материалам, еще с XI—XII вв. как на Руси, так и в других славянских странах. Что очень характерно — чем далее в глубь истории, тем более эти материалы разноречивы. Так, южно-славянские летописцы и историки считали, что их предки вышли из Польши и из Чехии. Дубровничанин Туберо-Черва (Цриевич) (1490—1522) выводит всех славян от русских и из России. Хорват Фауст Врančич предполагает две «прародины»: в Московии («Сарматии азийской») и Польше («Сарматии европейской».). Поляки считали своею «прародиной» Балканы, некоторые же из них—Россию; чехи указывали кто на юг, кто на запад. По поводу таких разноречий М. Первольф, автор труда «Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в.», пишет: «Замечательно, что северные славяне ищут свое начало у южных, юго-славяне же у северных. Чехи, поляки и лужицкие сербы утверждают и давно упорно отстаивают свое происхождение из югославянской Хорватии... Русские пишут, что их предки... вышли от Дуная, где есть ныне земля угорская и болгарская. С другой же стороны, южные славяне уже с XII столетия производят свой народ из северных земель, где ныне Чехия и Польша и обширная земля русская, орошаемая Волгой» (стр. 108).

Самый вопрос о «прародине» был вызван у феодальных «теоретиков» известным библейским сказанием о «смешении языков»: в религиозной литературе это был своего рода бродячий сюжет: мы его встречаем почти у всех народностей, и не только с христианской религией. Но для нас эти разноречия замечательны тем, что «прародина славян» — представление, подчас сознательно или бессознательно диктуемое определенными классовыми интересами. Вокруг того или другого расположения «прародины» развертывались страстные споры, в большинстве случаев решавшиеся в пользу той страны, к которой правящие круги данной народности имели определенное тяготение. Так, Длугош (XV в.), представитель ориентации Польши на западную культуру, всячески боролся против «русской или сарматской теории происхождения славян». Русские приравнивались им к варварам, скифам, «диким народам Азии». Как видно, здесь точка зрения на взаимоотношения языков вполне определенная, по своей «научности» напоминающая современную «теорию родства германцев с японцами». Чех Судетский (начало XVII в.), высказавший мысль, что славяне происходят от русских и вышли из России, подвергся яростным нападкам со стороны тогдашнего ученого мира и церкви.

---

[1] «Русско-скифские этюды» ИСРЯС, 1921, т. XXVI, стр. 8.
[2] Там же, т. XXVII, стр. 321—322.

После известного периода искания определенной, резко очерченной территориально «прародины» с XV—XVI вв. возникают новые направления, вызванные к жизни ростом завоевательских тенденций у правящих классов некоторых славянских народностей: «прародину» славян начинают искать везде. Особенно это относится к Польше XVI в. Поляк Замойский считал территорию, раньше занимаемую славянами, чрезвычайно обширной. Польский архиепископ Станислав Карнковский утверждал, что славяне когда-то занимали чуть ли не всю Азию, Европу и Африку. Истинную подоплеку этой «теории» показал Петр Грабовский, который в обращении к Сигизмунду о важности установления «прародины» славян подчеркивал, что все народы, мол, расширили свою территорию, а вот славяне даже лишились того, что имели. В этом же духе высказывались Сарницкий, Папроцкий, Мартин Бельский, М. Кромэр и др.[1] Нечего и говорить о том, что все это подавалось в религиозной оправе. Было само собою разумеющимся, что славяне после «вавилонского столпотворения» покинули Сенаарскую долину и проследовали на свою «прародину».

Все это подчеркивает истинные истоки гипотезы «праязыка», сохранившейся вплоть до нашего времени[2].

Та же картина, но в еще большей степени, наблюдается и в России XVIII в. «Патриотический» русский торговый капитал в качестве «теоретического оправдания» своих агрессивных действий выдвинул «теорию» первенства языка славян пред всеми другими языками как в моральном, так и в особенности в территориальном отношениях. «Собирательская» политика Петра I заставила его искать ученого, который мог бы написать сочинение «о начале славянского народа и о его языке». Заказ Петра исполнил Лейбниц, составив краткую записку о славянах[3]. Тредьяковский пытался доказать, что «язык словенский» является наиболее древним в Европе; этот язык занимал когда-то всю территорию Европы[4]. Сумароков выводил всех европейцев от «цельтов», а «цельты суть славяне»[5]. Екатерина II искала «следы славян» в топонимике... Франции, Испании, Шотландии, не говоря уже о близких соседях. По ее велению акад. Бакмейстер, Николаи и др. расширяли «прародину» славян чуть ли не на весь земной шар[6].

Индоевропеистика неразрывно связывает вопрос о «прародине» с вопросом о «чистоте этнического состава» славянства, допуская лишь незначительные влияния и смешения; другой постановки и не может быть при компаративном методе и искусственно ограничиваемых объектах исследования. Рассуждения по этому вопросу до XIX в. во многом совпадают с индоевропеистскими гипотезами: многие авторы производили славян от других народностей, но ставили между теми и другими знак равенства. Так, югославские летописцы и историки указывали на готов, как на предков славян, считая готов славянами. Эта точка зрения продержалась вплоть до XVII в. Сербские памятники XIII столетия называют болгар людьми «от племени гоѳи, нарекомого блъгорского». Мавро Орбини в книге «Сла-

[1] Излагается по И. Первольфу.

[2] То, что в XIX в. «теория праязыка» получила другие оформления («язык—организм» Шлейхера, «народный дух» Штейнталя и Лацаруса и т. д.) по существу не меняет целевой устновки.

[3] Соловьев, «История России XVII в.», стр. 403.

[4] «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских», 1773 г.

[5] «О происхождении российского народа»...».

[6] Булич, «История языкознания в России», СПБ, 1904, стр. 70.

вянское государство» (1601 г.) выводит славян от вандалов, гетов, готов, аваров и др. племен. Поляк Бернард Ваповский (1450—1535) отожествляет славян с роксоланами. В польской литературе того времени сопоставление: Роксолания или Русь, Сарматия или Русь встречаются очень часто. М. Кромэр (XVI в.) выводит славян от древних венедов и сарматов. Чех Дубравский также видит славян в прежних сарматах. Грубишич (XVIII в.) вандалов называл славянами. В России в древних племенах славян видели Ломоносов, особенно Тредьяковский, высказавший по этому поводу много интересных замечаний, и др.

В конце XVIII и начале XIX вв. эти гипотезы получили резко отрицательную оценку со стороны ряда славистов (Добровский, Колар, Копитар, Юнгманн, Шафарик и др.), поскольку они базировались на случайных сопоставлениях. Помимо того, они уже не соответствовали новым политическим требованиям того времени.

3. Конец XVIII и первая половина XIX столетия ознаменовались бурным расцветом славистики, а вместе с этим и появлением множества гипотез о происхождении русского языка и его взаимоотношениях с другими языками. Причины этого расцвета с чрезвычайной яркостью были вскрыты Марксом и Энгельсом в статье «Германия и панславизм» [1], в которой дано гениальное определение панславизма и его целевых установок. Маркс и Энгельс указывают на Добровского и Колара как основоположников панславистского движения. Затем у этих славистов появились многочисленные последователи в лице лингвистов Шафарика, Копитара, Миклошича, историка Палацкого и многих других. Какова была цель этого движения? «Славные эпохи чешской и сербской истории рисовались в пламенных красках в противовес униженному и жалкому настоящему этих национальностей; и подобно тому как в остальной части Германии под покровом «философии» подвергались критике политика и теология, в Австрии, на глазах у Меттерниха, филология была использована панславистами для проповеди учения о славянском единстве и создания политической партии, очевидной целью которой было изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее в великую славянскую империю» [2]. И далее: «пока панславизм был чисто австрийским движением, он не представлял большой опасности, но скоро нашелся необходимый для него центр масс и единства» [3]. Этим центром оказалась царская Россия. Россия начала вести ярко выраженную панславистскую политику.

Таким образом, то, что раньше назревало в форме горячих дискуссий о «прародине» славян и их «праязыке», вылилось в политическую форму с ярко выраженной агрессивной установкой. Этой установке, вольно или невольно, были подчинены все гипотезы по разбираемому нами вопросу. В этой-то обстановке и сложилось «учение» славистов о происхождении русского языка, которое в тех или иных разновидностях существует вплоть до нашего времени. То, что устанавливал Шафарик, позже академик Ягич считал вполне приемлемым [4]. Так же относились позднейшие слависты и к работе Добровского.

Добровский в своих работах «Über den Ursprung und die Bildung der slavischen Sprache» 1791 г., Über die Begräbniss der alten Slaven überhaupt — und der Boehmen in besondere» 1786 г. и др. сна-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, «Сочинения», т. X, М., Партиздат, 1933.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, «Сочинения», т. X, стр. 391—392.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, «Сочинения», т. X, стр. 392.
[4] И. В. Ягич, «История славянской физиологии», СПБ, 1910, стр. 298.

чала развивает гипотезу, по которой славяне до 300—600 гг. находились на своей «прародине» в переделах верхней Вислы, Одера, Моравы и Лабы, откуда предприняли переселение в занимаемые ими сейчас места, войдя в историю в совершенно готовом виде. Славяне представляли «чистое по крови единство, без каких-либо примесей чужеземных народностей». Затем он выдвинул новую гипотезу, по которой следовало, что славяне были искони соседями готов и жили позади литовцев по верховьям Днепра и Волги. Обе эти гипотезы Добровского были отвергнуты Шафариком как недостаточно панславистские, поскольку они намечали узкоограниченную (территориально) «прародину» славян. П. Шафарик из всей плеяды панславистов, пожалуй, более всех занимался вопросом происхождения славян и их взаимоотношениями с другими народностями; его взгляды по данному вопросу наиболее характерны для панславистского движения. Основной труд Шафарика «Славянские древности» вышел в России в 1837 г. и 1848 г. в переводе О. Бодянского. Главной задачей Шафарика было «доказать, что славяне с незапамятного или, что одно и то же, доисторического времени были старожилами Европы и населяли ее, вместе с другими одинакового племени, туземными народами: кельтами, немцами, литовцами, фракийцами, греками и римлянами».[1] Славяне—народность «стародавняя», причем они раньше занимали гораздо большую территорию, чем теперь. Труд Шафарика опирается на показания древних, а ведь известно, что в их показаниях о славянах впервые упоминается сравнительно поздно, только в VI в. нашей эры (показания Иорнанда).

Для доказательства «древности» славян Шафарик приводит два довода: 1) раз древние писатели не упоминают о славянах, следовательно славяне были туземным народом и настолько хорошо известным современным им писателям, что последние не сочли нужным о них писать (?!); 2) древние писатели упоминают о племенах, которые имеют непосредственное отношение к славянам. Плиний (79 г. н. э.) и Птоломей (175 г. н. э.) дают показания о сербах или сирбах, живущих между Меотийским озером и Волгой. Прокопий упоминает о спорах, в которых Шафарик также видит сербов. Император Константин (IX в.) и безымянный сочинитель географических записок о славянах (конца IX в.) в Мюнхенской рукописи XI в. свидетельствует «о великом сербском народе, жившем за Карпатами в нынешней Польше и Руси»[2]. «Соломон (IX в.) писал, что обитатели древней Сарматии назывались древними сербами»[3]. Наряду с названием «сербы» Шафарик обращает внимание на название «винды», «венеды» , «венеты». Иорнанд считал термин «венеды» названием древних славян. Упоминания о венедах имеются у Плиния, Тацита и Птоломея. «Все почти народы, самые отдаленнейшие по месту жительства и времени, от Скандинавского полуострова и Исландии по самый дальний Восток... называли и называют славян... общим именем — виндами, вендами»[4]. В скандинавских народных песнопениях и сказаниях славяне «беспрестанно называются ванами, земля их — Wanaheimr, река, орошающая ее и текущая в Черное море, — Wanaquisl»[5]. Немцы и до сих пор называют славян «виндами», а финны — «венами». Из всего этого Шафарик делает вывод, что под сербами (спорами) и виндами нужно понимать

[1] «Славянские древности», 1848 г., стр. 163.
[2] Там же, стр. 164.
[3] «Славянские древности», 1848 г., стр. 164.
[4] Цит. соч., 142.
[5] Цит. соч., 143.

все племена славянского объединения, причем «сербы» — общее собственное название славян, которое потом было заменено позднейшим термином «славяне», «винды» же — название иноземное.

Не вдаваясь здесь в обсуждение фактического материала, приведенного Шафариком, необходимо отметить следующее: 1) Шафарик произвольно отожествлял на основании лишь племенных названий современных славян с древними сербами и венедами; на этом основании с таким же успехом можно было бы причислить к славянам и финнов, поскольку термины fin, ven есть лишь разновидности одного и того же названия. Умозрительно также утверждение, по которому следует, что термин «серб» был собирательным для всех славян; 2) чтобы решить вопрос о вендах и сербах, являются ли эти племена уже славянскими, или они представляют собою тип до-славянских племен, которые лишь известными слоями вошли в славянское образование, недостаточно одних показаний древних; здесь необходимо привлечение широчайших сравнительных материалов, археологических, лингвистических и др.; 3) Шафарик произвольно ограничился венедами и сербами, не привлекая других племен (роксоланов, сарматов и др.), поскольку привлечение этих племен в качестве «предков» славян, не соответствовало панславистской концепции, так как «индоевропейское» их происхождение было сомнительным. Шафарик, как и многочисленные приверженцы панславизма, — сторонник «расовой теории» в крайнем ее виде. «Славяне — народ трудолюбивый, честный, призванный просвещать других, а все народы монгольского племени — варвары, тунеядцы, разбойники». Этот тезис «доказывается» на всем протяжении его громадного труда. Славяне всегда были «чистым кровно-родственным массивом».

О каком взаимоотношении между славянами, resp. русскими, и другими народностями могла быть речь? Приведем несколько типичных примеров. Так, «вглядевшись хорошенько в изображение древних скифов, нельзя нам не заметить сходства их с позднейшими гуннами, аварами, хозарами, особенно же с монголами и татарами: везде одинаковые черты, хотя времена различные... Подобное сходство замечаем и у зверей»[2]. Скифы — народ монгольского племени. Монголы — лентяи, свиньи, тунеядцы, грабители[3]. Обычаи скифов «гнусные», «просим не смешивать их со славянами»[4] и т. п. Подобные «выводы» Шафарик строит на тенденциозно подобранных цитатах у авторов древности, тенденциозно потому, что о скифах, например, имеются и другие отзывы, идеализирующие их быт (например школа Эфора), а о славянах наряду с другими отзывами имеются не менее «лестные», чем о скифах. Шафарик считает, что с «монгольскими и прочими» племенами славяне не имели никаких сношений, за исключением разве военных стычек. Он также «опровергает» утверждение, что на территории Новгорода, Москвы, Смоленска и др. городов раньше жили «какие-то другие племена, в том числе и финские. Наоборот, славяне жили в этих местах ранее финнов и по отношению к ним могут считаться автохтонами»[5]. Славянская территория представляла собою почти сплошь замкнутый круг, и чем глубже в историю, тем она была «чище и компактнее». Такова в общем концепция Шафарика, имевшая большое влияние на развитие славистики[5].

[1] Конечно, нельзя не отметить того факта, что Шафарик собрал громадный материал, которым специалисты не должны пренебрегать и в настоящее время. Эту заслугу Шафарика нельзя преуменьшать. Речь здесь идет о его методологической концепции, имеющей ярко выраженную политическую направленность. То же относится и к ряду других авторов, оценка методологических позиций которых дается в настоящей статье.

[2] Цит. соч., стр. 178. [3] Там же, 180. [4] Там же, 181—182. [5] Там же, стр. 198.

С еще большей четкостью гипотеза «чистоты славянского состава», изолированности славян от других народностей, оформляется русским филологом А. Востоковым. А. Востоков в своих исходных пунктах близко примыкает к Добровскому, но если у последнего сравнительный метод лишь только начал намечаться в последнем периоде его деятельности, то первый твердыми ногами стал уже на почву индоевропеистики. Востоков, как и Добровский, в основу своих иследований берет письменный церковно-славянский язык, который он считает базой для развития всех живых славянских языков. Церковно-славянский язык весьма близок по своему составу к «праславянскому языку». Востоков делает такой вывод из близости друг к другу церковно-славянских памятников различных славянских стран. Церковно-славянский язык, таким образом, оказывается письменным оформлением «реально существовавшего славянского праязыка».Чем ближе к нашему времени, тем более славянские языки отходят друг от друга, «между тем видно по рукописям XIV даже столетия, что сей язык (церковно-славянский — Ф. Ф.), на который переложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян, едва ли не в общем употреблении» [1]. Правда, «праязык» уже в глубокой древности разбивался на диалекты, но разница между этими диалектами была весьма незначительна и касалась только словаря и «выговора». Что же касается грамматических форм, то они были одинаковы во всех «славянских наречиях». «Посему почти заключать можно, что во время Константина и Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуметь друг друга так же легко, как теперь архангелогорец или донской житель разумеет москвича или сибиряка» [2]. Только в последней половине XIV столетия становится заметнее разница между русским и церковно-словянским языком. Чем глубже в историю, тем «монолитнее становятся славяне, тем меньше в них чужеродных примесей». Если гипотезы Шафарика в ее чистом виде в настоящее время не существует, то гипотеза Востокова, в особенности же метод его исследований, по существу претерпели в своих отправных пунктах только небольшие изменения.

Ошибочность этой гипотезы вытекает не из материала, в данном случае «церковно-латинского языка», а из самых приемов исследования и, в конечном счете, из той же панславистской предубежденности. Действительно, памятники «церковно-славянского языка» XI—XIV столетий были ближе друг к другу, чем, скажем, литературные языки славянских национальностей в настоящее время. Но эту близость нет никаких документальных оснований отождествлять со взаимоотношениями живых славянских языков того времени. «Церковно-славянский язык» — язык феодального духовенства, язык классовый, но не общенародный. Это — язык богослужений, но не разговора. Для широких масс он был непонятен, пожалуй, еще в большей степени, чем в настоящее время, поскольку христианство среди славянских племен, их народных масс, прививалось весьма туго, о чем свидетельствуют те же письменные памятники и в особенности народный эпос.

Если не смотреть на устное народное творчество как на нечто производное от литературного языка и проделать хотя бы лишь срав-

---

[1] А. Востоков, «Рассуждения о славянском языке», Труды об-ва Российской словесности, ч. XVII, 1820 г., стр. 8.

[2] Цит. соч., стр. 10.

нительную работу тех его слоев, древность которых не вызывает сомнений, то окажется, что славянские языки по этим материалам стоят друг от друга гораздо дальше, чем современные литературные славянские языки. Если не смотреть также на диалекты каждого из славянских языков как на подобные же производные от литературного языка единицы, то не только по словарю, но и по своему грамматическому составу зачастую они производят впечатление самостоятельных языков. А имеются ли какие-либо фактические данные считать структурные и словарные особенности диалектов позднейшими явлениями по сравнению с памятниками XI—XIV вв.? Таких данных нет.

Правда, мнимую «праязыковую» близость и в настоящее время пытаются подкрепить следующими аргументами: 1) так называемые приписки писцов, не относящиеся к переписываемому тексту, близки к самим памятникам повсеместно; 2) другие документы нерелигиозного содержания, дошедшие до нас от того времени, тоже довольно близки по своей грамматической структуре к церковно-славянскому языку. Верны ли эти факты? Да, они сами по себе верны, за исключением разве слишком преувеличенной близости материалов, помеченных во втором пункте. Но последние факты говорят отнюдь не за «славянское языковое единство» XI—XIV вв., так как: 1) не учитывается, что сами переписчики, как правило, монахи, следовательно — люди определенного социального слоя, который и вырастил самый «церковно-славянский язык», близость их «приписок» к самим памятникам, стало быть, очень велика. «Приписки» писцов не представляют собою языка народных масс. Кроме всего этого обычно они слишком незначительны по своим размерам, чтобы по ним можно было судить о всех языковых особенностях самого писца; 2) другие памятники нерелигиозного содержания (торговые, юридические и др.) также представляют собою классовый феодальный язык, генетически имеющий одно и то же происхождение, что и «церковно-славянский», следовательно, он также не может быть языком широких народных масс. Кроме этого обычно при исследовании этих памятников все внимание обращается на общее без должного внимания к особенному.

Вернее было бы говорть не об «общем церковно-славянском языке», а о древне-славянских письменных феодальных языках, в частности о древне-русском письменном феодальном языке. Только такая постановка вопроса, определяя подлинное историческое место письменных языков того времени, может действительно, на деле, а не на словах, освободить от вредной для науки гипотезы «праязыка» или «славянской языковой близости», что в свою очередь позволяет всерьез ставить вопрос о творческих взаимоотношениях русского с языками не прометеидской системы [1]. Иначе нужно было бы отказаться и от поставленной темы, поскольку «славянское единство» исключает эти взаимоотношения, сводя их к случайным «влияниям» и «заимствованиям» [2].

Взгляды Востокова получили свое дальнейшее развитие у

---

[1] Некоторые указывают на то, что язык русской буржуазии и язык русского пролетариата — классовые языки, но все же они до революции составляли один национальный язык, именно русский. Почему же, мол, не допустить близости классового феодального языка к языкам народных масс в начале нашего тысячелетия? Эти языковеды не учитывают одну «мелочь»: национальный русский язык возник с развитием капитализма, тогда как об общем национальном языке в XI—XIV вв. не может быть и речи, поскольку отсутствовала сама русская нация.

[2] Новое учение о языке не отрицает заимствования и влияния, как факты, но сами по себе эти факты ничего не объясняют.

И. И. Срезневского. Срезневский также ставил своей целью доказать «самобытность славянства», «этническую чистоту его состава» и т. д. «Русский народ, — писал он, — сколько ни испытывал волнений в быте политическом, всегда, однако, твердо удерживал свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству других народов, никогда не подчинял своего языка игу других языков»[1] и т. д. Взаимоотношения между русским и другими неславянскими языками Срезневским иначе и не мыслятся, как «возможное подчинение или господство». Что касается подчинения, то оно отрицается, что же касается господства, то «русский язык господствует над многими». Русские в свое время занимали обширную территорию, далеко уходящую на Запад, откуда их потеснили немцы. Судить о древне-русском языке (включая сюда «народные диалекты») можно только по церковным памятникам. Единственно научный метод — метод сравнительный. «Восстановление» праязыка — главная задача филологии»[2]. В отличие от Востокова, Срезневский уже останавливается в своих исследованиях на русском языке, тогда как первый еще четко не отделял русского языка от «славянского». Срезневский конструирует схему «общерусского языка» с «диалектами» великорусским, «малорусским» и белорусским, схему, общепринятую в буржуазной славистике. Языки украинский и белорусский являются «только оттенками одного и того же наречия и нимало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа»[3]. То, что имеется особенного в белорусском и украинском языках, есть «испорченное от великорусского» и потому подлежит осмеянию. Так «цвяканье» белорусского «наречия» есть «что-то отвратительное или по крайней мере смешное»[4]. «Вообще до сих пор не отмечено в белорусском говоре ни одной такой черты, которая не повторилась бы хотя где-нибудь в великой Руси. Вот почему, кажется, гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором великорусского наречия, а не отдельным наречием. В белорусском есть, конечно, много особенных слов, непонятных каждому великоруссу, но и всякий другой говор богат ими»[5]. На этом исключительно тенденциозном выводе, игнорирующем особенности упоминаемых трех языков, которые говорят о самостоятельности каждого из них на всем протяжении их развития, можно было бы не останавливаться, если бы этот вывод не фигурировал во многих учебниках и статьях и поныне, как нечто принятое и бездоказательное, хотя и в несколько более замаскированной форме.

4. Дальнейшая история проблемы происхождения русской народности и русского языка и их взаимоотношений с другими народностями и языками идет в очень большой степени под знаком так называемого «варяжского вопроса», вращаясь вокруг возникновения русской государственности и происхождения термина «Русь». Норманисты выдвигали известный летописный миф о пришествии варягов-русов из Скандинавии, антинорманисты утверждали, что русские и термин «Русь» — местного происхождения[6]. По поводу этого имеется громадная литература, высказано очень много гипотез, но вопрос до сих пор не решен ни норманской, ни славянской школой, ни их «примирите-

[1] «Мысли об истории русского языка», СПБ, 1850 г., стр. 37.
[2] Там же.
[3] [4] [5] Там же, стр. 41, 43, 48.
[6] С. Н. Быковский определяет классовую природу обоих течений. Норманисты, по его мнению, представляют, в основном, дворянско-монархическую концепцию, славянская же школа — торгово-буржуазную («Яфетический предок восточных славян — киммерийцы», Л., изв. ГАИМК, т. VIII, стр. 3).

лями». Такая неудача предопределена методологическими позициями обоих лагерей, которые одинаково исходят из твердо установившейся гипотезы «прародины», «праязыка» и «пранарода»: рассматривают этническую единицу как нечто самодовлеющее, неизменное. Термин «рос», «рус» в их разновидностях встречаются в топонимике буквально во всех уголках Восточной Европы и Скандинавского полуострова, что давало неиссякаемую пищу для гипотез как норманистам, так и антинорманистам в одинаковой степени.

Антинорманисты (напр., Иловайский и в особенности Гедеонов) постоянно указывали на то, что этот этнический термин по материалам топонимики и показаниям древних имелся еще задолго до 862 г. на юге России и в бассейне Черного моря, в чем были совершенно правы. Но они на этом и останавливались, полагая, что именно в этом районе нужно искать «прародину» русских и истоки их государственности. Поиски «прародины» направлялись антинорманистами и в другие районы Восточной Европы. Так, Ф. И. Кнауэр обратил свое внимание на древнее название Волги «Ра», «Рось», предположив эти термины достоянием русской общественности в современном нам смысле, и сделал отсюда вывод, что «прародина» русских могла быть только в районе Волги [1]. Наиболее передовые антинорманисты, как В. Пархоменко, отбрасывали узкую территориальную ограниченность «прародины». Исходя из летописных источников, Пархоменко предполагал существование двух групп славян: северо-западной и юго-восточной. В северо-западную группу он относил ильмено-новгородских славян и кривичей, эта группа им названа по связям с соседями «финско-норманскою»; в юго-восточную — полян, северян и вятичей, эта группа им названа хозарскою [2]. В. Пархоменко как будто отказывается от гипотезы «прародины», но это ему дается дорогой ценой: он отказывается вообще от вопроса о происхождении русских, считая невозможным проникнуть в глубину времени за неимением источников. В вопросе взаимоотношений русских с другими неславянскими народностями он также не идет дальше «влияний». С. Ф. Платонов и В. О. Ключевский делают попытку выйти за пределы «этнической единицы» и пытаются осветить вопрос с социальной точки зрения. Так, С. Ф. Платонов писал, что «Русь», «русские» это не отдельное варяжское племя, а варяжские дружины вообще [3]. Но С. Ф. Платонов отказался от генетического решения этого вопроса.

Норманисты в такой же мере справедливо, как и антинорманисты показывали на наличие термина «Русь» в северо-западной части Восточной Европы и Скандинавии и в такой же мере ложно выводили «Русь» из Скандинавии. Норманисты шли по ложному пути, определяя термин «Русь» по своей природе скандинавским, всецело опираясь в этом на индоевропейскую «теорию заимствования». Многие из норманистов предполагали, что слово «Русь» непосредственно связано с финским Ruotsi, которое заимствовано финами у германцев. А. Куник производил Ruotsi то «древне-северного» rôther, Roslagen — «гребцы», «общество гребцов», «провинция в восточной Швеции». А. Будилович искал в термине «Русь» эпическое название для готов Hrôthigutôs. В. Томсен придерживался одно время первой гипотезы Куника, что слово «Русь» произошло от финского Ruotsi, а Ruotsi от древне-шведского rôther. А. А. Шахматов считал, что первона-

[1] Ф. И. Кнауэр, «О происхождении имени народа «Русь», Труды XI археологического съезда в Киеве, т. II.
[2] «У истоков русской государственности», Л., 1924, стр. 13 и др.
[3] «Лекции по русской истории», 1917 г., стр. 65 и др.

чальной формой «Русь» было Rôs, также эстонское Rôts, вотское Rôtsi. В основе всех этих терминов он предполагал какое-то скандинавское слово. Но на этом и кончались исследования норманистов. Общий их вывод — термин «Русь» скандинавского происхождения. Если бы даже их точка зрения оказалась и правильной, то мы все равно стояли бы только у преддверия научного разрешения вопроса. Какими путями сложилось это слово «Русь» в Скандинавии, кто такие были «русы», каковы были их взаимоотношения с другими народностями? Все это для нормалистов остается загадкой.

За последнее время имелись попытки «примирить» оба направления, но эти попытки, конечно, потерпели неудачу. Сюда можно отнести, например, статью В. А. Брима: «Происхождение термина «Русь»[1]. В. А. Брим признает, что «рос», «рус» встречается в изобилии как на севере, так и на юге, но северное «рус» не имеет ничего общего с южным термином «рос». В основе северного «рус» лежит древнешведское drôt — «дружина», южное же «рос», «рось» возникло в весьма древние времена на юге Восточной Европы совершенно независимо от северного «русь». Это «Рось» ко времени захвата Киева варягами случайно (?!) обозначало властвовавшее там местное племя. Когда дружинники «русы» — варяги — спустились из Новгорода в Киев, то южане применили к ним уже имеющийся у них термин «Рось». Эта гипотеза не может считаться сколько-нибудь серьезной, так как построена исключительно на догадке.

В нашей литературе также были попытки указывать на В. Томсена, как ученого, разрешившего эту сложную проблему. В. Томсен в своей работе «Начало русского государства» (перевод Н. Аммона, 1891 г., последнее изд. 1919 г.) пришел к выводу, что искать родину Руси в Швеции нет никакого основания. Термин «Русь» — восточно-европейского происхождения. Скандинавы, которых славяне и фины называли «Русью», — племя, жившее по соседству с финнами и славянами где-нибудь на Ладожском озере. Вероятно, сюда же, по В. Томсену, относятся люди племени «Рос», упоминаемые в Бертинских анналах, а также «россы» Джейнахи, живущие на каком-то «острове». С нашей точки зрения труд В. Томсена чрезвычайно ценен по своему материалу и предположениям, если принять время его написания, но все же он не разрешает проблемы. В. Томсен прав, когда заявляет, что термин «Русь» бытовал где-нибудь в районе Ладожского озера, но чем же и как объяснить его разновидности в других местах Восточной Европы? В. Томсен не выходит из рамок гипотезы «прародины» и не порывает с традиционной точкой зрения, хотя во многом и отходит от нее.

В общем, норманская теория отличается от славянской школы тем, что она предполагает механическое слияние двух этнических единиц: скандинавов и славян, причем это слияние происходит путем завоевания или «призвания». Творческое взаимодействие народностей и их языков на основе общности социально-экономических условий тем самым отпадает.

Мы намеренно не останавливаемся здесь на других многочисленных гипотезах происхождения русского языка, опуская также детали разобранных, поскольку в задачу статьи входит показать методологическую сторону этих гипотез, а также выяснить, мог ли быть поставлен вопрос о действительном взаимоотношении русского языка с языками других народностей у их авторов. Все эти гипотезы, не приведенные в данной статье, не представляют чего-либо нового, выхо-

---

[1] Сборник «Россия и Запад», Л. 1923 г.

дящего из рамок господствующих направлений. Эти же господствующие направления в истории данного вопроса разобраны. Остановимся только на исследованиях А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, занимающих весьма значительное место в разрешении поставленной здесь проблемы.

5. А. И. Соболевский и А. А. Шахматов — характерные представители старого учения о языке эпохи его кризиса, когда нельзя стало давать что-либо новое, не выходя из рамок индоевропейского языкознания. Для этих исследователей характерен новый подход к разрешению вопроса, подход, так сказать, комплексный, с учетом истории, археологии и филологии, тогда как большинство предыдущих исследователей хотя и привлекало в иных случаях данные смежных дисциплин, но это делалось попутно, в основе же оставалась филология или какая-либо другая отдельная дисциплина. Ими более определенно, чем исследователями предыдущих этапов, поставлены вопросы о русско-скифских, русско-финских, финно-скифских и др. связях. Наиболее крупное исследование А. И. Соболевского посвящено русско-скифским отношениям. Русские, пришедшие со своей «славянской прародины» еще в период «общеславянского языка», нашли на территории Вост. Европы какой-то народ, передавший им свои топонимические названия, кое-что из культуры и т. д.[1]. Этот народ, живший до русских, занимал весьма значительную территорию, о чем свидетельствуют многочисленные топонимические названия, которые часто повторяются и тем самым указывают на однородность этого состава[2]. А. И. Соболевский предполагает в этом народе скифов. Так, Геродот сообщает, что скифы у персов назывались «саками». Это название Соболевский видит в русском термине «сок», «осочить», «окружить зверя», «осока» — «облава», что дает возможность перевести «сак», как «охотник», «гонщик», «скиф-охотник». Русские преемствовали значение «сак» от скифов[3].

Под враждебным Персии народом tura Соболевский видит тех же саков-скифов. Это название вошло в состав русских слов «протурить», «турнуть» и т. д.; tura входит в название Днестра, Дуная, Дона и др. рек. О чрезвычайной распространенности скифов говорят так называемые «каменные бабы». Эти памятники старины встречаются от Днепра до Забайкалья, распространяясь через всю Среднюю Азию. «Единственный народ, которому могли принадлежать каменные бабы — скифы»[4]. Другим не менее важным вещественным доказательством Соболевский считает окрашенные костяки, которые встречаются в курганах Бессарабии и Южной России к западу от Дона, принадлежащие агатирсам — акатирам и гелонам — будинам, племенам скифским, делавшим татуировку железистым веществом, по показаниям латинских авторов[5]. Скифы, возможно, были и на Западе. Греческое назание Ripdi есть скифское название гор вообще. У скифов оно могло звучать и ripa. Соболевский его производит от hripa, hriba, что наличествует в славянском «хриб», «хрибьтъ», «хрьбьтъ». Это название у славян от скифов[6]. По сказанию Эль-Балхи, русы состоят из трех племен: 1) ближе к Булгару, царь его живет в Куябе; 2) Славия живет дальше первого и 3) Артания с цент-

[1] «Русско-скифские этюды», ИОРЯС, 1922 г., т. XXVII, стр. 274 и др.
[2] Там же, стр. 259.
[3] «Этюды», ИОРЯС, 1921, т. XXVI.
[4] Там же, стр. 20.
[5] Цит. соч., стр. 27.
[6] Там же, стр. 32.

ром в Арте. Последнее название Соболевский связывает с древним названием Кубани — «Вардан», которое на наречии скифов приазовского края должно было звучать: «Вартан». Этот факт показывает на скифскую преемственность у русов[1]. Косвенно имеют отношение к русским и киммерийцы. Некоторая часть киммерийцев, жившая по Дону, оскифилась и через это имела некоторое влияние на русских.

В этом исследовании Соболевский значительно отступает от гипотезы «чистоты этнического состава славян», допуская наличие в славянском скифского и отчасти киммерийского элементов. В другом месте он делает еще более значительное отступление. «Как известно, принято в науке делить индоевропейские языки на две группы — на группу языков «съто» — с «с» или близкими к «с» звуками в числительном «сто», и на группу языков с «centum» — с «к» или близкими к «к» звуками в том же числительном»[2]. Славянские языки включают в себя и группу «с» и группу «к». По группе «с» они близки к балтийским языкам, по группе «к» — к языку скифов-иранцев. На основе этого Соболевский делает предположение, что, возможно, в глубокой древности столкнулись два народа: один балтийской ветви, другой — скифы, в результате образовался новый народ — славяне и новый язык — славянский. Эта гипотеза не дает выхода из положения, поскольку строится на механическом смешении народов, но она в известной мере снимает гипотезу «прародины» и «пранарода», направляя исследователя к тому, что возникновение славян нужно искать в предшествующих народах и их культуре. В этом большая заслуга Соболевского. Постановка А. И. Соболевским вопроса о русско-финских связях ничем в принципе не отличается от постановки им русско-скифской проблемы, более того, здесь он гораздо ближе стоит к традициям индоевропеистики. А. И. Соболевский видит в великоруссах «некоторую примесь финской крови». По его мнению, «остатки финнов, загнанные в болота и лесные трущобы, были оставлены в покое русскими и, окруженные ими, мало-помалу обрусели»[3]. Тот же взгляд мы встречаем еще у Шафарика, позже у В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др. Расследования русско-финских связей велись другими лингвистами (напр. Европеусом) и до Соболевского, но они также не выходили за пределы «смешения». Большой интерес представляет работа А. И. Соболевского «Древняя Пермь»[4]. Эта работа, собственно, является продолжением «Русско-скифских этюдов», но с упором на связи скифов с северными народностями Биармии. Скандинавские саги упоминают об идоле, который напоминает собою скифскую «каменную бабу». Они называют этого идола Jomala. Jomala — божество древнего населения Финляндии. Происхождение его, по Соболевскому, южное. Он его выводит из древне-индейского Jama — «подземное божество», бактр. Jima[5]. Эта работа своим существом направлена против обособленности и замкнутости племен, их «этнокультурной чистоты». Но все же А. И. Соболевский в вопросе русско-финских отношений четко отграничивает русский язык как язык «индоевропейской семьи» от языков «не-ин-

---

[1] «Этюды», ИАН, 1929, т. II, кн. 1, стр. 159—160.

[2] «Этюды», 1922 г., стр. 321.

[3] «К вопросу о финском влиянии на великорусское племя», «Живая старина», 1893 г., вып. I, стр. 121.

[4] Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929 г.

[5] Цит. соч., стр. 25 и далее.

доевропейских», как язык «особой крови», и допускает между ними лишь случайные заимствования, отнюдь не «смешения». «Смешение» русских со скифами он допускал лишь потому, что считал скифов «индоевропейцами» иранской ветви. Неизменная «этническая единица», поставленная вне всяких социально-экономических процессов, остается в основе его исследований.

С именем другого крупнейшего ученого А. А. Шахматова связаны обширные работы по русским летописям, проблемам древнейших связей славян с другими народностями и между собою и возникновения русских диалектов. А. А. Шахматов, по характеристике Н. Я. Марра, стоял в постановке некоторых проблем, как, например, славяно-кельтских и финно-кельтских связей, со своим комплексным методом «как бы на меже формального учения с идеологическим, во всяком случае у порога материалистического восприятия истории», но «вынужден был сковывать свои здравые мысли тисками мертвящей теории»[1]. Причина этому та, что А. А. Шахматовым «племенное образование вместе с его речью трактовалось как массив с корнем вне себя (где-то на прародине), с источником общения тоже внешнего порядка, также вне себя (миграция), с творческим фактором также вне себя (чужое влияние и заимствование)»[2]. А. А. Шахматов в известной мере порывал с «кровным единством» народности (хотя «единство по крови» им целиком не отвергается) и видел единство народности в общности культуры[3], но самая культура понималась им как нечто неизменное, самобытное. Славяне «по крови» смешивались с различными племенами, но культура их всегда была «чисто славянской». Принимая гипотезу об «индоевропейском праязыке», Шахматов начал свои исследования с того момента, когда «русское племя» появляется на арене истории; это появление он относит к VI в. н. э.[4]. В это время славяне находились в периоде своего распадения и расселения. Славяне составляли единую народность с многочисленным племенем антов и говорили с ним, по показанию греческих писателей, на одном языке. После распадения анты составили восточную ветвь; впоследствии эта восточная ветвь также раскололась на северо-западную группу — венетов и юго-западную — славян. Причину этого распадения Шахматов видит в действии внешнего фактора — в нашествии гуннов, которые свергли готское государство, покровительствовавшее славянам. Славяне вытеснялись территориально, раскалывались и уходили на новые места. Это-то как раз и послужило поводом к дроблению славян на племена и языки. Вообще Шахматов в основу взаимоотношений племен и их развития кладет географический фактор и «этнографо-антропологическое смешение»[5].

Отделившись от юго-западных славян, анты или венеты преобразовались в русских с их наречиями и подговорами. Таким образом Шахматов обновляет старую гипотезу: «анты — славяне», представленную особенно ярко Шафариком и категорически отвергаемую в XX в., в особенности, А. И. Соболевским. Главнейший недостаток гипотезы Шахматова в том, что он не видит качественной стороны изменения антов в русских, анты для него те же сла-

---

[1] Н. Я. Марр, «Бретонская нацменовская речь», изв. ГАИМК, т. VI, вып. I, 1930 г., стр. 4—5.

[2] Там же.

[3] А. А. Шахматов, «Введение в курс русского языка», стр. 17.

[4] А. А. Шахматов, «Древнейшие судьбы русского племени», Д, 1919, стр. 3 и др.

[5] «Введение в курс истории языка», стр. 25—26.

вяне. Следовательно, вопрос о происхождении славян опять-таки не решается. Шахматов защищает гипотезу «прародины». «Прародину» славян, так же как и всех «индоевропейцев», он помещает в бассейн Балтийского моря. С берегов Балтийского моря славяне двинулись в различные стороны, большая часть их двинулась в Средиземноморье, где существовала уже высокоразвитая культура, чуждая «индоевропейцам», которая ими была частью разрушена, частью «полонена». Шахматов не случайно выбрал бассейн Балтийского моря. Его привели к этой гипотезе исследования по сближению финнских языков с «индоевропейскими», проводимые, конечно, формально-сравнительным методом, из которых он сделал вывод о древнем их родстве и существовавшей когда-то «балтийско-славянской семье». После «распадения» русские не порывали связей с финнами. Русские или венеды жили в бассейне Балтийского моря, о чем свидетельствует, например, название этого моря у Птоломея — «Венедский залив», и это древнее название русских финны сохранили по сейчас (venä, venää, venäjä). К «балтийско-славянской семье» привлекаются и кельты. Так, «Волынь» германский Valhuni — страна волохов или кельтов. Отсюда герм. Valhos, нем. Walach, русск. «валух» и т. д.

Особенно много внимания уделил А. А. Шахматов происхождению русских наречий. Обычная схема русских наречий, в которые зачисляются языки белорусский и украинский, как она в основном сложилась еще у И. И. Срезневского, рисует общий русский «праязык», от которого с течением времени «уклонились» белорусское и «малорусское» «наречия». Шахматов же предполагает и в древности существование трех наречий, не менее обособленных друг от друга, чем в настоящее время. Эти три наречия соответствовали трем русским племенам или ветвям: северно-русская ветвь, средне-русская и южно-русская, которые «распались в до-историческое время».

«Современная группировка по трем русским народностям — великорусской, белорусской и малорусской — не соответствует древней и первоначальной группировке... малорусская группа цельнее, чем все остальные, сохранила свою связь с древней группой соответствующих ей говоров: южно-русская группа X—XI в. вполне представлена современной группой — малорусской. Точно так же цельно, но только одну часть древней группы средне-русских говоров, представляет современная белорусская группа. Менее всего соответствует древним группам — великорусская»[1]. В свою очередь южно-русская группа делится Шахматовым на две подгруппы: северную и южную. Такое деление он обусловливает географическим фактором, именно лесом и степью[2]. Средне-русская группа распадалась на западную и восточную. Западную подгруппу представляют собою в настоящее время белоруссы, а восточная слилась с северно-русской группой, в результате чего образовались современные великоруссы. Особенный интерес в гипотезе Шахматова представляет процесс слияния древних групп (а не обычного индоевропеистского «распадения») в IX—XI вв. н. э., прчиной которого явился новый рост торговых центров (Киева, Новгорода и др.). Происходило сглаживание диалектических особенностей, которые до этого были очень резки. Образовывался «общерусский племенной союз», целью которого было завоевание Юга. Нашествие кочевников поколебало этот союз, и он в XII в. распался. Слияние племен и диалектов прекратилось, начался

[1] К вопросу об образовании русских наречий, ЖМНИ, 1899 г., апрель, стр. 368.
[2] Цит. соч., стр. 352.

обратный процесс — раздробление. Нашествие татар вновь объединило раздробленные русские племена, но уже на основе новых группировок, именно: великоруссов, белоруссов и «малоруссов». Размеры статьи не позволяют дать подробную оценку гипотезы Шахматова, давшей для проблемы происхождения русского языка и его говоров много ценного и положительного. Здесь же отметим то, что формально-сравнительный метод так и не позволил ему выйти из узкого круга индоевропейских данных для причисления украинского и белорусского языков к «диалектам» русского языка. Он слишком большое место отводил внешним факторам, не учитывая внутреннего развития народностей на основе социально-экономических процессов. Шахматов не порывает с «этнологизмом», и творческое участие народностей не «индоевропейской семьи» в создании русских и русского языка им исключается.

Но и те достижения, которые были сделаны А. И. Соболевским и А. А. Шахматовым, усердно ликвидируются современными представителями индоевропеистики. Идею славяно-кельтских и финно-кельтских связей Шахматова «похоронил» индоевропеист Фасмер[1]. Д. К. Зеленин высказывается против какого бы то ни было участия финнов в образовании великорусской народности[2]. Даже обрусения финнов, по Зеленину, происходить не могло. Финны уходили от русских, гибли в болтах и боях, но «русским не сдавались». Обрусение возможно стало только в самое последнее время. Зеленин ратует за «чистоту» и «самобытность» русской народности (также и финской) не менее, чем какой-нибудь панславист конца XVIII и половины XIX столетия. Известная часть эпигонов индоевропеистики вовсе обходит вопрос молчанием, другая пытается весь центр тяжести переложить на заимствования[3], третья пытается оживить старые гипотезы о происхождении славян из бассейна Лабы, Одера, Вислы и Моравы, как это делает, например, проф. Любавский[4] и т. д.

Такова в кратких чертах история вопроса о происхождении русских и русского языка и взаимоотношений этого языка с языками других народностей в начальную эпоху его развития. Бесспорно, что историческое развитие науки подготовило громадный фактический материал, явилось необходимым звеном для дальнейших исследований на новой методологической базе, но общий вывод таков: вопрос о происхождении русскго языка, о действительном взаимоотношении его с другими языками вовсе не ставился. Русские, как какое-то «единство по крови» или «этническое объединение», или «самобытная культурная группа» и пр. в конечном счете всеми исследователями до нового учения о языке мыслились, как уже данные в истории. Речь могла итти только о механических «смешениях», «влияниях» и «заимствованиях». Даже в том случае, когда русские, resp. славяне, выводились из других племен (скифов, кельтов и пр.), то эти племена мыслились по своей культуре и языку адэкватными позднейшим русским. Видели лишь количественное изменение, устанавливали хронологическую «историю». Если все вышеразобранные взгляды довести

[1] См. об этом Н. Я. Марр, «Бретонская нацменовская речь», стр. 4—5.

[2] «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности?» Сборн. ЛОИКФУН, т. I, Л., 1929 г.

[3] См., напр., работу А. В. Миртова «К истории консонантизма донских диалектов», Ростов Дон, 1928.

[4] «История западных славян», М., 1918 г.

до логического конца, то они с неизбежностью приводят и к мифическому «праязыку» не как к «рабочей гипотезе»[1], а как к реально существовавшей языковой единице.

Новое учение о языке не отрицает, конечно, существования в прошлом этнических групп и объединений национальностей в настоящее время, но оно на основании исследований громадного комплексного материала показывает, что эти категории не извечны, а историчны. В основе развития любой этнической группы лежат социально-экономические изменения. Русских и русского языка, resp. славян, до разложения родового строя вообще не существовало ни на территории Восточной Европы, ни на какой-либо мнимой «прародине». По показаниям классиков древности на территории Восточной Европы был какой-то калейдоскоп племен, которые то появлялись, то исчезали. Эти племена «ни откуда не приходили» (хотя, конечно, миграция существовала), они также и не исчезали бесследно. Неравномерность исторического процесса создавала, по социально-экономической общности и разности, различные объединения и группировки местных же племен, которые во внутреннем взаимодействии перерабатывали свой язык — получали новые названия; эти группировки распадались и создавались новые и т. д., откуда и получалось впечатление «калейдоскопа» у наблюдателей со стороны[2]. В связи с разложением родового строя и возникновением феодализма в Восточной Европе из местных племен начали создаваться новые, более устойчивые группы племен, языки которых все более и более сближались друг с другом, в конце-концов создавая более или менее общий язык. В этом процессе сформировались русские, славяне, финны, средневолжские народности и др. с их языками. Формирование русских и русского языка — процесс качественного изменения местных племен, ранее ничего общего может быть друг с другом не имевших. Племена входили в состав русского образования, изменяя свои языки соответственно новым условиям, позднее даже забывая свою когда-то особую историю.

Процесс образования русских, как говорят материалы, вскрытые новым учением о языке, происходил не в одной точке, а во многих местах Восточной Европы. В этом процессе приняли участие племена, которые другими своими слоями вошли в состав других народностей (финнов, татар, чуваш и т. д.). Отсюда новое учение о языке делает вывод, что между русским языком и языками многих других национальностей Союза имеется историческая общность; генетически они переплетаются между собою в предшествовавшей стадии развития. В русском языке вскрываются целые слои, общие с языком, скажем, чуваш, финнов, грузин, осетин и т. д., и эти слои не есть факт «смешения» или «заимствования», они свидетельствуют о социальной общности племен на известном отрезке истории, племен, вошедших в позднейшие народности. Тем самым разрушается легенда о «самобытности», «чистоте этнического состава» той или иной народности. В этом большая заслуга нового учения о языке; новое учение открывает невиданные доселе перспективы не только для лингвистики, но и для целого ряда общественных наук. Новое учение о языке вскрывает лженаучность любой «теории» «обособленн сти» или «о

[1] Стыдливая увертка позднейших индоевропеистов.

[2] Оставляем в стороне также распространенное явление, когда одно и то же племя имело у различных народностей (да и у самого данного племени) несколько названий.

природных преимуществах» той или другой национальности, тем самым оно направлено как против местного национализма, так и против великодержавного шовинизма и является новым доказательством правильности ленинско-сталинской национальной политики. Таким образом, как будто бы чересчур академическая и далекая от социалистического строительства проблема оказывается весьма актуальной и современной, не говоря уже о том, что без разработки этой проблемы нельзя правильно разрешать злободневные вопросы нашего языкового строительства.

2.

1. Привлечение материалов русского языка в исследовании Н. Я. Марром тех или иных проблем совпадает с переломным этапом в развитии нового учения о языке, тогда «яфетической теории» — решительным разрывом с буржуазным языкознанием и переходом на материалистические рельсы. Первой работой, в которой Н. Я. Марр касается вопросов русского языка, является небольшая его заметка под заглавием «О вкладе христианского Востока в древне-русское искусство» [1], хотя привлечение отдельных слов русского языка имело место и раньше. Немного позже, начиная со статьи «К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги» [2], материалы русского языка начинают привлекаться в более широком масштабе. Появляются такие работы, как «Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении» [3]. «Термины из абхазо-русских этнических связей» [4], «Из яфетических пережитков в русском языке» [5], «По поводу русского слова «сало» [6], «Чуваши-яфетиды на Волге» [7] и мн. другие.

Известно, что яфетическая теория не сразу преодолела традиции буржуазного языкознания, поэтому и в этих исследованиях по русскому языку эти традиции еще во многом сказывались. Основной упор был на следующее: 1) в каких взаимоотношениях находится русский язык с языками «яфетической семьи»; 2) определение «яфетидизмов» в русской речи, как пережитков, указывающих на яфетическое происхождение русского языка и русских. К этому времени общее развитие яфетической теории привело к тому, что «яфетическая семья» была признана по своей структуре более древней, чем «индоевропейская семья», причем яфетические языки предшествовали «индоевропейским». Огонь был направлен против легенды о «чистоте этно-культурного состава» русских, resp. славян. Связи русского языка с яфетическими рассматривались не в плоскости влияний и заимствований, но в разрезе процесса скрещения; яфетиды трактовались как активная творческая сила в оформлении «позднее пришедших» европейцев. «В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования; оно послужило в процессе нарождения новых экономических условий,

---

[1] Христ. Восток, т. V, стр. 221—222, 1917 г.
[2] ЗВО, т. XXV, 1921 г., стр. 301—1336.
[3] Изв. ГАИМК, т. III, 1924 г., стр. 257—287.
[4] Изд. Наркомпроса Абхазии, Л., 1924 г.
[5] Докл. Ак. наук, 1924 г., стр. 65—67.
[6] ТРФК, 1925 г., т. I, стр. 66—125.
[7] Чебоксары, 1926 г.

выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения фактором образования и русских (славян), и финнов»[1]. До 1925 г. и даже в некоторых работах позже эти взаимоотношения понимались еще в смысле связи «этно-культурных единиц», индоевропейцы откуда-то приходят и, сталкиваясь с яфетидами, в процессе скрещения дают новые этнические образования. Эта «этно-генетическая» точка зрения затем была преодолена, и Н. Я. Марр отказался от гипотезы «семей». «Индоевропейцы» или прометеиды суть не что иное, как новое качественное образование из тех же яфетических племен, возникшее на основе изменений социально-экономических условий. Устанавливается, что русская история не начинается с русских, она уходит своими корнями в до-русские племенные образования. Путем палеонтологического анализа стали вскрываться элементы, общие между русским языком и яфетическими. В топонимике Восточной Европы, в словаре, в памятниках материальной культуры, мифах и преданиях вскрылись отложения яфетических племенных названий. На первых этапах исследования шли, главным образом, по линии констатирования связей между русскими и яфетидами. Возьмем, как пример, русский термин «вино». Сопоставлялись мегр. — чанск. ǧwin- груз. ǧwino, русск. «вино». Окончание «о» ← or||al, что доказывается сванск. ǧwin-al. Сюда же привлекались удинск. bin-e—«виноградник», «сад», мегр. bineq-i—«виноградная лоза», «виноградник», армянск. gin—i—«вино». Этот же термин наличествует и в других «индоевропейских языках», помимо русского, напр. греч. oinos—«вино» и лат. vinum. Широкое употребление этого термина в яфетических языках дает основание Н. Я. Марру утверждать, что этот термин яфетический и в русском он является вкладом (но не заимствованием) этих языков[2]. Вскрывались племенные названия в различных словах обиходного языка, прежде тотемистические. Широко распространенный термин hon-e ←← kon-e (русск. «конь»), «конь» трактовался как спирантная разновидность племенного названия «сван» (son собств. шon||san), термина яфетического, также связанного с термином, «гунн»[3].

Техническая сторона исследования опиралась еще на формально-палеонтологический метод, поэтому разъяснения этого периода впоследствии подвергались значительной переработке, а иногда анализ производился заново. Также принадлежность многих племенных образований древности, с которыми сопоставляются материалы русского языка, к яфетическим народностям первоначально принималась гипотетически. «Разъяснение поставленного в задании вопроса гипотетическое. Об яфетическом происхождении термина etrusk речь может быть только в том случае, если не только этруски были яфетиды, но и соседившие с ними народности, хотя бы еще один из них... Естественно, никакое яфетическое племенное название не могло возникнуть в среде ариоевропейцев»[4]. И далее: «В исходе термина etrus-k мы имеем этот же показатель множественности, если вообще имеем дело, как то предполагается, с яфетическим материалом[5]. «Этруски», «пеласги» и многие другие племенные названия древности, бесспорно до-индоевропейские, априорно относились Н. Я. Марром на этом этапе к «яфетической семье», поскольку именно она составляла первоначальное расселение Европы, «первич-

---

[1] «Приволжские и соседящие с ними народности», ИАН, 1925 г., стр. 696.

[2] «К вопросу о происхожд. племенных названий «этруски» и «пеласги», 1921 г.

[3] «К вопросу об яфетидизмах в германских языках», ЯС, 1, 1922 г.

[4] «К вопросу о происхождении племенных назв. «этруски» и «пеласги», стр. 311.

[5] Там же, стр. 314.

ный Средиземноморский этнический субстрат». Как было сказано выше, это было переходное время яфетической теории. Но хотя она была еще в старой «этнологической» скорлупе, внутреннее ее содержание — палеонтологический метод уже достаточно окреп, чтобы позволить ей в общих суммарных чертах набросать яфетическую «подпочву» русского языка и русской народности. Выявилось много вкладов скифов, этрусков, пеласгов и др. племен в названиях русских городов, рек, гор и морей, в словаре и пр. Правда, эти факты лишь сопоставлялись без каких-либо решающих выводов по конкретным вопросам формирования русского языка, но такие сопоставления говорили сами за себя — нельзя уже было, без того, чтобы не отступить от подлинной науки, свернуть на обычную дорогу «заимствований» и «влияний». Особенно большое значение в этот период уделялось скифской проблеме. Со скифами связаны различные социальные группировки и племенные образования на значительной части территории Восточной Европы и в довольно продолжительный период (с ними связаны, напр., как неразлучные их двойники, кимеры). От скифов остались многочисленные памятники материальной культуры, имеется много сообщений древних и т д. Скифы не были «стерты с лица земли». Некоторые их слои «иранизировались», известная же часть трансформировалась в прометеидов, в частности в русских. В исследовании «Книжная легенда о происхождении Киева на Руси и Куара в Армении» Н. Я. Марр прослеживает скифский вклад в строительство русских городов, также и армянских. Названия «Киев», как и «славяне», трактуются им в своем происхождении как скифские[1].

2. До 1924 г. Н. Я Марр еще придерживался гипотезы «прародины» русских, которую он помещал в бассейн Черного и Каспийского морей[2]. Эта «прародина» связана с его общей гипотезой о «прародине» всего человечества в Средиземном море. Несколько позже у него выявилась новая точка зрения, которая характеризовела уже не «этнологический», а материалистический подход к вопросу о генезисе русского языка. «Если мы вынуждены отказаться от мысли, что какое-либо племя явилось откуда-то с готовым уже вполне сложившимся русским языком в пределах известности русской речи за исторические эпохи, то нет основания и для того, чтобы русскую, специально великорусскую речь производить из района скифской оседлости, т. е. северного побережья Черного моря»[3]. Многочисленные факты связей русского языка с приволжскими народностями, в частности с чувашами, связи еще «яфетической стадии» (а не заимствования), показали, что процесс образования русских происходили не только на юге России, но и в Волжско- камском бассейне и некоторых других районах Восточной Европы. Руские ниоткуда не приходили, они «автохтоны» Восточной Европы в том смысле, что образовались из местных же, предполагается, яфетических племен. Отсюда перед яфетической теорией стали новые задачи исследования генезиса русского языка. Наметились конкретные связи с различными языками яфетической системы. Эти связи можно классифицировать как связи трех родов: 1) с яфетическими языками, уже трансформировавшимися в прометеидские или какие-либо другие и в настоящее время уже не существующими; 2) с живыми яфетическими языками, носители которых принимали непо-

[1] Впоследствии «Киев» выяснился как имерский термин.
[2] «Книжная легенда», стр. 285 и др.
[3] «Чуваши-яфетиды на Волге», Чебоксары, 1926, стр. 28.

средственное участие в создании русской народности и русского языка в определенных социально-экономических условиях; 3) с языками уже неяфетическими, но бывшими яфетическими и сохранившими в себе общие с русским языком слои. Из связей первого порядка первенствующее полжение попрежнему занимает скифо-кимерская группировка. Н. Я. Марр в работе «Готское слово ĝuma «муж» (1930) г. писал, что, «исходя из необлыжных данных палеонтологии звуковой речи», нельзя обходить ни скифов, ни кимеров, иначе «не понять ни начал, ни общественной природы народов, входящих в состав населения Восточной Европы» (стр. 458). Скифы, а, следовательно, и кимеры сыграли такую же творческую роль в образовании народностей Восточной Европы, как и кельты на Западе[1]. К этой же группировке необходимо отнести и сарматов или савраматов, тех же сал-иберов, что и скифы. Вся античная литература считает сарматов сородичами скифов[2]. Вначале Н. Я. Марр понимал под скифами, кимерами и сарматами какие-то в конце концов цельные этнические единицы «сал-берского образования», затем он стал их рассматривать как однородные социальные группировки, изменяющиеся в своем историческом развитии. С разложением родового строя эти группировки, представляющие собою множество племен, вошли в новые образования, в частности русское, resp славянское объединение, с изжитием «скифизма» и пр. Самый термин «славянин», одного порядка с «Киев», армянами «куар» является вкладом кимеров. Встает вопрос и о «кривичах», которые являются племенем с тем же кимерским названием, как, напр., и «Кремль» — kremle — kremel с полногласием keremel. «Кремль» обозначало «город», именно «скифский или кимерский город» первоначально же собственно племенное название скифов-кимеров, когда еще не имелось противопоставления города и деревни, обозначавшее «стоянкv», территорию коллектива, также и самый коллектив, о чем свидетельствует грузинский kar — «двор» (земледельческий, позже усадебный и постоялый), сирийский kir-y-ad «город», но и «селение» вообще, русский «край» и т. д. Впоследствии этот термин специализировался, в частности, для названия «города» (русск. «город», «град», др. русск. «кур», kert, karka, galag, karda и т. п.). Разновидности того же термина имеются в топонимике Восточной Европы в большом количестве: «Керчь», «Корчева», «Кромы», «Курск» и др.

Скифский вклад наличен и в других народностях Вост. Европы. Так, «в названии зырян мы имеем одну из разновидностей названия скифов, а в национальном названии их города, да реки sək-təv отложение другой разновидности названия тех же скифов — саков»[3]. Это переносит нас опять к названиям русских городов, именно многочисленным их окончаниям tov ∨ kov, что означало первоначально племенное название, «селение» вообще, потом «город». Города с окончанием tov∨kov как Mos-kov, Ros-tov, Sara-tov, Ps-kov (Pleskov) и др. встречаются повсеместно. tov ∨ kov и теперь наличествует в племенном, resp национальном названии одной из приволжских народностей, именно чуваш. Разновидность того же термина была использована и для обозначения сельских поселений, что мы имеем в русск., sel-o («село»), der-e-ven-e («деревня»), родительный падеж «деревень». Тем самым отпадает этимологизирование «древлян», по которому это племя будто бы получило свое название от «деревь-

[1] «Скифский язык», ПЭРЯТ, стр. 342, «In tempore ulutorum», ДАН, 1928 г., стр. 324—325 и др.

[2] М. Ростовцев, «Скифия и Боспор», стр. 108—109 и др.

[3] «Отчет о лингвистической поездке к вод.-камским народностям», ИАН, 1926 г.

ев»: «Древляне» — племенной термин того же типа, что и «чуваш». Вероятно, сюда же относятся и «дреговичи». Разновидности этого скифо-кимерского термина использованы такие и для обозначения «собственности», «имущества». В русских летописях имеется название золота kolot; немецк. gold ← kolt, тоже русск. kolot \/ solot — «золото», чув. əltan из ultan. Груз. kolt — «стадо», арм. koyt — «стадо», «куча», чув. kétü — «стадо» и kétes — «пасти», марийск. kütö, равно kēto — «стадо» и kētaш — «пасти», русск. «скот» не только в значении «скота», но и «имущества», «денег». Эти названия суть разновидности термина skuϑa и skolot.

Племенное названte скифов также бросает свет на загадочную «чудь», упоминаемую в русских летописях (skuϑa—skud—ϑud). Оно наличествует в составе национального названия вотяков ud+mur+t (ud — dud)[1]. Тот же термин имеется в названии готов[2], также в названии легендарных племен — «гоги» и «магоги». Скифо-кимерская группировка имеет вклад в русском языке и по другим линиям: 1) название животных («собака», «комонь» и др.); 2) социальные и культурные названия («смерд», «кумир» и т. д.); 3) социально-производственные: самое понятие «силы» и связанного с ней «хозяйства», «принадлежности», «власти», resp. «руки», именно «мочь» восходить к одной из скифских социальных группировок[3]; 4) бытовые; так, у Геродота есть сведения, записанные им от скифов о племени Arimaspa. Последний элем. spu || spa значит «глаз». Это spu мы находим в русск. «спать», — «закрывать глаза», буквально «глазить». Самое spu || sup есть племенное название субаров-шумеров, входящих в скифо-кимерскую группировку, от себя заметим, что скифское название Черного моря tam, по справедливому мнению А. И. Соболевского[4], связано с рядом русских слов с основой «тьма». По палеонтологии речи известно, что «море», «вода» связаны с 'небом', именно 'нижним', 'ночью', 'тьмою'. Русск. «темь» — «тьма» есть экающая разновидность скифского tam «море», resp, 'небо нижнее', а также по противоположности и 'небо верхнее', что сохранилось (микрокосмически) в русск. «темя».

Приведенные выше примеры составляют лишь ничтожную часть материала, проанализированную новым учением о языке. Факт преемственности русскими скифо-кимерской культуры, языка и проч. несомненен. Возникает трудность лишь в том, принимали ли участие скифо-кимерские племена в образованиях русской народности непосредственно или они трансформировались сначала в какое-то другое, предшествующее русскому образование. Эта проблема не разрешена еще, как и многие другие проблемы, связанные с данным вопросом, но важно было «сломать лед» и наметить пути. Отметим попутно также и то, что по скифо-кимерскому вопросу у Н. Я. Марра имеются различные точки зрения, иногда противоположные друг другу, смотря по тому, на каком этапе развития языка они высказаны. Размеры статьи не позволяют здесь показать изменение его выводов в исследовании как данной проблемы, так и других, о которых здесь говорится. Поэтому приходится ограничиваться лишь указанием тенденции этих изменений.

---

[1] «Родная речь как могучий рычаг культурного подъема», 1930 г., стр. 28—29 и 46.

[2] «Готское слово guma «муж», стр. 457.

[3] «Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык». Л., 1928, стр. 22.

[4] «Русско-скифские этюды», ИОРЯС, т. XXVI, стр. 39.

Наряду со скифо-кимерской проблемой значительное внимание Н. Я Марр уделил проблеме так называемого рошского элемента в русском языке и др. языках Восточной Европы. Наличие элемента «D» в терминах звуковой речи представляет особый интерес по вопросу о роли социальной группировки, первично не только по модальности оформления, но и по существу материала, по выбору этого лингвистического элемента, так называемого рошского племенного названия. Имеет ли использование этого звукового комплекса связь с легендой о появлении руссов в историческую эпоху или нет, это дело будущих изысканий историков, способных учитывать перспективы, вскрываемые палеонтологией речи, и готовых вести с ними комплексные изыскания, но пока что мы можем утверждать, что элемент «D» увязывает «до-славян» неразрывными узами с яфетическими народами, ныне и с незапамятных исторических времен пребывающими на Кавказе, равно и с теми языками переходной или промежуточной гибридной системы, армянским на Востоке и кельтским ныне лишь на Западе, степень близости которых не вообще со славянскими, но, в частности, с каждым из них, это ближайшая очередная исследовательская задача, как смеем думать, не для одних яфетидологов[1]. Ранее Н. Я. Марр писал по этому же вопросу, что «русское, resp., пелатское или этрусское племенное образование есть не привилегия того или иного района Восточной Европы, а повсеместное явление до-исторических эпох в связи с повсеместными расселением всех яфетических племен... Потому-то, оформлявшаяся на той же территории русская речь полна этрусцизмов в составе наиболее природных коренных русских слов»[2]. Первоначальный взгляд Н. Я. Марра сводился к тому, что роши были особой «этнической единицей», входящей в состав «яфетической семьи». Самые выявления рошских элементов в живых языках Восточной Европы опирались, главным образом, на племенные названия (этрусков, пеласгов и др. народов древности). Поскольку «роши» трактовались как этническое образование в рамках «семьи», то не возникало трудностей в определении их отличительных особенностей, по сравнению с другими яфетическими племенными группами. Но такая постановка вопроса была чересчур абстрактной и не выходила еще из рамок «этнологизма». Дальнейшие исследования поставили на повестку дня более конкретные вопросы: кто такие были «роши» в их историческом развитии, каков был их общественно-экономический уклад, чем они отличались от других племен древности? В поисках ответов на эти вопросы (вместе с отходом от «этнологизма») пришлось отказаться от «рошей», также «салов», «беров» и «ионов», как реально-исторических племенных образований. Рошский элемент (как и другие элементы) оказался определенным слоем в языках племен родового общества Восточной Европы, общим для всех этих племен, а эта общность — продукт исторических взаимоотношений. С образованием русских, финнов, грузин и т. д. рошский слой вошел в языки этих народностей, конечно, с соответствующей трансформацией. Выше уже было указано, какое значение придает Н. Я. Марр рошскому элементу при анализе русского языка. Самое национальное название русских — «Русь», «Россия», «русский» — есть вклад рошского социального слоя. Этот элемент наличествует во многих русских словах. Сюда относятся:

---

[1] «Яфетические зори на украинском хуторе», М., 1930, стр. 60.
[2] «Из переживаний доисторического населения Европы», 1925 г., стр. 18.

1) термины хозяйственные и социальные: «лошадь», слово, отличающее русский язык от других славянских и роднящее его с абхазским (а-lаша), чувашским (lаsа — 'мерин'), марийским (аlаша — 'мерин') и др. Это слово имеет «приниженную» семантику, является более народным по сравнению с «конем», использованным господствующим слоем — «прометеидским» в позднейшую эпоху, когда происходит образование русской народности. Между «конем» и «лошадью» происходила борьба, которая сигнализировала борьбу вновь возникших «прометеидских» слоев, господствующих, с еще массовым «яфетическим» населением. Тот же элемент мы находим в слове «крестьянин» (k-res), также выражавшем массовое трудовое население. Сюда же относятся и другие термины того же социального порядка, как «ра-б» (элементы «Д»), «ра-бо-та», в экающей огласовке «ре-ме-с-ло» и целый ряд других слов, связанных с этими терминами. Другой рошский термин, обозначавший 'собаку', как и «лошадь», выдержал борьбу с «собакой» и сохранился лишь в побочном значении, и именно в глаголе «лаять», существительный «лай», resp. 'собака', что связано с абхазским а-lá — 'собака', грузинским др. — литер. le-ku 'щенок', армянским lákot 'щенок', чанским la-k, la-t 'собака'. По линии средств передвижения рошский элемент «отложился» в термине «лось», resp. «олень»[1] и др.[2],

2) термины космические: сюда относятся такие много раз разъясняемые слова, как «радуга», «рок», «луна», «луч», «лес, «река», «ручей», «роса» (буквально 'вода небо') и т. д., также микрокосмические, как «глаз» (k-las), «рот» ('утренняя заря') и термины, связанные при космическом мышлении с восходом и заходом солнца, — «рождать», «расти» и многие другие. Рошский элемент внес в русский язык такое характерное для «яфетической стадии» переживание, как семантический ряд «рука+женщина+вода», в словах «рука», «ручей», «руслака», «русло» и пр.

3) Термины родства русский „дочь" и его разновидности восходят к (рош — риш, в рутульском, что восстанавливается благодаря чэш (р ⟋ чиш) — 'дочь', то же и в некоторых других северо-кавказских языках, в которых оказались их закономерные эквиваленты. Сюда же относятся „ребенок", „от-ро-к", „ро-вес-ник" и др. Наличествует элемент „Д" и в надстрочных понятиях: „Равным образом, когда по-русски „речь", „изрекать", „говорить" имеет в основе рошский элемент, т. е. элемент 'Д' — re как в сванском re — q̇w 'он сказал' то 'речь', как язык, здесь также восходит к 'руке' и в сванском и в русском — рошскому элементу (Д)[2]. С 'речью' связано „имя", где первый элемент - ⟋ ri v ru обозначая 'рука', „рис-унок", „рис-овать" и многое другое.

Для выяснения образования русской народности представляют особый интерес некоторые племена, населявшие ранее Восточную Европу, как, например, невры, будины, асы или языги и связанные с ними роксоланы и др. Для примера остановимся здесь на роксоланах и языгах. Птоломей помещает роксолан и языгов на юге Восточной Европы, также и севернее, в районе реки Волги, и западнее, вплоть до Венгрии. Следы языгов или ясов в Венгрии сохранились в многочисленных племенных названиях, как Iásrág, Iazygia и т. д. Они разбросаны буквально по всей Восточной Европе. Так, селение «Ясинов» и в восточной Галиции, «Ясиньчик» в Польше, «Ясиновка» близ Киева и мн. др. Языги жили чуть ли не до нашего времени. В

---

[1] Готское слово Gutn «муж», стр. 452.
[2] «К этрусцизму индоевропейского термина «дочь», ДАН. 1925 г.
[3] «Яфетическая теория», Баку, 1928, стр. 96.

Приляшье (Польша) языги засвидетельствованы в X в. н. э. (по русским летописям «ятвязи», «ятвези», «ятвѣзѣ»). В XVI в. языги имелись в небольшом количестве в Польше и на Руси, сохранившие свой язык. В XIII в. они жили частью в деревнях, частью в повозках, которые русскими назывались «колымагами». Эти остатки языгов стоят в теснейшей связи с ясами или осами русских летописей, ясами уже причерноморскими и кавказскими, ранее известными под названием аланов или роксоланов. Особую известность получила группировка роксолан или осов, располагавшаяся в Причерноморье и в бассейне между Доном и Волгой. Древний персидский писатель Фердоуси свидетельствует, что аланы еще в глубокой древности обитали в северной части Парепамиса. Аммиан связывает алан с массаретами, считая, что последние были их предками. Военные походы алан упоминаются в китайских летописях около 20-х гг. н. э. В грузинской истории аланы упоминаются под именем осов в 87 г. н. э. Прокопий указывает их территорию на Кавказе, в Албании [1]. Замечательно, что все показания древних отожествляют алан с роксоланами, а, кроме того, и те и другие связывают с ясами или языгами. Это была группировка социально-близких друг к другу «яфетических племен». Кроме письменных показаний об этих племенах имеются упоминания в народном эпосе. Так, об асах упоминают скандинавские саги, которые помещают их в бассейн Дона. Саги относят к асам возникновение волхования, ясно указывая на существование у них культа солнца. В булгарском описании народов асы или ясы приравниваются к «оленю» [2], который заменяет у них распространенный у других яфетических племен культ 'солнца-лошади' или 'солнца-собаки'. Культ солнца асов или ясов имеет свои следы в русск. «ясно», «ясен», польском «jasność» — 'свет', resp. 'солнце' ← 'небо' а также «осень», resp. «год»; русск. «ясень», немецкий «die Esche», вероятно, культовое дерево, связанное с культом солнца. Самое слово «язык» в прошлом было племенным названием языгов (русский «язык» обозначает и 'народ', 'племя') [3], что свидетельствует о несомненном активном участии языков в образовании русской народности. Не случайно, что теперешнее национальное название «русский» имеет в своей основе рошский элемент: языги вложили свое племенное название в русское слово «язык», в этом же плане рошский элемент племенного названия роксолан, тесно связываемых с языгами, имеет для нас большое значение в объяснении термина «Русь», «русский» [4]. Дальнейшая задача исследования в этом направлении состоит в том, чтобы выявить более точно историческое место племен Восточной Европы, предшествовавших русским, вскрыть связи хозяйства, культуры и языка русской народности с этими племенами, также проследить, что дали эти племена для образования других позднейших народностей (чуваш, финнов, марийцев и т. д., особенно же украинцев и белоруссов).

3. Из связей второго и третьего рода особенное внимание было уделено Н. Я. Марром взаимоотношениям русского языка с живыми приволжскими и кавказскими яфетическими языками. Оказалось, что

---

[1] П. Шафарик, «Славянские древности», 1837 г., стр. 295—300.

[2] Там же, стр. 304.

[3] См. об этом Н. Я. Марр, «Язык и современность», Л., 1932 г., стр. 24—25.

[4] Принадлежность термина «яс», «ас» к рошскому элементу — мое личное мнение, которое основывается на постоянной тесной связи асов с роксоланами, рошами, также частой замены (в исторических свидетельствах) одного термина другим. Н. Я. Марр относит данный термин («ас», «яс») к сокращению АС.

русский и другие языки Восточной Европы имеют много общих слов, в особенности в лексике, унаследованных ими не в порядке „влияний“ и „заимствований“, а из исторической общности племен, определенные слои которых образовали впоследствии как русскую, так и другие современные народности resp. национальности. Из языков приволжских народностей особенное внимание было уделено чувашскому[1]. Чувашский язык оказался во многих отношениях „яфетическим“, в некоторых своих элементах стадиально предшествующим русскому. Первоначально слои, общие в русском и чувашском, Н. Я. Марр принимал за „чувашизм“, иначе говоря, предполагалось, что чувашский язык „яфетический“ по своему составу, следовательно он сохранился в более или менее цельном виде от эпохи, когда „выкристаллизовывалась“ русская народность, и принимал непосредственное участие в образовании русского языка. Подчеркивался факт „наличия подлинных чувашизмов, не говоря о турецком, даже в русской речи в ошеломляющем количестве“[2]. И далее: „Чувашский язык, надо думать, одно время был орудием обещания территориально широко раскинутого населения в составе различных племенных образований[3]“, занимавшего обширный суздальско-волжско-камский район и прилегающие к нему местности, один из важнейших центров образования великоруссов. Эта точка зрения не выходила еще за рамки „этнологизма“. Впоследствии возникла необходимость по-новому осветить общность русского и чувашского: чувашский язык не предшествовал русскому; и русские, и чуваши в известных своих слоях образовались из предшествовавших им обоим и отличных от них социально-племенных группировок Вол-Камья. Особенно большое значение для конкретно-исторического разрешения этого вопроса имеют хозарский и болгарский племенные союзы. Самое национальное название чувашей ϑ̣əwaш (←ϑ̣uvaш) есть разновидность suvar или subar и имеет в себе те же элементы, что и bolgar и hazar, и вхождение чуваш в булгарско-хозарское объединение не было каким-либо чужеродным. А в недрах хозарского объединения были и русы, также асы, аланы и др. племена, имевшие непосредственное отношение к позднейшим русским. Второй элемент термина ϑ̣əvaш, именно vaш мы находим в названии племени, занимавшего территорию центральной России, именно мосхов (^{s}h || ш, mosh ← mo^{s}h || vaц) или мохов, resp. mesq̇'ов; племенное название мосхов отложилось в названии нашей столицы „Москва“. Общность чувашского с русским налична не только в словаре, но и в других явлениях языка, включая и фонетику. Так, „скрещенность норм окания в русском не славянское или русское новообразование, а наследственное от его доистории явление, . . . оно унаследовано им в основе от определенного яфетического языка, т. е. до-исторического языка, вошедшего мощным творческим слоем в русскую речь в процессе окончательного формирования. Но какого? Едва ли находящегося ныне и с давних, еще до-исторических эпох на Кавказе сванского языка, имеющего этот двуприродный экающе-окающий или спирантно-шипящий характер. Мы могли бы остановить свой выбор на скифском, который, будучи по всем признакам в основе яфетическим языком шипящей группы, след., окающим (об этом красноречиво говорит уже одно

---

[1] См. о взаимоотношениях русского с чувашским в работах Н. Я. Марра, «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике», Чеб., 1926 г. «Чуваши-яфетиды на Волге», Чеб. 1926 г., «Родная речь как могучий рычаг культурного подъема», Л., 1930 г., и др.

[2] «Чуваши-яфетиды», стр. 64.

[3] Там же, стр. 32.

национальное название — „сколот"), мог вмещать в себе элементы и спирантной группы с эканьем... С другой стороны, скрещенную природу шипяще-спирантной и соответствующее оканье с эканьем проявляют такие казавшиеся раньше вовсе изолированными языки, как языки Армении, особенно др.-лит. язык Армении, и баскский язык, оба проявляющие в определенных своих слоях поразительную близость с чувашским языком... И чувашский язык, в результате яфетидологического анализа, действительно обнаруживает скрещенную природу шипящей со спирантной и в связи с этим — экания с оканием... Но при естественно возникающем вопросе, какой же конкретно из перечисленных яфетических языков был непосредственно источником указанной скрещенности, за которой должны следовать и другие особенности, понятно, нет смысла бросаться ни на армянский, хотя бы на него яфетический субстрат, ни на баскский язык, как не было бы оправдания цепляться непосредственно за далеких по времени скифов или сколотов и кимеров, игнорируя время, отделяющее их от эпохи русской этногонии. Нет иного нормального выхода, как остановить первое и основное свое внимание на непосредственно соседящих и хронологически (но в то же время пережиточно архаичных) и пространственно чувашей"[1]. В позднейшей интерпретации общность фонетических норм русского с чувашским представляется не как вклад чувашского в русский, но как продукт их генетической общности, о чем сказано выше. Та же общность особенно ярко проявляется в словаре. Приведу здесь несколько примеров из того многочисленного количества фактов, которые были проанализированы новым учением о языке. Так, чуваш. solə←→sulə 'браслет', 'запястье', буквально, 'наручник' (solağay←→sulağay 'левый'← 'рука левая'). Это чувашское слово, обозначавшее 'руку' следовательно и 'коллектив' и его 'деятельность', 'мощь, имеет свою разновидность в русском „сила", а в окающей огласовке (также, как и в чувашском), в русском „по-сул-а", „по-сул-ить", от понятий 'брать', 'дать', восходящих к 'руке', также „по-сыл-ка", „по-сыл-ать". Общеизвестно, что термины техники звуковой речи получили свои функции от техники ручного языка. По этому положению название уха восходит к названию глаза, обозначение языка к обозначению руки и т. д. И чув. solə←→sulə 'браслет' resp. 'рука' неразрывно связано с русск. „слышать", буквально в понятии ручной речи 'воспринимать через руку', „слу-х", „слы-ть", „сла-ва", да и само „сло-во" (sol ←→ sul ∾ || ↘ slu-slы-sla-slo). Но это же было и название коллектива. „Слово", как и „язык", значило 'народ', 'племя'. Как противоположность „слуху", resp. 'глазу' имеем в экающей огласовке „слепой", также и „глу-хой" („слух" V „глух").

Чувашское национальное название ʤəvаш дает объяснение русским терминам „товар" и „товарищ", обычно этимологизируемым индоевропеистами, как заимствование из турецких языков. Слово „товар" обозначало не только 'деньги', 'скот', но и все имущество, причем это слово восходит к общественной собственности, следовательно, оно обозначало не имущество отдельного лица, а собственность всего коллектива, это же слово, естественно, служило и как самоназвание коллектива, впоследствии племенное и национальное название. Русск. to-var← ʤə-vаш. Тот же источник имеет и русское „товарищ" — 'член коллектива', 'один из коллектива'[1]. „Товар" и „товарищ" генетически восходят к

---

[1] „Чуваши-яфетиды", стр. 26—28 и 33.
[2] См. „Родная речь", Чуваши-яфетиды" и др. работы.

одному источнику, но совершенно неверна этимология индоевропеистов, производящая второй термин от первого. Здесь необходимо отметить также и то, что формирование русского языка из слоев, приобщающих его к чувашскому, шло не в порядке механических „вкладов" в него различных языков „яфетических племен". Все эти „вклады" преобразовались и качественно изменялись соответственно новому мышлению, и, в конечном счете, социально-экономическому строю. Так, чувашский Tor-ə ←→ Tur-ə „бог". Для до-русских это также было названием 'божественного существа' языческих верований. Впоследствии, вместе с возникновением русского государства и насаждением новой религии — христианства, это слово получило значение, прямо противоположное чувашскому Tor-ə именно в означении „дурь" (↙dur-e). В русском языке имеются „вклады" общего с чувашским слоя и по линии другого типа терминов. Чувашские ϑəmər-d-as — 'сжимать', 'тискать', также и 'округлить'; ϑəmer 'кулак', но и 'круг'; 'круг' ←→ 'шар' → 'яйцо'; чуваш. səmarda 'яйцо'; груз. эквив. k + ver-ϑy 'яйцо'; 'круг' ←→ 'шар' ← 'небо'; s,əmər ← s,omor спирантн. komor ак. Kamar — в яфетических языках 'арка', 'небесный свод' и прямо 'небо' (грузинск. сванск.). Общеизвестно, что множество строительных и жилищных терминов идет от представлений о 'небе' и его дериватах. В круг яфет. kamar, komor входит руск. „комора", уменьш. „коморка", фр. chambre[1].

Чувашское ker + e - me - ϑ ←→ kir + e-me-t 'бог солнца', resp. 'неба'. С этим чувашским термином увязывается русск. (в сибилянтн. форме), „земля" (← ze + mel-e) 'небо среднее', также и „змея", как один из дериватов этого представления. Роднит чувашский и русский и такой термин, как чувашский kun — 'день'. Имеется масса терминов в различных языках в оформлении kon (→ gon) ←→ kun (→ gun ∨ gi[r]n[l]) со значением 'солнца-дня'. 'Солнце' и 'день' назывались одним и тем же словом в „дологическом" мышлении, дифференциация их произошла позже. Чувашское kun 'день' восходит к этому общему представлению 'солнца-дня'. То же общее представление расщепилось, создав и понятие 'огонь' (русск. „огонь" есть эквивалент чув. kun). Сюда же относится и русск. „окно" (← *okon), resp. 'свет', также микрокосмическое „око", 'глаз', сиб. эк. „день" || „тень" (чув. kun 'день').

По линии космических терминов чув. ver 'верх' стоит в одной линии с русским «вер-х», resp., «небо верхнее», также «бер-е-г», «бре-г» и др. Можно было бы привести несравнимо большее количество фактов генетической общности русского языка с чувашским, уже разъясненных новым учением о языке. А сколько осталось неразъясненных?

Кроме чувашского, не меньшее значение для разъяснения генезиса русского языка имеют и другие языки Волго-Камья, также и все живые национальные языки Восточной Европы, в особенности же финской группы. Материалы этих языков привлекались, правда, в меньшей степени, чем материалы чувашского языка. Укажу здесь на некоторые работы Н. Я. Марра, в которых трактуется проблема взаимоотношения русского с другими живыми национальными языками Восточной Европы, именно: «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», ИАН, 1925 г.; «Отчет о лингвистической поездке к вол.-камским народам», ИАН, 1926 г.; «К вопросу об историческом процессе в освещении яфети-

[1] „Родная речь", стр. 14.

ческой теории», 1930 г.; «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык», М., 1931 г. и др.

4 В проблеме взаимоотношения русского с дугими национальными языками СССР особенно большое место отведено кавказским яфетическим языкам. О взаимоотношении абхазского и русского Н. Я. Марр писал: «Этнология, т. е. возникновение племен, как и глоттогония, языкотворчество, есть процесс мировой, а не дело своей колокольни и кустарничества, да идет речь не о цельном массиве какого-либо национального образования, это фикция, а об отдельных социальных группировках, классах, сословиях, и такая русская руководящая группировка, такой слой в абхазском племенном образовании, давший автору арабского источника право называть абхазов русами, несомненно существовал, как видно из анализа абхазского текста, в котором один из четырех элементов звуковой речи, элемент «Д», элемент рошский или русский, в абхазском словаре образует древнейший состав звуковых слов» [1]. Русы, роксоланы, асы или ясы теснейшим образом входили в состав яфетических племен Кавказа, составляли с ними социально-племенные группировки. Район Тмутаракани, исторически известный как один из участников образования восточных славян, resp. русских, имел близкие сношения с Кавказом. Факты социально родственной близости памятников зодчества Суздаля и Юрьева Польского с соответствующими памятниками Кавказа, также общая легенда о градостроительстве у армян и русских, общность имен первых грузинских царей с русскими и украинскими культовыми терминами, теперь ставшими нарицательными, и еще многое другое говорит об исторической близости некоторых племен Восточной Европы и Кавказа к моменту образования русских. Эта общность позже как бы порывается, когда окончательно оформляется русская народность, но явные следы ее остаются еще долго в исторически уже позднее время. Так, армяне, по свидетельству Карамзина, составляли довольно многочисленное по тому времени население в Киеве XI—XII в. В развалинах болгарского города, находящихся в 112,5 *км* от Казани и в 11,5 в. от Волги, были найдены армянские надписи, которые относятся к XII в. Армяне засвидетельствованы почти во всех крупных городах Восточной Европы X—XII вв. Яфетические языки Кавказа во многих своих словах показывают прошлое русского языка, его дорусское состояние. Н. Я. Марр в своих работах особенно большое место отвел анализу общности русского с яфетическими кавказскими в словаре. Почти в любой его работе послереволюционного периода (начиная с 1921 г.), в особенности же последних лет, так или иначе затрагиваются терминологические взаимоотношения этих языков.

Особенное внимание уделено взаимоотношениям русского с абхазским и грузинским [2].

Кавказские яфетические языки показывают в определенных слоях те стадии, которые прошел в своем развитии русский язык. По палеонтологии речи местоимения 'сам', 'себя', 'свой', восходят к названию 'головы', resp. 'коллектива'. Русск. „сам“, „собой“, „себе“ находят свое об'яснение в груз. ϑa — v || ϑa - m (сравн. ϑam - am - ∠ 'с поднятой головой') 'голова' (ϑam ← *ϑam ⋎ Sam). По линии этого же семанти-

[1] «Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык», Л., 1928 г., стр. 44.

[2] См. «Абхазоведение и абхазы», ВС, 1, 1926 г., «Происхождение терминов 'книги' и 'письмо', 1927 г., «Карфаген и Рим fas и sus» Л., 1929 г., «К вопросу об историческом процессе», М., 1930 г., и др.

ческого ряда стоит и русск. „темя", груз. ɖq̣e-m 'верх', 'темя' (←'голова'), сванск. ɖq̣um → ɖq̣wim[1].

Общность между русским и кавказскими яфетическими языками особенно богато прослеживается по терминам 'руки' и ее дериватам, терминам 'письма', родственных отношений, в названиях мебели, средств передвижения, злаков, топонимики и некоторых др.: 1) Груз. mar-ḏ̂uen-e 'правая рука', абх. a-mā (← mar 'рука'), 'ручка'. Экающая разновидность mar 'рука' наличествует в русск. „ме-ч", отсюда и не случайно созвучие „мечу", „метать" с „меч"; все эти термины восходят к 'руке'. Груз. q̂an-d̂ar resp. q̂an-ḏal 'кинжал' русск. „кин-жал" ← 'рука, что доказывается русск. „кин-уть" и его синоним ki-d в „ки-д-ать". Это подкрепляется арм. kin 'раз', 'жды' в числительных; груз. kide 'сторона', 'край' груз. mo-h-kida 'взялся за, груз. i-kid-a, 'он купил' (← 'он взял'), груз. ga-kid-a 'он продал' (← 'дал') и т. п[2].

„К той же 'руке' или к тем же 'рукам' восходят слова, обозначающие 'борьбу', 'бой', 'войну' и т. д.[3] Груз. brďola 'борьба', груз. borkie 'кандалы' (← 'железо' ← 'рука'). 'Рука' resp. 'нога' (была стадия мышления, когда 'рука' и 'нога' обозначались одним термином); чанск' bork-'нога', груз. γer-q ← ber-k 'нога' (русск. „бер-це"); 1-ая часть груз. br (← bar v ber v bor) в русск. „борьба", „бор-ец"; „бор-оться" и др.; 2-я часть груз. ďola — 'сила'. Общее название для 'руки' и 'ноги' вскрывается в тех же взаимоотношениях русского с яфетическими. Так, абх. a-na + pə 'рука', абх. a-щ,a + pə 'нога' элем. Имеется в абх. à-mà-go 'сапог', арм. moy-g, абх. áy-mā-q̣a 'чувяки', груз. q̣a-ml (разновидн. ay-mā) 'обувь' ay-ma букв. 'дитя ноги'; ay ← ar ← har; 2-ая часть увязана с европ. разновид. sa-bo-te также и *la-po-te (sa чередуется с la), русск. „са + по-г", „ла + по-ть", франц. sa-bo-t, баск. sa-pa-ta || sa-pa-to; sa и la одинаково обозначали не только 'ногу' но и 'руку'; sa ← sal; баск. sal-du 'покупать', resp. 'брать' ← груз ďal 'сила', resp. 'рука', la есть разновидность na в абх. a-na + pə 'рука'. Это na-pə в ослаблении na-po наличествует в русск. „ла-по-ть", „ла-па"[3]. От конкретно-образного понятия 'рука' впоследствии происходят понятия 'силы', 'мощи' и др. Абх. a-mə̧ 'сила', mə̧-la 'силой', 'насильно', русск. „мочь". „мощь" „могу" и т. д. генетически об'ясняются груз. mar-ɖq̣ena 'рука' (mar) 'левая' mar-ḏ̂vena 'рука (mar) правая'. От 'руки' идет также семантический ряд: 'рука'→'бык'→'пахать' ←→ 'пашня'. Груз. q̂el 'рука' со сванской огласовкой m-q̂ar 'плечо' (← 'рука') → 'помощь; q̂ar, resp. qar сюда же k̇ar; груз. m-kar 'бык' 'твердый' → k-pi-kar 'владей', арм. k̇ar 'сила' груз. q̂ar 'бык' русск. „па-ха-рь", „па-ха-ть", „па-ш-н-я" и др.[4].

2) Лат. li-ter-a 'буква'; груз. ṭer-a 'писать', чанск. o-ṭar-u. 'писать', арм. ṭar 'буква', 'письмо', 'книга'; ṭer || ṭar → ster || star; груз. u-star 'письмо'; ṭ в славянск: в данном случае соответствует ɖ и ɖ̇; русск. „чер-та", „чер-кнуть", „по-чер-к"; „чер-к" ← *ɖer-kan „че-канить", букв. 'печатать'[5]. Далее груз. ṭker 'строка', арм. ṭar 'буква'; ṭer || ṭel по че-

---

1 „Карфаген и Рим, fas и fus, сообщ. ГАИМК, II, 1929 г.
2 Там-же, стр. 408.
3 „Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык".
4 „Карфаген и Рим".
5 „Происхождение термина '«книга» и «письмо»'» Л,. 1937.

редованию в грузинском l || d-ṭed. груз. be-ṭed 'печать', 'перстень' (по плем. названиям увязывается с „Печенег", груз. „Пачинаг"), аварск. be-ǯed 'бог', русск. „пе-чать", нем. Petschaft.

Русское слово „царапать" относится также к группе ter, „обозначающей 'письмо', 'книгу', resp 'знамение', 'чудо'←'тотем', груз. ǯqa-ра 'плохо писать', русск. „царапать" [1].

3) Груз. de-daᵛlᵛ 'мать', груз. da 'сестра', d̆a (как таковое не сохранилось), bid̆a 'дядя', 'брат отца', d̆-ma, 'брат', q-mar 'муж', ma-ma 'отец' d̆i-d̆a, d̆u-d̆u 'груди', d̆u-d̆e 'воспитательница', d̆u 'самка' V чанск, guᵛlᵛ 'сердце', но и 'грудь', qur-de→gru-de русск. „грудь". К терминам родства в грузинском непосредственно примыкают русск. „ма-ма", „па-па", „де-д", „дя-дя", „ди-тя" и др. Древнейшее образование — русское слово „супарень" свидетельствует также о генетической общности русских с яфетидами Кавказа. Диалект. „супарень" букв. 'гермафродит', 'женщина + мужчина'. Такое же построение имеет груз. qara-bita 'женщина (qar-a) + парень (bita)' „Супарень" — женщина (sa) + парень (par-en-e). Su имеется в русск. „су-ка", др. литер. груз. a-sul 'дочь', мегр. o-sur-i 'женщина', чанск. sur-a 'сука'. Вторая часть слова „супарень", именно эл. B, имеется в абх. pa→ba→φa; i-φa 'его сын', ba — характерное окончание абхазских фамилий[2]. Сюда же можно отнести и груз. окончание инфинитива-имени Va, объясняемое палеонтологиею в значении 'сына'.

4) Груз. kwarǯqe 'престол', др. лит. груз. kwarǯqeberk 'подножие престола', русск. „кресло". „Впрочем в названии'мебели у древних русских общи с кавказцами и другие термины, какого бы последние ни были происхождения, как напр., „скамья" (груз. skam-i)[3] и др.

5) Термин „шелк" обычно производят из средн. нем. silke. Но у этого термина имеются другие связи: арм. шег-as 'шелк', мегр. чанск. muala←munala 'ткать'; груз.qsel — 'основа ткани'; ru↗ǯ; mer→ǯer, русск. „чер-вь" (←*ǯer — ve || *ǯer — m)[4].

6) Общность в названиях животных: абх. a-vas-à←a-os-a←a-o + vsa — 'овца'. Русск. „овца"[5], груз. q̄az — id 'соболь', арм. a-qis 'ласка' cup, kura 'ласка' др. лит арм. kuz 'кот', 'куница', 'белка', русск. „киса", „кис-ка", мок. арм. kuz 'куница', арм. kəznaqis 'белка', арм. katu 'кошка (дикая)', арм. kayt мн. ч. Kot ayrǯ 'домашняя кошка', русск. „кот", „куна", „куница"[6].

7) Абх. á — owə; в форме единичн. owə-k, в архетипе (ᶜor-wirk, по сибилянтному типу с заменой абх. „О" (← (ᶜor, resp. (ᶜol) черкесской его разновидностью ta ṭə-wir-k с разложением диффузного ṭ и огласовкой соотв. социальной среды, именно русской и украинской (и вообще славянской): укр. ǯlo-wi-k || русск. ǯel + o-ve-k←*ǯlo-vir — k || ǯel + o ver-k. Самый конечный „к" в русском имеет генетическую связь с яфетическим показателем единичности к[7].

8) Из топонимики приведу один характерный пример: „Керчь"←→

---

[1] Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'.
[2] Готское слово quma 'муж', Л. 1930.
[3] „По поводу русского слова 'сало' 1935, стр. 112.
[4] То же
[5] „О числительных" (в сб. Языковедные проблемы по числительным", л. 1927).
[6] По поводу русского слово 'сало'.
[7] Русское «человек» абх. q-owə", ДАН, 1926.

„кор-чев“ || „кор-чем“. Kor есть спирантная разновидность skor ←→ skur. Город scur + u-ev; абхазский город (известный древнему миру) Dio-skur-ia-s. Населенные пункты Абхазии: I-skur-ia, Skur-ϑa, A-ṫkur-i и т. д. Skur, kur сохранилось и как нарицательное имя — 'населенный пункт', 'селение', 'город', 'страна'; шумерск. kur — 'страна', сирийск. kur + y-aϑ 'селение', 'город'. В „Слове о полку Игореве“ имеется место: „Всеслав князь... из Киева дорыскашеть до Кур Тьмутороканя“, т. е. до селений или городов Тьмуторокани.

«Курск», букв. „селение“, „стоянка“, „город“. С этим kur неразрывно связаны многочисленные термины названия городов: «град», «город», korka, kart и т. д.

Наконец, со словарем врываются тесные взаимоотношения между русскими и кавказскими и в область структуры языка. Так, сравнит. степень русского слова «хороший» — «лучший», «лучше» сближается с армянским. «Это источник исключительного расхождения русских, как славян, с германцами, и схождения их, русских же, с армянами, у некоторых тот же элемент в акающей разновидности (la наличен в основе древнелитературного образования сравнительной степени la — w «лучше», «лучший» (в народном армянском оно же значит лишь «хороший»)»[2]. Намечаются связи суффикса многократности в русском глаголе va со строем грузинской речи и т. д. Как на одно из основных достижений нового учения о языке в рассматриваемом здесь вопросе необходимо указать на вскрытие стадиальности развития семантики слов, смен стадий мышления, причем связь русского с яфетическими по этой линии не рассматривается лишь в том плане, что яфетические во всех своих элементах как бы предшествуют русскому; русский язык зачастую сохраняет в себе семантические и структурные переживания, стадиально более древние, чем, скажем, грузинский. Это указывает на чрезвычайную сложность исторических взаимоотношений между данными народностями и их языками. Новое учение о языке впервые в науке поставило вопрос о подлинно-исторических связях русского языка и яфетических языков Кавказа, тем самым открыло реальные перспективы выяснения их возникновения и дальнейшего развития.

Н. Я. Марр сдвинул с мертвой точки разрешение и ряда других чрезвычайно важных для руссиста проблем: формирование славянских языков и их внутренние взаимоотношения[3], связи русского языка с «прометеидскими» (в частности с немецким[4] и др. языками не яфетических систем). Правда, упор был сделан на связи русского языка с яфетическими, но это вполне оправдывается во всех отношениях: без привлечения материалов яфетических языков (как живых, так и сошедших с арены истории) невозможно было бы выйти за рамки «индоевропейской семьи», следовательно, невозможно было бы вскрыть становление русского языка, его возникновение на определенной стадии общественного развития. Конечно, при разрешении конкретно-лингвистической стороны дела были ошибки, они возможны и сейчас, но центр тяжести не в этом; основное, что дает новое учение о языке руссистам, заключается в правильной постановке генетических проблем, без чего немыслимо ни одно научное разрешение любого вопроса по изучению русской речи.

---

[1] „Абхазоведение и абхазы“, ВС, 1, 1926.

[2] «Готское слово Guta», ИАН, 1930 г., стр. 452.

[3] «Яфетические зори на украинском хуторе», М., 1930 г., «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», М., 1930 г., и др.

[4] «Новый поворот в работе по яфетической теории», ИАН, 1931 г. и др.

Несмотря на все промахи и пробелы, можно с уверенностью сказать, что место русского языка в едином глоттогоническом процессе, в общих чертах, определено, следовательно определены и его взаимоотношения с языками других народностей СССР, что дает возможность глубокого теоретического обоснования практики нашего языкового строительства.

И. КУСИКЬЯН

ЯФЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИНДОЕВРОПЕИЗМ

1.

Учение о языке, традиционно называемое яфетической теорией, зародилось еще в 80-х годах XIX в. Ее творец — Н. Я. Марр — указывает, что «оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его не было бы»[1].

Эти слова следует понимать в том смысле, что первые шаги яфетической теории, несмотря на наличие в ней методологии буржуазного языковедения, уже направлены были к тому, чтобы стать в конце концов учением, противоположным буржуазной науке о языке. Первый удар Н. Я. Марром, тогда еще студентом петербургского университета, был нанесен по индоевропеистическому принципу классификации языков, в частности языков Закавказья и семитических. Им была установлена связь между грузинским языком и семитической «семьей» языков (1888 г.). Такой частный факт, установленный к тому же при помощи сравнительно-исторической методологии индоевропеизма, имел, однако, знаменательные последствия. Впоследствии Н. Я. Марр в процессе своей напряженнейшей двадцатилетней работы пришел к выводу, что «грузинский язык является характернейшим представителем особой лингвистической ветви, которая в свою очередь находится в генетическом родстве с семитической ветвью языков»[2].

Условно эта ветвь языков им была названа «яфетической», к которой на основании исследований Н. Я. Марра были отнесены не только живые южнокавказские языки (мегрельский, чанский, сванский и грузинский), но и некоторые уже мертвые языки (как, напр., эламский). К этой же ветви отнесены были элементы «до-арийского» языка Армении, отложившиеся в армянском языке. Впрочем, следует заметить, что уже в 1899 г. Н. Я. Марр говорил, что «неожиданно для догматической лингвистики, спокойно занятой научным выяснением места армянского языка в кругу индоевропейских с помощью извне привносимых готовых звуковых законов, — в армянском языке вскрывается коренной слой, роднящий его с соседним грузинским языком и влиявший, конечно, на диференциацию действительно сильного в нем, интересующего всех, арийского слоя»[3]. Одновременно с этим он утверждал, что «грузинский язык, научно признанный не находящимся в родстве ни с индоевропейской, ни с семитической семьей

---

[1] Н. Я. Марр, «Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии», Л., 1926, стр. 3.

[2] Н. Я. Марр, «Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка», СПБ, 1908, стр. 1.

[3] Н. Марр. К вопросу о задачах арменоведения. СПБ, 1899 г., стр. 7.

языков, фактически оказывается в безусловно генетическом родстве с семитическими языками»[1].

Чтобы сделать указанные выводы, Н. Я. Марру пришлось преодолеть большие трудности не только в области лингвистики, но и в пределах связанных с ней наук — истории Закавказья и Передней Азии, археологии, эпиграфики и т. д. Сложность положения исследователя в тот период тем более станет понятной, если вспомнить о том, что бороться с индоевропеизмом приходилось с помощью методологии буржуазного же языкознания.

Спрашивается: что же в таком случае способствовало успешности изысканий Н. Я. Марра? Прежде всего то, что он, исходя из языковых ф а к т о в, подверг критике установившиеся тогда в лингвистике выводы о классификации языков. Сами факты принудили его установить новые законы звуковых соответствий между языками семитическими и яфетическими, с одной стороны, и внутри языков яфетических — с другой. Затем успеху в выводах посодействовало изучение живых и преимущественно языков бесписьменных, но не мертвых, сохранившихся лишь в памятниках письменности, языков, как это было принято у индоевропеистов. Таким образом в течение первых двух десятилетий развития яфетической теории обнаружилось, что индоевропеистическая классификация языков таит в себе методологический порок и что вовлечение в орбиту изучения нового круга языков дает возможность выяснить сущность этого порока, заключающуюся в том, что сравнительно-исторический метод изучения построен преимущественно на основе фактов узкого круга мертвых, классических языков, во многих отношениях формально сходных. Характерно, что вся эта борьба Н. Я. Марра с индоевропеизмом в тот период не вызывала со стороны представителей лингвистики и филологии особых возражений. С одной стороны, это объясняется тем, что речь шла о языках Кавказа, в отношении изучения которых буржуазные ученые особого рвения вообще не проявляли. Из всех языков Кавказа удостоился их внимания лишь армянский язык, как известно, включенный в круг «индоевропейских» или иначе в семью «арийских» языков. Но и выводы Н. Я. Марра касательно «неарийских» элементов армянского языка не могли обеспокоить ученых, так как им никак не удавалось выяснить их сущность и происхождение. «Неарийское» в армянском их сравнительно мало интересовало. Еще в меньшей степени интересовали ученых языки Грузии. Поэтому создание особой ветви «яфетических» языков с ее группами ни в какой мере не касалось, как это им казалось, основных положений лингвистики.

2.

Период 1908—1920 гг. в развитии яфетической теории чрезвычайно интересен в двух отношениях. Прежде всего Н. Я. Марр продолжал вширь и вглубь свои исследования по яфетическим языкам Кавказа. Им устанавливается более точная генеалогия этих языков внутри так называемой «ноэтической» семьи, причем выясняется, что яфетические языки ближе к семитическим, чем к хамитическим. Одновременно Н. Я. Марром изучаются живые и мертвые языки Передней Азии. Весьма плодотворные результаты дает исследование языка так называемой второй категории Ахеменидских клинообразных надписей для выяснения некоторых проблем яфетических языков. Как и вообще, так и в дан-

[3] Н. Я. Марр, «К вопросу о задачах арменоведения», СПБ, 1899 г., стр. 7.

ном случае, Н. Я. Марра мертвые языки интересуют в связи с изучением живых языков, иногда бесписьменных. Это нужно подчеркнуть, так как он уже в те отдаленные времена отличался этим от лингвистов-индоевропеистов. Постоянная связь с крестьянским населением Закавказья в процессе изучения языковых или иных проблем отразилась и в этом устремлении творца яфетической теории. Живые языки Кавказа он чувствовал и осознавал через массы их носителей. Анализ языка «второй категории» дал возможность объяснить происхождение «наносных яфетидизмов», в частности в грузинском языке. Теперь уже классификация чистых и смешанных яфетических языков в результате исследования носит несколько иной, более утонченный характер. Языки разделяются на сибилянтную и спирантную группы, а первая группа в свою очередь делится на шипящую и свистящую ветви. Это достижение следует отметить потому, что тем самым была создана схема формальной классификации, сыгравшая свою положительную роль в дальнейшем развитии яфетической теории и имеющая огромное значение и в настоящее время. Поразительно точно выведенные на основе громаднейшего языкового материала законы звуковых соответствий, переходов, движений дали возможность создать указанную схему. Это достижение, в сущности, наносило очередной удар индоевропеистике с ее, казалось бы, раз навсегда установленными фонетическими закономерностями. Поэтому понятно то неприязненное отношение к этому достижению, которое проявили некоторые маститые индоевропеисты (напр. Ф. Корш). Возражая им (1914 г.), Н. Я. Марр писал: «Не наша вина, что в яфетических языках существуют такие «невероятные» явления. Казалось бы, более невероятно, чтобы голословно опорочивались утверждения, основанные на почти четвертьвековых все возраставших и вширь и вглубь наблюдениях и над письменным, и над устным материалом; невероятно, чтобы бросались их автору обвинения в том, что у него будто все звуки переходят во все звуки» [1]. Кстати сказать, это обвинение еще недавно было повторено одним из эпигонов индоевропеизма в Армении, прикрывающимся марксистообразной фразеологией. Это говорит о том, что буржуазная лингвистика пока находит себе тихие места в СССР, чтобы в соответствующие моменты выйти из засады. «Я очень жалею, — писал далее Н. Я. Марр, — что такое тяжкое обвинение, где-то кем-то произнесенное и до меня доходившее окольным путем, до сих пор не было формулировано научно и не высказывалось печатно» [2]. Но ясно, что индоевропеисты не могли выступить с вескими аргументами против выводов Н. Я. Марра, так как они оставались в узких рамках своей формальной методологии, базировавшейся на небольшом круге фактов из «индоевропейских» классических, письменных языков, и вместе с тем потому, что они не знали (да и не желали знать) ряда языков, включенных в ветвь «яфетических». Любопытно то, что все выступления индоевропеистов против яфетической теории (не научные в полном смысле этого слова, т. е. без фактов и анализа) вплоть до наших дней ограничивались разного рода «замечаниями» и упреками, а иногда и выпадами с оттенками раздражения вследствие неумения понять сущность яфетидологических положений.

Вплоть до Октябрьской социалистической революции яфетическая теория, как учение о языках яфетической ветви, росла за счет но-

---

[1] Н. Я. Марр, «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языковедения», Зап. В. О. Арх. Об-ства, т. XXII, вып. 1—2, СПБ, 1914, стр. 36.

[2] Там же.

вого, мало изученного или, вернее, совершенно не изученного языкового материала. Так, Н. Я. Марр исследует абхазский язык, чрезвычайно сложный в фонетическом отношении. Одновременно он занимается загадочными вопросами армянского языка в серии исследований под названием «Яфетические элементы в языках Армении». Наконец, он привлекает в круг своего изучения и языки северокавказских народов. Привлечение все новых материалов способствовало росту расхождений яфетической теории с индоевропеизмом. Однако сильнейший толчок, который побудил Н. Я. Марра перейти на более высокую ступень и совершить переворот в науке о языке, был дан лишь Октябрьской социалистической революцией. После нее яфетическая теория превратилась в материалистическое учение о языке и уже с новым методологическим оружием повела борьбу не только за разоблачение индоевропеистики, но и за создание нового учения о языке.

3.

Революция в языкознании началась с выходом в свет (в 1920 г.) исследования под названием «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры». Эта работа, вышедшая на русском и немецком языках, привлекла внимание и буржуазных ученых Западной Европы. Но индоевропеисты заинтересовались ею весьма односторонее, только с точки зрения неразрешенных ими вопросов о некоторых европейских языках. Сущность этой работы ускользнула от их внимания. И это понятно вполне, так как Н. Я. Марр общие проблемы языкознания поставил в ней принципиально по-новому. Самое же главное — переворот в науке о языке был сделан открытием исключительного значения. Открыты были четыре лингвистических элемента, давших возможность превратить яфетическую теорию в новую науку о языке, противоположную индоевропеистике.

Изучение племенных и географических названий Кавказа и Средиземноморья вызвало необходимость решения вопроса о совпадениях этих названий и о близости их между собою в частях (Иверия—Иберия, Фессалия — Массалия, этруск — херуск и т. д.). Исследования огромного числа названий и привели Н. Я. Марра к открытию лингвистических элементов, число которых в конце концов было установлено в количестве четырех. «Сал», «бер», «йон», «рош»—беря условные формы — вот те лингвистические элементы, которые вызвали возмущение в сознании индоевропеистов, как зарубежных, так и наших. Вот открытие, которое создало совершенно новое положение для яфетической теории. В сущности закон, открытый Н. Я. Марром, прост, как и большинство научных законов, открытых крупнейшими умами человечества. Он заключается в том, что все слова языков мира сложились из различных вариантов указанных элементов. В одних словах имеется один элемент, в других—два, в третьих—три элемента и т. д., причем элементы в процессе соединения меняли свою форму, «выветривались», или получали иное оформление («сал», «зал», «шор», «жор», «шур», «жур» и т. д.). Сознание людей, не зараженное до мозга костей принципами индоевропеизма, воспринимает лингвистический закон Н. Я. Марра так, как нужно. Иное дело с лингвистами-формалистами и со всеми теми, кто вне языковых «корней» не видит ничего. Единственным способом для них понять сущность элементов является внимательное и напряженное изучение роли четырех элементов и конкретных материалов в исследованиях Н. Я. Марра. Но в том-то и беда, что даже специалисты по вопросам языка в нашей стране в большинстве

своем не занимаются изучением этого закона в работах Н. Я. Марра. Что же касается ученых буржуазных стран, то, как это ни странно, никто из них не сделал серьезной попытки (кроме общего выражения неприязни) высказать свои соображения относительно четырех элементов. Ведь если вдуматься глубоко, то прежде всего должна бы появиться потребность проверки закона Марра на многочисленных языках мира. За исключением ближайших учеников Н. Я. Марра, никто этим не занимался и не занимается. Это было бы понятно, если бы вопрос касался элементов лишь с формальной стороны. Но ведь крупное значение этого открытия заключается в том, что четыре элемента явились ключом для открытия других законов развития языкотворчества. Поэтому тем лингвистам, для которых закон Марра показался бы сомнительным, необходимо проверить его на любом языке. Но сила привычки, установленная индоевропеистикой, не позволяет поступить именно так. Наоборот, открытие вызывает недоумение и возмущение лингвистов. Если такое отношение к открытию Н. Я. Марра было отчасти понятно со стороны европейских ученых, то странно было видеть встречу его «в штыки» в нашей стране. Казалось бы, что именно у нас, где творческая мысль подвергается всесторонней критике с помощью методологии диалектического материализма, открытие четырех элементов должно было вызвать здоровую критику. Однако получилось обратное. Специалисты-лингвисты нашей страны заняли в отношении открытия резко отрицательную позицию. Мы не говорим об отдельных из них, которые поняли сущность открытия и стали содействовать дальнейшему развитию учения. Многочисленные представители различных отраслей общественных наук, пользующиеся для своих специальных задач исследованиями Н. Я. Марра, продолжают молчать о законе четырех лингвистических элементов, одни потому, что считают это делом специалистов-лингвистов, а другие — потому, что относятся к нему с недоверием (имея в своем сознании пресловутые «корни» индоевропеистики), хотя и не говорят об этом открыто. Такое «нейтральное» в лучшем случае отношение марксистов-ученых заставляет думать, что среди последних глубоко пущены «корни» индоевропеизма.

Говоря о лингвистических элементах, открытых Н. Я. Марром, нельзя не подчеркнуть того, что в сущности перед марксистско-ленинской лингвистикой стоит большая задача критического пересмотра проблемы «корней», и тем более, что в существующих в СССР программах и учебниках по этой части все осталось без изменений. Иначе говоря, до сих пор еще через учебники распространяется формалистическое учение индоевропеизма о корнях, так же как и о праязыках. Теория же праязыков не только антидиалектична, но она явно реакционна, так как находится в конечном счете в непосредственной связи с религиозным мировоззрением. В свою очередь теория «корней» заключает в себе и иные реакционные моменты: политические, шовинистические, расовые. Когда, скажем, в сознание учащихся попадает понятие «общеславянского» или «общетурецкого» корня, то какие иные, как не явно националистические, политически реакционные, чисто расовые представления вызываются ими. Между тем открытие лингвистических элементов дает теперь возможность осветить проблему корней с точки зрения интернациональной. Поэтому изучение закона лингвистических элементов не только важно для наших научных и педагогических кругов, но и для преподавания языка в средней и высшей школе.

Лингвистические элементы, однако, представляют интерес не только сами по себе, а главным образом по той роли, которую они сыграли в развитии яфетической теории, после их открытия превратившейся в подлинно материалистическое учение о языке. После того, как Н. Я. Марр доказал, что все слова языков мира состоят из указанных элементов, прежде всего рухнула теория праязыков и семей языков. О результатах своих исследований уже в 1924 г. Н. Я. Марр писал: «Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или, тем менее, восходил к какому-либо расово особому праязыку. Кстати, вначале был не один, а множество племенных языков; единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция»[1]. К такому, вполне четкому, доказанному с помощью огромного фактического материала выводу возможно было притти лишь после открытия лингвистических элементов. Анализ географических и племенных названий Кавказа, Передней Азии и Европы, анализ яфетидизмов в индоевропейских языках[2], доказательства яфетидизма мертвого этрусского и живого баскского языков возможны были лишь с помощью четырех элементов. Эти успехи привели в конце концов к тому, что стены, возведенные индоевропеистикой вокруг языковых семей, были разрушены рукою Н. Я. Марра. Таким образом был открыт путь для решения следующей задачи об единстве языкотворческого процесса и о стадиальном развитии языков.

После открытия четырех лингвистических элементов с особенной резкостью должен был стать вопрос о праязыках и языковых семьях. Многие утверждают, что даже некоторые почтенные индоевропеисты теперь как будто отошли от теории праязыка (напр., так говорят об А. Мейе), что будто бы виднейшие представители буржуазной науки замечают всю шаткость этого положения. Однако в этом случае забывается очень существенный момент. Если в самом деле индоевропеистика отказывается от праязыка, то что же делать со всем арсеналом корней «индоевропейских», «семитических», «угро-финских», «славянских», «германских» и т. д.? Что такое в случае отрицания праязыка «языковая семья»? Ответ на этот вопрос индоевропеистика найдет в работах Н. Я. Марра 1924 г. и последующих годов. У самих же индоевропеистов мы ответа не найдем. Если даже в их трудах о праязыках не пишется прямо, то праязыки все же подразумеваются, как бог у всякого благочестивого буржуазного ученого. Впрочем, представители индоевропеизма в нашей стране не только не отказываются от праязыков, но один из них (Е. Поливанов) с целью подчеркнуть незыблемость этого положения лингвистики и для марксистского языкознания (!!) печатает в советском издании термин «праязык» жирными, заглавными буквами. Это очень важный факт, лишний раз подчеркивающий все значение борьбы яфетической теории с индоевропеизмом и, в частности, огромное значение открытия Н. Я. Марром лингвистических элементов. И несмотря на то, что уже десять лет тому назад были доказаны несостоятельность и вредность теоретических положений индоевропеистики касательно праязыков и

[1] Н. Я. Марр, «Индоевропейские языки Средиземноморья», ДАН, Л., 1924, стр. 6.

[2] См., напр., Н. Я. Марр, «Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении», изв. РАИМК, т. III, Л., 1924, стр. 257.

языковых семей, вплоть до настоящего времени можно встретить в многочисленных учебниках и руководствах (не говорим уже о научных работах) по языкам народов СССР, не исключая и русского языка, если не прямое изложение этих положений, то во всяком случае рассуждения, базирующиеся на них. Так еще традиционно сильна индоевропеистика у нас, и так еще мало используются достижения советской науки — яфетической теории. Впрочем, еще недавно (в 1931 г.) об этом писал Н. Я. Марр: «Новое учение, что более актуально, — диаметральная противоположность и целевой установкой, и достижениями, и техникой дисциплине, господствующей во всех школах, так называемой индоевропейской лингвистике. Индоевропеизм не только царит в школах и академиях, он господствует в умах» [1]. Сказано очень метко: именно индоевропеизм в умах. Если порыться во многих работах наших историков, литературоведов, антирелигиозников и прочих, то это «господство индоевропеизма в умах» нетрудно обнаружить. Индоевропеизм под маской марксистообразной фразеологии живет у нас, но не процветает. Он не может процветать в СССР, так как сущность его диаметрально, качественно противоположна марксизму-ленинизму.

5.

В связи с открытием лингвистических элементов стоит и другое открытие яфетидологии: то, что звуковой речи предшествовала кинетическая, под конец ее развития — наиболее усовершенствованная — ручная речь. Именно элементы «сал», «бер», «йон», «рош» дали возможность вскрыть отражение этого факта в звуковой речи. Это открытие явилось также ударом по всяким робким рассуждениям индоевропеистов о языке жестов или о «животном» языке так называемого «доисторического» человека. Сейчас, после исследований и выводов Н. Я. Марра, кажется даже странным, что при наличии огромнейшего материала, как лингвистического, так и этнографического, накопленного буржуазной наукой, индоевропеистика ограничивалась невнятным лепетом по вопросу о происхождении языка и о языке движений. Впрочем, о языке движений она вынуждена была говорить потому, что после изгнания из науки (конечно, официально, но не по существу) религиозной точки зрения на происхождение языка, появилась необходимость заполнить пустоту в самом начале, до, так сказать, «праязыка». Отсюда различные вариации на темы о жестах, мимике, эмоционально-афективных выкриках.

Хорошо известно, что индоевропеистика считает принципиально невозможной задачей разрешение вопроса о происхождении речи. Яфетическая же теория подошла к этим проблемам без всякой предвзятой точки зрения. Она исходила из фактов. Ей не нужны были письменные памятники «доисторических» времен. История в достаточной мере сохранилась согласно яфетической теории в живых языках современного человечества. Не всегда нужно рыться в литературных памятниках, относящихся к глубокой древности, так как в речи многих народов нашего времени сохранились пережитки еще более старых времен, чем, напр., эпоха законов Хаммураби или каких-либо древне-египетских надписей. Откуда появилось такое убеждение? Оно есть результат длительного изучения тех самых яфетических языков, которые оказались на Кавказе, на Памире и у Пиренеев и в которых сохранились древнейшие переживания. Учение о кинети-

[1] Н. Марр. Вишапы. Труды ГАИМК, т. I. Л. 1931. стр. 12.

ческой речи — предшественнице звуковой речи,—развитое Н. Я. Марром, показало всю ограниченность поля зрения индоевропеизма и научную импотентность индоевропеистики, проистекающую из ее формально-сравнительной методологии. Конечно, это достижение яфетической теории не только непонятно для последовательных индоевропеистов, но явно «ненаучно» с их точки зрения. А как относятся к этому у нас представители общественных наук, педагоги и др., могущие заинтересоваться вопросами происхождения речи и кинетической речи? В большинстве случаев либо ничего не знают об этом, либо боятся знать. Невольно вспоминаешь слова большевика-ученого М. Н. Покровского, который писал в 1928 г., что «если бы Энгельс еще жил между нами, теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории» [1]. К сожалению, теорией Н. Я. Марра наши широкие круги занимаются очень мало, а главное мало знакомы с той борьбой, которую он вел с индоевропеизмом.

6.

Индоевропеистика, как известно, наряду с фонетическими, морфологическими и синтаксическими проблемами, занимается и семасиологией. Анализ значения слов у индоевропеистов носит такой же формальный характер, как история фонетики или морфология языков. Против индоевропеистской семасиологии Н. Я. Марр выдвинул палеонтологию семантики. Яфетидологическая палеонтология принципиально отличается от индоевропеистской. Она прежде всего заходит в такую глубь истории человечества, в так называемую «доисторию», о которой никогда не думали и не могли думать индоевропеисты. Еще в 1924 г. Н. Я. Марр писал по этому поводу: «Яфетическая палеонтология не имеет себе параллели в изучении других языков, даже в индоевропейской лингвистике. Так называемая палеонтология индоевропейской лингвистики — это целиком, с корня до верхушки, проблематическое построение, обоснованное на изучении исторических языков, более того, на историческом подходе к такому изучению»[2]. Говоря «исторические языки», Н. Я. Марр хочет подчеркнуть, что индоевропеизм имеет дело только с письменными, классическими и более поздними языками. Тогда же Н. Я. Марр писал: «Особую силу яфетического языкознания составляет семантика, учение о значении слов. Индоевропейская семантика обоснована на объяснениях житейского, порой исторического характера, в пределах логических связей, отвлеченных. Яфетическое языкознание вскрыло, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически сложившихся условий, часто не имеющих ничего общего ни с нашими отвлеченными теоретическими постройками, оказывающимися в основе воздушными замками, ни с нашими материальными восприятиями, анахронистически переносимыми на общественное мышление доисторического человека» [3].

Следует вспомнить, что эта яфетидологическая палеонтология семантики стала возможна только вследствие открытия лингвистических элементов. Таким образом яфетическая теория нанесла удар индоевропеизму и в области семантических задач. Уже ко времени,

---

[1] Статья М. Н. Покровского в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» от 23 мая 1928 г.

[2] Н. Я. Марр, «Об яфетической теории», «Новый Восток», кн. 5, стр. 303.

[3] Там же.

когда писались вышеприведенные слова, Н. Я. Марром были даны образцы палеонтологического анализа в работах: «О «небе» как гнезде празначений», «Из семантических дериватов «неба», «Пережитки еще семантических групп «небо — вода» из шумерского языка» и др. Палеонтологические исследования Н. Я. Марра настолько принципиально отличались от индоевропеистского метода, что буржуазные ученые попросту не понимали, да, впрочем, и не желали понимать его. У нас же в СССР представители индоевропеизма и их подголоски всячески выражали свое возмущение по поводу якобы непонятности палеонтологического метода яфетической теории, некоторые же просто заявляли о ее ненаучности, так как она-де противоречит «подлинной» лингвистике и ее методам, иначе говоря, индоевропеизму. Интересно, что кое-кто из этих противников палеонтологии именовали себя марксистами и целиком исходили из положений компаративизма. Ясно, что обреченный индоевропеизм в лице своих адептов с момента наступления на него яфетической теории прибегал ко всяким приемам для того, чтобы опорочить успехи нового учения о языке.

7.

К периоду 1920—1924 гг. относится постепенная увязка яфетической теорией языковых явлений с производством и производственными отношениями, объяснение тех или иных изменений фактов языка в связи с изменениями в общественных производственных отношениях, в связи с техническими переворотами и т. д. Вместе с тем постепенно яфетидологией отбрасываются старые усвоенные ею из индоевропеистики утверждения, или же частью ограничиваются. Так, напр., сильно ограничивается значение миграций в языкотворчестве, а иногда и вовсе отрицается. Доказывается абсурдность тех предположений, которые делались и делаются буржуазными учеными касательно передвижения народов и на которых базировалось, иногда исключительно, объяснение изменений языковых фактов. Яфетидологией указывается, что в глубочайшей древности переселения были далеко не таким простым и легким делом. Ограничивается и теория заимствований слов периодами более поздними и сравнительно суженным кругом слов. Можно сказать, что приблизительно к 1924 г. яфетическая теория, как общее учение о языке и языкотворчестве, находилась в таком состоянии, что требовалось лишь применение методологии диалектического материализма в полном виде, чтобы очистить ее от остатков буржуазной лингвистики и использовать для строительства марксистско-ленинского языкознания. За эту труднейшую задачу взялся сам творец яфетической теории, уже в течение ряда лет вооружавшийся орудием марксизма-ленинизма.

Если после Октябрьской социалистической революции яфетическая теория стала быстро развиваться по пути к тому, чтобы стать материалистическим учением о языке, то примерно до 1924 г. она оставалась все еще «яфетической теорией», т. е. не только наукой о яфетических языках, но и одновременно общим учением о языке. Уже с 1924 г., когда вышел общий очерк Н. Я. Марра «Об яфетической теории», можно считать, что ее творец выступил как теоретик «нового учения о языке», т. е. марксистски перерабатывающий яфетическую теорию. Это не значит, что он уже являлся марксистом в науке о языке в полной мере. Но это означает, что он в результате изучения марксизма-ленинизма стал под углом зрения диалектического материализма пользоваться достижениями яфетической теории, стал перерабатывать последнюю с диалектическо-материалистической точки зрения.

Перемена названия яфетической теории не случайная, а принципиальная. Важнейшая задача — разоблачения индоевропеизма — в основном была выполнена; теперь нужно было быстрее повести положительную, созидательную работу, т. е. заняться проблемами языка с точки зрения марксизма-ленинизма. Это, конечно, не означает, что следовало бросить борьбу с индоевропеизмом. Строительство марксистско-ленинской лингвистики было бы невозможно и недопустимо без борьбы не только с буржуазной лингвистикой, но и с ее отражениями в трудах ученых, считающих себя марксистами. В работах Н. Я. Марра можно видеть многократные выступления против таких ученых, являющихся носителями индоевропеизма. Так, напр., он выступал против воззрений А. Богданова на язык, доказывая, что они являются антимарксистскими, некритически усвоенными из буржуазного языкознания. Но в целом работа Н. Я. Марра за последние десять лет заключалась в том, чтобы строить «новое учение о языке», марксистско-ленинское по своей методологии. Посмотрим же, что представляет собою новое учение о языке по сравнению с индоевропеизмом в настоящее время.

8.

Вкладывая в название «яфетической теории» за последние десять лет новое содержание, Н Я. Марр писал: «Яфетическая теория в отношении индоевропейской из своеобразной ее разновидности обратилась в ее противоположность. Индоевропеистика утверждала, да и теперь (вопреки своему отречению) утверждает в своих работах, что вначале был один общий у всех индоевропейцев язык, так называемый праязык. Яфетическая же теория в корне отрицает существование праязыка. Она признает общность не языка, а языков, ранее более многочисленных, чем в древнейшие, письменно засвидетельствованные эпохи, и тем более в наши дни. Но эту общность языков, обращающуюся в их единство, яфетидология считает будущим делом, которое объединит не только индоевропейские, но и все языки мира. Это положение нового учения переворачивает пирамиду, стоящую у индоевропеистов вверх основанием и вниз вершиною, и ставит ее в естественное положение» [1]. Это утверждение, выведенное на основании многочисленных лингвистических исследований, конечно, является марксистски правильным. Но Н. Я. Марр этим не ограничивается. Он говорит, что «пирамида» в данном случае для него только образ, который должен ясно показать фиктивность праязыка.

Но сущность «праязыка» не только в его фиктивности, а и в том, что он выведен из характерно подобранного буржуазными учеными языкового материала. «Все ли так называемые индоевропейские языки, однако, она (индоевропеистика — И. К.) изучала и все ли одинаково? Конечно, нет. В первую очередь — древние мертвые, в том числе на Востоке классово-господствовавшую речь Индии — санскрит, а из круга так называемых иранских особенно тщательно — все древне-письменные — великодержавный ахеменидский, религиозный, авестийский, феодальный, также и культовый и эпический пехлеви, все мертвые языки, и менее рачительно так называемый новоперсидский, разумеется, главным образом книжный, язык различных господствовавших сословий или классов» [2]. Совершенно правильно Н. Я. Марр

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория — орудие классовой борьбы», «Юный пролетарий», 1930 г., № 17/18, стр. 19.

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория — орудие классовой борьбы», стр. 20.

видит во всем этом классовость установки. Так, новоперсидский язык интересует индоевропеистику с целью «извлечь факты для разъяснения недоуменных вопросов по близким сердцу специалистов письменным, особенно мертвым языкам» [1]. Не лучше обстоит дело и с европейским языками. Не говоря о нацменовских языках, следует отметить, что, напр., «сам родной французам язык абсолютно не изучен генетически, а по пережиточному отношению господ римлян к некультурным языкам Европы, поддерживавшемуся наследственно папской церковью к массовым живым языкам, и специалисты-лингвисты старой школы, если находят общие слова в родной французской речи с латинским, то безоговорочно утверждают, что эти слова заимствованы из языка благородных римлян, ну и хотя бы еще вульгарной речи, но все-таки римлян» [2]. То же самое утверждалось специалистами по романским языкам в отношении баскского языка, иранистами в отношении армянского и грузинского и т. д. «Что это политика или чистая наука?» [3] — спрашивает Н. Я. Марр.

В своих многочисленных трудах он доказал, что ученые-индоевропеисты в первую очередь и больше всего интересовались языками господствующих классов Европы. «Разоблачив палеонтологией речи несостоятельность такого метода в работе, яфетидология отвечает, что это политика, но скверная политика, что это наука, но нечистая наука» [4], — отвечает Н. Я. Марр на поставленный вопрос. Если до Октябрьской социалистической революции Н. Я. Марр обнажил всю односторонность сравнительной фонетики индоевропеизма, так как фонетические законы по существу были выведены на основании материала из небольшого числа однотипных так называемых индоевропейских языков, то за последние десять лет он доказал, что сама-то сравнительная грамматика индоевропейских языков, если даже к ней подойти с методологией индоевропеизма, является учением о классических, мертвых языках, в рамки которых загнаны живые европейские языки. Так, напр., относительно немецкого языка им сделаны с этой точки зрения очень важные выводы, которые показывают, что в немецком языке сохранилось очень большое количество яфетидизмов, которые не могли быть объяснены индоевропеистами. Своими исследованиями, посвященными немецкому языку, Н. Я. Марр доказал, что немецкий язык сохранил в себе многие факты древнейшего состояния языков, замечаемые, напр., и в армянском языке, и отсутствующие в мертвых классических. Выводы эти тем более важны, что ими отвергается формально-хронологический подход к истории языков. Не хронологическое расположение языковых фактов письменности определяет место того или иного языка в истории языкотворчества, а структура языка в целом, рассматриваемая с точки зрения стадиального развития глоттогонического процесса. При таком подходе делаются для нас понятными те «непонятные» для всякого последовательного индоевропеиста выводы Н. Я. Марра, устанавливающие, что многие живые языки современности по своей структуре древнее древних (напр., греческого и латинского). Кстати нелишне будет вспомнить очень любопытный пример в качестве иллюстрации к выводам Н. Я. Марра, а именно: переводить тексты с мертвого, древне-армянского (феодального) языка на русский значительно легче (иногда перевести можно слово в слово, форма в форму), чем на современный армянский язык, так как последний сохранил в себе бо-

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория — орудие классовой борьбы», стр. 20.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

лее значительное количество переживаний дофлективного состояния, чем уже мертвый древне-армянский. Таким образом, индоевропеистская схема истории языков, в том числе самих индоевропейских, оказывается совершенно несостоятельной.

9.

«Для индоевропеистики язык живет своей имманентной закономерностью, тогда как для нового учения язык есть надстроечная категория, увязанная своим происхождением с жизнью, причем эта увязка не происходит внешним образом или механически при посредстве звуковых частей речи, отрешенных от смысла звуковых явлений и от звукового ее оформления, т. е. не происходит с помощью формально воспринимаемой фонетики и морфологии, что индоевропеистика кладет в основу своих работ.

Новое учение увязывает язык с жизнью при посредстве идеологии, рассматривая его как орудие производства, имеющее функцию выражать то, что общественность коллективно ощущает потребность высказать, и выражать так, как это необходимо для общественности» [1].

Рассматривая и изучая язык, как идеологическую надстройку, Н. Я. Марр в противоположность индоевропеизму дает единую картину развития языкотворчества от времен очеловечения обезьяны до наших дней.

Благодаря новому учению о языке перед лингвистами и обществоведами открылись невиданные до сих пор широчайшие горизонты, ведущие их вглубь сотен тысяч лет истории человечества. Теперь лингвистика получила возможность изучать язык от времен, когда не было звуковой речи, «когда орудием производства служил не звуковой символ, не сложный, соответственно приспособленный и развитой аппарат членораздельного произношения, а линейный язык, реализуемый рукой, и одновременно орудием производства, язык первоначально вовсе не разговорный, а производственный» [2]. Таким образом, удалось, вопреки утверждениям индоевропеистики, доказать, что не только необходимо заниматься проблемами происхождения языка, но и то, что искать ответа следует не где-то в области фиктивных праязыков, а в производстве примитивного человека. Тогда язык представлял собою не то, что мы теперь думаем о языке современного человека.

Выделившись из производства, язык в течение очень длительного периода находился в диффузном состоянии, т. е. все виды движения, представленные в языке, включая и выкрики, составляли единое целое. Постепенно, по мере развития первобытного общества, из кинетической речи (т. е. языка движений) выделяется ручная, которая вследствие качественного изменения мышления человека, а также вследствие многих неудобств, в дальнейшем уступает место звуковой речи.

Где же материал, на основании которого делаются такие выводы, спросит индоевропеист? Ответ он найдет в многочисленных исследованиях Н. Я. Марра по палеонтологии речи, в современных языках, а также в материалах по линейной речи, собранных в разных странах мира, в том числе в некоторых местах СССР. Несмотря на это, все-таки индоевропеист останется при своем, так как он не сможет пе-

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория — орудие классовой борьбы», стр. 20.
[2] Там же.

решагнуть через принципы индоевропеизма. Еще недавно один из наших индоевропеистов, решившийся заняться проблемой «диалектики» языка, писал в том смысле, что все эти выводы Н. Я. Марра, как и палеонтологический метод, с помощью которого они сделаны, для него являются «фикцией». И это вполне понятно, потому что лингвист, всю свою жизнь штудировавший труды индоевропеистов и вне этих трудов не видящий ничего научного, никогда не постигнет подлинной диалектики языкотворчества. Он будет всегда исходить не из многообразных фактов языков различных систем и классов, а будет лишь (если даже пожелает заниматься марксистской лингвистикой) подгонять известные ему факты под абстрактные схемы.

Новое учение о языке считает, что «звуковая речь началась сравнительно поздно, во всяком случае в связи с переходом человечества с естественных орудий производства на искусственные, им созданные и отработанные после этого перехода»[1], причем «звуки речи не имеют ничего общего с естественным животным звукоиспусканием»[2]. Это не означает, что животные звуки отрицаются. Наоборот, Н. Я. Марр говорит: «Животные звуки были, разумеется, и у человека в его состоянии еще зверином. Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над ее производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней»[3]. Звуковой язык тоже пережил диффузное состояние. «В первый момент выработаны сложные звуковые комплексы: первые звуки были все сложные, все аффрикаты, так обильно сохранившиеся в яфетических языках»[4]. По мере развития человеческих обществ фонетический состав каждого языка сокращался, а фонемы, звуки, имеющие социальное значение, принимали более простой вид. И все же пережитки глубочайшей старины имеются в языках многих высококультурных народов. Как эта картина непохожа на ограниченную со всех точек зрения индоевропеистскую историю языков!

10.

Следует, впрочем, особо отметить, что в сущности даже история «семей» языков, составленная на основе методологии индоевропеизма, далеко не блещет полнотой, когда мы заглядываем в область сравнительной грамматики, напр., угро-финских или же семитических языков. Это объясняется именно тем, что приемы исследования и синтезирования, примененные до известной степени удачно в области индоевропейских языков, не подошли к другим «семьям». Сравнительная грамматика других языковых «семейств» дается с трудом и с натяжками. Мы уже не говорим о том, что буржуазные ученые ничего не смогли поделать с такими группами языков, как языки Кавказа. Если некоторые «семьи» были названы по расовому признаку, то кавказские языки объединены индоевропеистами в группу с географическим названием. Такой беспомощной оказалась индоевропеистика в том, в чем уже на первых стадиях своего развития оказалось сильным новое учение о языке!

По учению Н. Я. Марра, языки большинства народов Кавказа являются языками одной системы так же, как в подавляющем числе

[1] Н. Я. Марр, «К происхождению языка», «По этапам развития яфетической теории»), М.—Л., 1926, стр. 271.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

языки европейские (отчасти живые и отчасти уже мертвые)—языками другой системы. Каждая система языков имеет свою типологию: один —с признаками достаточно устоявшимися, другие—с признаками переходными. С этой точки зрения языки мира разделяются на четыре категории. К самой древней типологии относятся полисемантические, моносиллабические языки типа китайского языка и африканских живых языков. Более позднего происхождения языки турецкой, монгольской и угро-финской системы. Следующей категорией являются яфетические и хамитические языки. И, наконец, сравнительно новой типологией обладают языки семитической системы и некоторые индоевропейские (древне-индийский, греческий, латинский). Развитие языков шло от аморфно-синтетического состояния через агглютинацию к флективности. «Так называемые флективные языки пользуются агглютинацией, добавим, как пережиточным явлением, ибо флексия и агглютинация, как и аморфорно-синтетическое состояние, — три хронологически последующие трансформации, причем среди них флективная трансформация представляет наиболее развитой тип человеческой речи» [1].

В противоположность индоевропеистике, развитие языков согласно новому учению о языке шло и идет весьма сложными путями. По этому поводу Н. Я. Марр пишет: «Как в этой формальной стороне, так и во всех других признаках, и формальных и идеологических, различных систем, поскольку каждая из них в общем есть продукт диалектического процесса, порождающего новый вид системы выявлением рядом с тезой антитезы и их борьбой, отражавшей борьбу соответственных сил в общественности, нет системы, свободной от неизжитых особенностей прежней системы или даже нескольких прежних систем» [2]. Следовательно, нельзя в языках предполагать ту чистоту и то единообразие типологии, которые представляются индоевропеистам в процессе изучения языков. Напр., строгость порядка слов во французском предложении говорит о пережитках аморфно-синтетической стадии развития, так как именно в аморфно-синтетических языках смысл слова меняется от их расположения.

Лингвист должен учитывать и такой важный момент, как скрещивание языков. Изучение состояния того или иного языка без учета фактов скрещивания невозможно, так как нельзя определить типологию данного языка. Типология языка, согласно новому учению о языке, определяется по целому ряду признаков, составляющих совокупность координат типологии. Так, например, координатами древнейшей типологии являются: 1) аморфность, т. е. отсутствие морфологии, 2) моносиллабизм, т. е. односложность слов, 3) синтетизм строя языка, 4) отсутствие или слабая диференцированность категорий речи и 5) полисемантизм, т. е. многозначимость слов. Вот с какой четкостью новое учение о языке определяет место языка в языкотворческом процессе с точки зрения диахронии. Но этого, конечно, мало. В классовом обществе языки усложняются значительно больше. В них отражается вся сложность социальных взаимосвязей классовых обществ всех формаций. В отличие от индоевропеистов так называемого социологического направления, которые в основном дальше дюркгеймианского представления об обществе не пошли и не могли пойти, Н. Я. Марр в своих исследованиях говорил о классовых языках эксплоататоров и эксплоатируемых. На основании глубочайших исследований он твердо указывал на бо́льшую близость феодальных языков Закавказья — древне-армянского и древне-грузинского — меж-

[1] Н. Я. Марр, «Об яфетической теории», ПЭРЯТ, стр. 205.
[2] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», Баку, 1928, стр. 130.

ду собой, чем между древне-армянским и современным армянским и древне-грузинским и современным грузинским. Он подчеркивал классовый характер таких языков, как классический греческий, латинский, пехлевийский и др. Чрезвычайно доказательна его работа, посвященная бретонскому языку, который, находясь на положении нацменовского языка, насильственным образом вытесняется французским языком. Описательному социологизму западных индоевропеистов (кстати умиляющих своей «прогрессивностью» некоторых индоевропеистов и их спутников в СССР) Н. Я. Марр противопоставляет классовый анализ языков, который делается путем исследования и формы, и содержания языка. Этот анализ, при котором язык рассматривается как идеологическая надстройка, конечно, ничего общего не имеет ни с методом А. Мейе, ни Ф. Соссюра, ни других индоевропеистов.

11.

Совершенно по-иному рассматривает новое учение о языке возникновение и развитие категорий речи. По существу говоря, индоевропеистика говорит о развитии категорий в очень ограниченном смысле. Как в ее фонетике, так и в вопросах морфологии и категорий речи «историзм» носит специфический характер: это, так сказать, статистический или же, в лучшем случае, эволюционный историзм, само собою разумеется, насквозь идеалистический. По новому учению о языке категории речи развиваются диалектически. Н. Я. Марр исходит из целого в речи, внутри которого происходит борьба противоположностей. В индоевропеистике основное — фонема. Поэтому все индоевропеисты изучают языки, начиная с фонетики. Новое учение о языке интересуется мыслью человека, выраженной в языке. Поэтому на передний план выдвигается синтаксис. «Техника звуковой речи, — пишет Н. Я. Марр, — начинается с синтаксиса, главнейшей вообще части всякой звуковой речи. Синтаксис отличается именно тем, что в нем идеология и техника неделимы, еще нерасчлененно слиты, диффузны, не диференцированы так же, как неделимо и не диференцировано было еще общество без разделения труда и без социальной диференциации в строе, собственно без осознания такого разделения труда и такой социальной диференциации. Такое состояние можно усвоить звуковой речи лишь на самых начальных этапах ее развития. Полностью совершенно выдержанный диффузный характер синтаксиса присущ дозвуковой речи человечества, речи линейной или кинетической» [1]. В другой своей работе Н. Я. Марр указывал, что «синтаксис — это самая существенная часть звуковой речи: как учение о звуках лишь техника для морфологии, так и морфология лишь техника для синтаксиса» [2]. В этой же работе сказано, что: «Звуковая речь начинается не только не с звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения, мысли активной и затем пассивной, т. е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи» [3].

Исследования Н. Я. Марра показывают, что «постепенно из частей предложения выделяются имена». Потом после имен идут местоиме-

---

[1] Н. Я. Марр, «Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариев», Л., 1930 г., стр. 33.

[2] Н. Я. Марр, «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», сб. «Языковедение и материализм», Л., 1929 г., стр. 6.

[3] Там же, стр. 37.

ния, появляются затем прилагательные, союзы и др. части. Глагол является последним образованием.

Вскрыть картину возникновения категорий речи удалось благодаря разнообразнейшим фактам, переживаниям древних эпох, найденным в языках яфетической сиситемы, — причем следует отметить, что в этой работе сыграла решающую роль палеонтология речи, возможная лишь благодаря открытию четырех лингвистических элементов. Диалектико-материалистическая методология нового учения о языке дала возможность ответить на вопросы, над которыми бьются индоевропеисты и на которые они по вполне понятным причинам не могут ответить. Языки яфетической системы дали такие большие возможности для объяснения многих сторон языкотворчества, что теперь вполне ясно, что без изучения хотя бы одного яфетического языка лингвист не будет в состоянии усвоить методы, установленные новым учением о языке, и постоянно будет тянуть в сторону индоевропеизма.

Особое место в исследованиях Н. Я. Марра занимают имена числительные. Анализ числительных дал возможность заглянуть в древнейшие эпохи развития человеческого мышления и языкотворчества. Удалось объяснить, почему так различны системы счисления у народов разных групп. Формалистические манипуляции, совершаемые индоевропеистами над числительными и в конце концов не дающие возможности объяснить причины принципиальной разницы между системами счета, кажутся весьма примитивными и схоластическими после их объяснения новым учением о языке.

Анализ всего языкотворчества человечества показывает, что различные стадии в развитии мировоззрения во всех языках оставили свои следы. Человек доклассового общества на различных стадиях своего развития по разному воспринимал внешний мир. В классовом же обществе, когда возникает элемент борьбы внутри обществ, это восприятие сильно изменяется и зависит от его классового состояния. Мышление меняет свои формы, меняется и язык, но на формах последнего иногда остаются отпечатки прошлых эпох. Числительные, как категории, без которых не может обойтись ни один человеческий коллектив, сохранили в себе следы различных мировоззренческих эпох. «Часть речи, ныне самая отвлеченная и самая практическая, вначале самая вещественная и самая научно-философская, — числительные связаны со всеми сторонами созданной трудовым процессом «человечности», или подлинного мирового, а не классового, да еще школьно надуманного гуманизма, со всеми творческими начинаниями человечества как в области материально-жизненных потребностей, так не менее непреоборимых ныне в их самодовлеющем устремлении умозрительных исканий правды» [1], — писал Н. Я. Марр. После того, как им были исследованы числительные с точки зрения единства языкотворческого процесса, стала понятна та пестрота, которая существует хотя бы в числительных языков одной системы (если, напр., взять французский, латинский, русский и некоторые еще языки).

Изучение категорий речи, их истории и нынешнего состояния имело бы огромное практическое значение для наших лингвистов и других специалистов — обществоведов, если бы... если бы не то безразличное отношение к этим достижениям нового учения о языке, которое очень часто замечается у наших научных работников. Под влиянием индоевропеистики, канонизировавшей в основном норма-

---

[1] Н. Я. Марр, «О числительных», сб. «Языковедные проблемы по числительным», Л., 1927, стр. 1.

тивную грамматику рабовладельческого общества, наши лингвисты и педагоги не делают даже попытки перестроить теорию языков народов СССР. Мы знаем, что требование историзма в преподавании языков поставлено ЦК ВКП(б) еще три года назад. А где этот историзм на практике? В чем он проявляется? Едва-ли кто-либо сумеет дать точный ответ. Приблизительно скажут о том, что сопоставляются нынешние языки с их дореволюционным состоянием. Это хорошо, но этого мало. А представляет ли себе наше молодое поколение, что такое с исторической точки зрения грамматические категории? Получают ли ответ наши учащиеся на вопрос, почему в одних языках народов СССР имеются роды, а в других нет, почему в одних глагол склоняется, а в других нет, что такое по существу падежи, почему в склонении, напр., «конь» и «лошадь» множественное число сходно и т. п.? На эти вопросы ответов не получают и не могут получить до тех пор, пока не будут усвоены достижения нового учения о языке, и до того момента, пока борьба с индоевропеизмом не примет надлежащего, делового характера. Именно в наши дни, когда пишутся грамматики и разного рода пособия по языкам, необходимо, чтобы результаты исследований Н. Я. Марра по вопросам категорий речи были использованы исчерпывающе. В противном случае индоевропеизм еще долгие годы будет через книгу, через школу внедряться в сознание молодого поколения нашей страны.

Социальное значение фонетических и морфологических явлений разъясняется новым учением о языке на каждом шагу. В противоположность абстрактному методу изучения фонетики и морфологии новое учение о языке изучает эти факты как идеологическую надстройку в неразрывной связи с проблемами мышления и материально-производственных отношений. Так, напр., Н. Я. Марр говорит: «... звуковые законы, во-первых, законы не физиологические, а социологические, и, как таковые, они возникли лишь на определенной ступени развития звуковой речи, именно на той ступени развития, когда надстроечный мир, мир отвлеченных представлений и отвлеченных понятий, так оторвался в господствующем классовом сознании от реального материального мира, что их взаимоотношения стали выражаться техникой отвлеченного порядка, сначала символикой окончаний или представок, суффиксов и префиксов, выработанных из цельных слов и успевших, однако, утратить свое присущее им ранее материальное значение, а затем символикой отдельных звуков такого же происхождения» [1]. Уже из этих слов видно, как диаметрально противоположны индоевропеистика и новое учение о языке в их отношении к вопросам фонетики и морфологии.

Формальному изучению Н. Я. Марр противопоставлял изучение материалистическое. Изучая звуковые соответствия, Н. Я. Марр, однако, интересуется не только схождениями, но и расхождениями. Для индоевропеистики, при ее формализме, расхождения не представляют интереса, и лишь вызывают неприятное чувство, связанное с непониманием факта по существу. Новое учение о языке видит в звуковых корреспонденциях отражение социальных, классовых явлений, поэтому и расхождение является для него понятным фактом. Так, напр., Н. Я. Марр говорит: «Чередование свистящих с шипящими — это согласованность двух близких друг другу кругов языков, двух групп, как бы договоренность двух хозяйственных коллективов, да-

[1] Н. Я. Марр, «Родная речь — могучий рычаг культурного подема», Л., 1930 г., стр. 25.

лее — двух классов, двух племенных групп»[1] и т. д. В другой работе он следующим образом высказывается об интересах нового учения о языке и фонетике: «... нам важны не звуки сами по себе, а их использование в общественном строительстве, выявляющее самих строителей и эпохи созидания ими речи». И эти слова лишний раз подчеркивают, как велика разница между индоевропеистическим интересом к звуковым вопросам языков и интересами нового учения о языке.

Отсутствие такого историзма в вопросах фонетики и морфологии в наших книгах по языку следует признать огромнейшим недостатком. Странно как-то подумать, что с кафедр высшей школы, техникумов и средней школы на многочисленных языках народов СССР дается формально и, по существу, классово-чуждое объяснение фактов языка, в то время когда в нашем распоряжении находится огромное количество еще неиспользованных результатов исследований Н. Я. Марра о происхождении и развитии категорий речи. Только традиционно крепко сидящим «в умах» индоевропеизмом можно объяснить этот печальный факт.

12.

Особым достижением нового учения о языке является область семантики. Современная индоевропеистика в поисках новых путей делает попытки в лице ее некоторых представителей и групп стать на социологические основания и заняться семантическими проблемами. Так, напр., шухардтианцы занимаются семасиологическими вопросами в известном журнале «Слова и вещи». Несмотря на использование огромного материала, накопленного и собираемого буржуазной наукой, результаты работ чрезвычайно ограничены, а главное в основном неверны вследствие неправильности самой методологии. Ученые при разрешении семантических вопросов подходят упрощенно-исторически. При наличии формализма в методологии так оно и должно быть. Однако, даже у нас в СССР интерес к их работам довольно часто ведет к некритическому усвоению их выводов. В частности указанный журнал пользуется вниманием у преподавателей европейских языков. Это тем более странно, что в нашем распоряжении есть достижение в области семантических проблем в виде законов, установленных Н. Я. Марром, о которых широкие круги преподавателей ничего не знают. Значение исследований Н. Я. Марра в этой области заключается в том, что в них учитываются р а з н ы е стадии развития мышления. Еще в доклассовом обществе человеческое мышление претерпело ряд изменений, которые были связаны с развитием производства и техники. В классовом же обществе эти изменения еще значительнее. Классовая борьба, новая экономика и техника — все это приводит к огромным скачкам в мышлении, что и находит свое отражение в языке. По указанным именно причинам семантика представляет большую сложность для исследователя. Исследователь, занимаясь анализом материала, должен очень часто отрешаться от свойственных ему приемов мышления и представлять себе мышление человека весьма отдаленнейших эпох. Об этом как раз почти не думают индоевропеисты, и если и учитывают этот момент, то не на основании системы выводов о стадиальности мышления, как это видим в новом учении о языке, а чисто эмпирически.

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», Баку, 1928 г., стр. 73.

По новому учению о языке «значения слов возникали не по форме, не по материалу, не по технике, а по функции, определявшейся потребностью общественности и мировоззрением, и без учета этой идеологической стороны никакой генетической истории материальной культуры нельзя строить» [1]. Это и есть закон функциональной семантики. Огромнейший фактический материал, имеющийся в исследованиях Н. Я. Марра, достаточно убедительно иллюстрирует этот закон. Слова, напр., означающие «дуб», на более поздней стадии получают значение «хлеба», так как пищевая функция желудей переходит на новый продукт. Функции собак на определенной стадии переходят к лошади. Это обстоятельство отражается на языке: слово, означающее «собака», получает новый смысл — «лошади». Если этот закон, выведенный с помощью палеонтологического метода, говорит о том, что человечество творило слова, используя старые запасы слов, то о том же говорят и другие закономерности, вскрытые новым учением о языке. В связи с развитием мышления и прохождением его через ряд стадий менялось у человека отношение к действительности. Он воспринимал сперва целое, а затем уже в целом видел части. Части он называл по целому, внося лишь изменения в оформление названий. О том, что семантика менялась в зависимости от изменения в мышлении, говорит именно тот факт, что новому учению о языке удалось вскрыть так называемые семантические пучки или гнезда. Первоначально ничего не означавшие элементы, т. е. асемантичные элементы, стали приобретать значение, и притом одновременно много значений, т. е. становились полисемантичными. Многозначимый элемент, напр., стал заключать в себе семантический пучок «рука» — женщина — вода». Установить связи между этими понятиями очень трудно, так как прежде всего необходимо отрешиться от нашего современного способа мышления. Многочисленные факты из яфетических и неяфетических языков являются доказательством закона семантических пучков. Так, напр., и в русском языке слова «рука — ручей — русалка» составляют семантический пучок.

Если сопоставить семантику, вскрываемую индоевропеистикой, с семантическим анализом Н. Я. Марра, то прежде всего бросается в глаза та всеобщая связь языков в едином языкотворческом процессе, которая неизменно вскрывается новым учением о языке. Семантические исследования индоевропеистов вращаются в большинстве случаев в кругу однотипных языков, на основе формальной логики и дальше так называемых «исторических» периодов не идут. Не приходится, конечно, говорить об идеалистической методологии индоевропеизма в семантическом анализе, что вносит сверх сказанного принципиальную разницу по сравнению с диалектико-материалистической методологией нового учения о языке. Особенно важно отметить, что семантику Н. Я. Марр изучал в движении, причем в движении, полном противоречий. В то время, как индоевропеистика имеет дело с готовыми понятиями и представлениями, причем довольно часто связанными с узким кругом человеческих обществ, больше всего классовых обществ, Н. Я. Марр вникал в первоисточники представлений и понятий, вложенных в то или иное слово. Поэтому он имел возможность истолковать такие недоуменные для индоевропеистов факты, как, скажем, совпадение терминов у народов Закавказья и нашего крайнего Севера. Для Н. Я. Марра существуют не разграниченные языки «рас», народов «высоких» и «низких» культур, языки разных

[1] Н. Я. Марр, «Лингвистически намечаемые похи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры», сообщения ГАИМК, I т., Л., 1926, стр. 68.

«семей», а языки разных стадий языкотворчества. Он подвергал анализу не языки, расположенные индоевропеистами в строгом хронологическом порядке так, что между ними порой воздвигается непроницаемая стена; наоборот, перед ним постоянно находится картина единого, непрерывного глоттогонического процесса, идущего от тех времен, когда человечество представляло собою группы весьма примитивных обществ с многочисленными диффузными языками. При такой широкой и глубокой по времени перспективе понятно, что все движение языкотворчества представляется как смена стадий, связанных с сменой хозяйств, техники, общественных формаций, идеологии, причем каждая стадия связана с переворотами, с взрывами в базисе и надстройке.

13.

Неразрывно с историей языкотворчества Н. Я. Марр рассматривает и историю письма. С точки зрения нового учения о языке понять историю письменности возможно не иначе, как в связи с стадиальным развитием языка. Н. Я. Марр утверждал, что «письменность своими началами далеко не позднейшее явление сравнительно со звуковой речью. Письменность и настоящая-то, как она ныне понимается и применяется в быту, пережила, как язык, этапы развития от линейно-образного типа до буквенно-фонетического»[1].

Новое учение о языке подходит к задаче исследования письмотворчества с методологией, применяемой в исследовании языкотворчества. Так, напр., в работе об абхазском аналитическом алфавите, весьма важной с принципиальной стороны, Н. Я. Марр писал: «Письмо, рядом с языком, есть орудие общения людей как внутри, так постепенно и вне сложившихся общественных организаций. История письма идет по стезям истории языка, с той разницей, что на развитие поступательного движения письма легче влиять, при письме не приходится считаться с теми факторами, что у языка, так в частности с массовой «психологией», суммой наследственных навыков, слагавшихся в итоге накопления рефлексов, которая, впрочем, подчиняется законам развития общественности, проходит тот же созидаемый общественностью путь от племени, группировки людей не по физическим, а по хозяйственно-производственным признакам, через нацию и государственность к общечеловечности»[2].

Отмечая специфическую особенность языка и констатировав ее отсутствие в письме, Н. Я. Марр вместе с тем видел связующее их звено. Этим звеном является мышление. Так, говоря о письме древнейшего человека, он отмечал особенность его мышления и выражение его в письме. «Как жил он лишь коллективной жизнью, так и мыслил коллективно, не имея представления об индивидуальном в голове, как не было его в общественности. Речь, какая бы она ни была, была без осознания элементов и без специальной службы связи, кроме связи повторного воспроизведения символа общего восприятия. И такая речь не могла себя выразить в письме ничем, кроме непрерывных повторяющихся узоров»[3].

Благодаря учению о кинетической речи теперь разъяснено многое

---

[1] Н. Я. Марр, Яфетидология в ЛГУ («Известия ЛГУ т. II) Л. 1930 г., стр. 53.
[2] Н. Я. Марр, «Абхазский аналитический алфавит», изд. ЛИЖВЯ, Л. 1926, стр. 16
[3] Н. Я. Марр, «Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории», «Книга о книге», Л., 1927, стр. 76.

из того, что вызывало недоумение в письме некоторых народов. Так, говоря о хеттском письме, сложном в некоторых отношениях, Н. Я. Марр указывал на отражение в нем кинетической речи. «Особенно вызывает теперь наше внимание хеттское мешаное идеографическое-фонетическое, фигурно-линейное письмо, где в числе идеографических фигур в значении различных божеств особенно часто появляется рука в различных видах» [1]. Изучение письма в неразрывной связи с изучением языкотворчества дало возможность Н. Я. Марру установить происхождение отдельных систем письма. Выяснилось, напр., что возникновение клинописи связано с аморфно-синтетической речью. И тут помогли те же четыре лингвистических элемента. Древнейшая клинопись — в сущности элементное письмо. Также выяснилось, что фонетическое письмо возникло «с возобладанием языков флективной системы, по выдвижении значимости отдельных звуков и возобладании индивидуального их осмысления как глоттогонических единиц...» [2].

Следует, однако, отметить, что Н. Я. Марр интересовался письмом не только с точки зрения формы. В своих исследованиях главное свое внимание он направлял на общественную сторону развития письма, именно на процесс развития письма по стадиям. Этот интерес связан непосредственно с практикой, и в особенности с практикой строительства письмен многочисленных народов СССР. Н. Я. Марр указывал на причины расхождения алфавитов на Западе, несмотря на их общую латинскую основу. «Письмо осталось латинское, но с усилением феодализма и феодализованных национальностей единое латинское письмо настолько индивидуализовалось по каждому народу, что общность европейского письма есть собственно фикция, фактическая разобщенность в письме, явное наследие средневековья в Европе» [3], говорил он. Им отмечается классовая сущность письма, в особенности роль некоторых письмен в классовой борьбе. Подобно разобщению в письме, в Европе существует разобщение и в так называемых научных транскрипциях. Несмотря на утверждение, что лингвистика имеет общую научную транскрипцию, на деле можно заметить большую пестроту в этой области. А потребность в общей системе записи звуков, повидимому, существует и у буржуазных ученых. Вскрыв причины существующего в буржуазной науке разнобоя в так называемой «научной транскрипции», новое учение о языке выдвигает выработанный в течение нескольких десятилетий алфавит, названный Н. Я. Марром аналитическим, причем не только «для науки», а для науки и практики. В основе этого алфавита лежит математический принцип. Но в аналитическом алфавите важна не только техническая сторона, а главным образом общественная. Алфавит, которым пользовался Н. Я. Марр в своих исследованиях, является теоретическим образцом для построения интернационального алфавита. Нечего и говорить, что для индоевропеистов эта сторона мало, а то и совсем непонятна. Представители индоевропеизма рассматривают аналитический алфавит, как один из индивидуальных алфавитов, в частности необходимый исследователю яфетических языков. Сопоставляя аналитический алфавит с многочисленными, беспринципными «научными» алфавитами индоевропеистов, мы должны отметить и это достижение нового учения о языке, неразрывно связанное с общими положениями учения.

---

[1] Н. Я. Марр, «Язык и письмо» изв. ГАИМК, VI т., Л., 1930, стр. 20.
[2] Н. Я. Марр, «Язык и письмо», Л., 1930, стр. 21.
[3] Н. Я. Марр, «Абхазский аналитический алфавит», Л., 1926, стр. 20.

Еще в своем курсе «Яфетическая теория» (Баку, 1927 г.) Н. Я. Марр, говоря о ходе языкотворческого процесса, обозревая его с древнейших эпох до наших дней, делал вывод, что «будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, дооктябрьском, да и в том бывшем мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный» [1].

Это тот важнейший вывод, который сделан на основании нового учения о языке и в результате тогда уже 39-летней работы Н. Я. Марра.

Значение этого вывода стало особенно важно после того, как тов. Сталин на XVI съезде ВКП(б) сформулировал учение марксизма-ленинизма о движении языкотворчества всего человечества к единому языку в будущем, общечеловеческом бесклассовом обществе. Стало более чем ясно, что методология нового учения о языке — методология диалектического материализма, раз она привела к столь важному для нас выводу. Вместе с тем стало ясно и то, что вся борьба с индоевропеизмом, которую вел Н. Я. Марр, — борьба не случайная, а глубоко принципиальная, неразрывно связанная с пролетарской революцией.

Язык, как идеологическая надстройка, представляет самый сложный предмет изучения среди всех остальных надстроек, и именно потому, что в любом языке сохранились факты таких эпох, от которых не дошли до нас никакие другие факты или сохранились лишь весьма незначительные для изучения других надстроек. Индоевропеизм не дает возможности осознать это; наоборот, его методология, выработанная на древне-письменных языках, как раз внушает обратную мысль, что изучение языка носит теперь почти такой ясный характер, как, напр., изучение математики. И действительно, сравнительная грамматика индоевропейских языков, т. е. сравнительная фонетика и морфология (но не синтаксис) доведена до последней степени обработанности (конечно, с точки зрения формальной методологии). После этого кажется, что в основном индоевропеистика по своей точности соприкасается с математикой. Так, например, о математической точности ее всегда говорил один из представителей старой профессуры у нас. Яфетическая теория вскрыла всю обманчивость такого представления о характере индоевропеистики. Она доказала, что, несмотря на большие заслуги основоположников индоевропеизма и некоторых из их продолжателей, индоевропеистика не является наукой о языке в подлинном смысле слова, т. е. наукой о языке как идеологической надстройке. Новому учению о языке удалось доказать не только то, что индоевропеистика изучила на базе ограниченного круга языков господствовавших классов историю форм за исторически сравнительно очень небольшой период, но что методология, выработанная ею, не пригодна даже для изучения современных живых языков Европы. Однако, к сожалению, этого не знают довольно часто и наши анти-

[1] Н. Я. Марр, «Яфетическая теория», Баку, 1927, стр. 19.

религиозники, и литературоведы, и историки, и правоведы. Вместе с тем наблюдается даже такое явление, что для гальванизации индоевропеизма отдельные представители его на Западе используют кое-что из нового учения о языке. Правда, «такое» использование не оживляет самой индоевропеистики. Но это уже вопрос иного порядка.

16.

Больше 45 лет Н. Я. Марр вел борьбу на труднейшем участке науки. За последние десять лет эта борьба носила тем более важный характер, что она велась в основном с позиций марксизма-ленинизма. Эта борьба особенно должна быть отмечена в истории науки и, в частности, в истории науки о языке также и потому, что она велась в весьма сложных условиях, когда поддержка была очень слаба и когда индоевропеистика старалась всячески опорочить яфетическую теорию не только за границей, но и через своих представителей у нас в СССР. Индоевропеизму свалить новое учение о языке не удалось. Но зато новое учение о языке полностью разоблачило сущность индоевропеизма. Надо только, чтобы это достижение проникло во все углы наших общественных наук.

Разрушив все положения индоевропеизма, как принципы глубоко-классовые, проникнутые идеологией буржуазии, Н. Я. Марр выдвинул разработанные им на основе огромнейшего количества исследований методологические положения и методы изучения языка, соответствующие методологии диалектического материализма.

В положительной части работ Н. Я. Марра существенно то, что принципы нового учения о языке выведены из самих фактов. Его теория верна именно потому, что она соответствует объективной действительности. Отсюда и вывод. Нам необходима огромная работа для очищения отдельных общественных наук от элементов индоевропеизма, элементов, иногда ловко притаившихся и не замечаемых теми, кто не знает ни о сущности индоевропеизма, ни о достижениях нового учения о языке. Вместе с тем нужна широкая популяризация нового учения о языке для того, чтобы оно было максимально использовано не только нашей наукой, но и нашей школой. В числе задач второй пятилетки находится исключительно сложная задача переделки сознания людей нашего социалистического общества. Но переделать сознание быстро и успешно можно лишь тогда, когда крепко владеешь и таким орудием, как язык, и когда знаешь историю этого языка и историю мышления. Грандиозные картины истории языка и мышления открыты гениальным ученым Н. Я. Марром. Участники великих работ по переделке сознания должны овладеть этими открытиями.

Наконец, плоды борьбы нового учения о языке с индоевропеизмом должны быть использованы для дальнейшего строительства марксистско-ленинской лингвистики и вместе с тем для дальнейшей перестройки преподавания языков в нашей школе всех видов.

Новое учение о языке выросло на базе многочисленных (в том числе бесписьменных) языков. И практика этих языков должна использовать ее выводы.

Кто до сих пор не понял и не хочет понять, что индоевропеизм — это перевернутая страница истории, что по всему своему существу он чужд марксизму-ленинизму, и что, следовательно, недопустима никакая практика на его основе, тот, значит, все еще связан с буржуазным мировоззрением.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
(С КРАТКИМИ АННОТАЦИЯМИ)
НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МАРРА
(1888—1934)

составил В. АПТЕКАРЬ

1. «Природа и особенности грузинского языка» — газета «Иверия», 1888 г. (4 мая — 21 апреля), № 86 [перепечатано в ИР, т. I, стр. 14—15] (на грузинском языке).

Первая печатная работа Н. Я. Марра. Критикуя взгляды проф. А. Цагарели, он противопоставляет им свою теорию о родстве грузинского языка с семитическими.

2. Список рукописей, пожертвованных Обществу распространения грамотности М. Д. Алекси-Месхишвили — газета «Иверия», 1889 г., №№ 236, 238, 239, 240, 254 (на грузинском языке).

3. «Мудрость Балавара» грузинская версия «Душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе» — ЗВО, т. III, стр. 223—260, СПБ, 1889.

Даны сведения о памятнике древнегрузинской письменности — «Мудрость Балавара», о рукописных списках и кратком содержании его.

4. Описание персидского рукописного четвероевангелия — ЗВО, т. III, стр. 377—381, СПБ, 1889 г.

5. К вопросу о «Варлааме и Иоасафе». Из армянской географии, приписываемой Вардану — ЗВО, т. IV, стр. 395—397, СПБ, 1890 г.

Заметка филологического содержания.

6. Рецензия: «Давид и Мхер». Народное героическое сказание. Записал М. Абегянц. Шуша, 1889 г. — ЗВО, т. IV, стр. 414—417, СПБ, 1890 г. (на армянском языке).

7. Рецензия: «О витязе в барсовой коже» — журнал «Театри», 1890 г., № 12 (на грузинском языке).

8. Рецензия на книгу: «Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache von D-r S. Bugge. Christiania, 1889 г.» — Аракс, 1890 г., кн. 1, стр. 108—112 (на армянском языке).

9. Рецензия на книгу: «Армянская история Моисея Хоренского; перевел на новоармянский язык и пояснил архимандрит X. Степанэ» — Аракс, т. II, стр. 113—116, 1890 г. (на армянском языке).

10. Рецензия на статью: «Jgnazio Guidi. La cronica siriaca di Michele I. Note Miscelanee, Roma, 1889» — Аракс, т. II, стр. 116—118, 1890 г. (на армянском языке).

11. Рецензия: «Фауст Византийский. Е. М. З. Вена, 1890» — Аракс, т. II, стр. 119—122 (на армянском языке).

12. Софрон, сын Исаака, или Исаак, сын Софрона? — ЗВО, т. V, стр. 285. СПБ, 1891 г.

Мелкая филологическая заметка.

13. Этимология армянского «Cenyh» и грузинского «сене» — ЗВО, т. V, стр. 286—289, СПБ, 1891 г.

14. Рецензия на книгу: «Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. Исследование А. Томсона, магистра сравнительного языковедения. СПБ, 1890» — ЗВО, т. V, стр. 307—321, СПБ, 1896 г.

15. Из летней поездки в Армению. Заметки и извлечения из армянских рукописей. — I. Асат, переводчик «Жития Варлаама». II. Рукопись Истории М. Хоренского. III. О песнях Товелеац. IV. О духах каджах и Артавадзе. V. К алфавиту в Армении. VI. Значение Златочрева. VII. Об армянском тексте грузинских летописей. VIII. Адам и Ева. IX. Иосиф и Асанефа — ЗВО, т. IV, стр. 211—241, СПБ, 1891 г. X. Детство Христа. XI. Видение Богородицы. XII. Видение ап. Павла. XIII. Сон ап. Петра. XIV. Видение св. Григория и прения души с телом. XV. Одно стихотворение. XVI. Заключение — ЗВО, т. VI, стр. 135—228, СПБ, 1892 г.

16. Лиса и волк в западне. Из армянской книжной сказочной литературы — «Живая старина», т. IV, стр. 144—155, СПБ, 1891 г.
Перевод армянской сказки, позже вместе с текстом включенной в исследование «Сборники притч Вардана» (см. № 31).

17. По поводу слов «Кунд Арамазд», встречающихся в истории Моисея Хоренского — Аракс, 1891 г., т. II, стр. 59—60 (на армянском языке).
Филологическая заметка.

18. Рецензия: «Керопе Петровича Патканов. Биографический очерк. Составил Веселовский, СПБ, 1890 г., стр. 21 (ЗВО, т. V, стр. 243—263)» — Аракс, 1890 г., кн. II, стр. 62—63 (на армянском языке).

19. Два слова о грузинском переводе Шахнамэ — газета «Иверия», 132, 133, 135, 1891 г. (на грузинском языке).

20. Рецензия на книгу: «Три исторические хроники, изд. Е. Такайшвили, Тифлис, 1890» — ЗВО, 1892 г., т. VI, стр. 357—362.

21. Армянские рукописи Института восточных языков при министерстве иностранных дел — Handes amsorya, 1892, стр. 45—54, 80—85, 111—118 (на армянском языке).
Описание рукописей.

22. Переписка Фотия с армянским великим князем Ашотом и армянским патриархом Захариею [текст и перевод] — ПС, т. XI, вып. I, стр. 179—279, СПБ, 1892 г.

23. Список рукописей Севанского монастыря. Из летней (1890 г.) поездки в Армению — М., 1892 г., IV + 59 стр.

24. Заметки по армянскому языку — ЗВО, т. VII, стр. 73—79, СПБ, 1893 г.
Разбирается ряд вопросов армянской грамматики.

25. Имя Бут или Буд в армянской надписи VII в. по Р. Хр. — ЗВО, т. VII, стр. 322—326, СПБ, 1893 г.
Филологическая заметка.

26. Заметки о трех армянских надписях, помещенных в XIII вып. СМОК — СМОК, вып. XVII, стр. 191—197, 1893 г.

27. Древне-армянская хрестоматия с армянско-русским словарем для начинающих — СПБ, 1893 г., IV + 172 стр.

28. Новые материалы по армянской эпиграфике. Ани. Аламн. Мрен. Багаран. Ервандакерт. В Талын — ЗВО, т. VIII, стр. 69—103, СПБ, 1893 г.
Сообщаются сведения о 24 армянских надписях, найденных Н. Я. Марром в 1892 г.

29. Раскопки в [Карсской области и] Эриванской губ. — ОАК за 1892 г., СПБ, 1894 г., стр. 75—86.
Краткие сообщения о первых раскопках — разведках, проведенных Н. Я. Марром на городище Ани.

30. Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г. — ЗВО, т. VIII, стр. 344—349, СПБ, 1894 г.
Описание и перевод надгробной надписи.

31. Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы.

Часть I — Исследование, стр. XI + 594, СПБ, 1899 г.

Часть II — Текст, стр. XVI + 344, СПБ, 1893 г.

Часть III — Приложение, стр. X + 203, СПБ, 1893 г.

Магистерская диссертация, посвященная филологическому и сравнительно-литературному анализу многочисленных армянских средневековых вардановских сборников притч и сказок. «Моя задача была выяснить происхождение и развитие вардановских сборников и историю входящих в них притч в армянской литературе... Исследование имело конечно целью историю сборников, а не отдельных, входящих в их состав иносказательных статей». В первой главе исследования сравнивается армянская «Лисья книга» с арабской «Книгой лисьих притч»,во второй — притч Мхитара с вардановскими сборниками, в третьей — пространные вардановские сборники с краткими вариантами, в четвертой рассматриваются собственно вардановские притчи, в пятой наслоения в сборниках, в шестой и седьмой — жизнь и литературная деятельность армянского моралиста — проповедника Вардана Айгекского (XII—XIII вв.) и его притчи, в восьмой — армянский извод «Физиолога» и его связи с вардановскими сборниками, в девятой — «Эзоповские басни в армянской литературе», и, наконец, десятая — посвящена восточным басням и армянскому животному эпосу.

Специальная работа предназначалась Н. Я. Марром для исследования отдельных сказок, легенд, анекдотов и т. д., входящих в состав вардановских сборников.

32. О начальной истории Армении Анонима. К вопросу об источниках истории Моисея Хоренского. По поводу критических статей проф. A. Carrière — ВВ, т. I, стр. 263—306, СПБ, 1895 г.

Работа посвящена критическому анализу одного из наиболее спорных вопросов армянской историографии.

33. Персидская национальная тенденция в грузинском романе: Амирандареджаниани — ЖМНП, 1895 г., июнь, стр. 352—365.

Часть студенческой работы Н. Я. Марра о прозаических памятниках древнегрузинской литературы.

Доказывается, что грузинский роман представляет собою перевод-переделку персидского произведения.

34. Сказание о католикосе Петре и ученом Иоанне Козерне. Из материалов для истории средневековой армянской литературы. — ВЗ, стр. 9—34, СПБ, 1895 г.

Текст и исследование древне-армянской рукописи.

35. Грузинский извод сказки о трех остроумных братьях из «Русуданиани» — ВЗ, стр. 221—259, СПБ, 1895 г.

Текст, перевод и исследование грузинской версии очень широко распространенной сказки.

36. Армения [о раскопках и археологических работах 1893 г.]—ОАК за 1893 г., СПБ, 1895 г., стр. 33—36.

37. Рецензия на груз. книгу: «М. Джанашвили. Моисей Хонский и его [роман] Амирандареджаниани. Тифлис 1895 г.» ЖМНП, 1895 г., октябрь, стр. 324—328.

38. Мнимое географическое название ərostak в истории Агафангела — ЗВО, т. IX, стр. 191—197, СПБ, 1896 г.

Филологическая заметка.

39. Рецензия на армянскую книгу: «Calouste Ter-Məkərtchian, Armeniaca, I—XII, Вагаршапат, 1894» — ЗВО, т. IX, стр. 305—311, СПБ, 1896 г.

40. Рецензия на армянскую книгу: «Подлог Артемия Араратского раскрыл A[pmakəs] Е[пискон] С[едракян]», Баку, 1894 — ЗВО, т. IX, стр. 311—313, СПБ, 1896 г.

41. Житие Петра Ивера, царевича-подвижника и епископа Майумского V в. Грузинский подлинник издал, перевел и предисловием снабдил — ПС, т. XVI, вып. II, XXXIX + 125 стр., СПБ, 1896 г.

42. К вопросу о влиянии персидской литературы на грузинскую (о Вис.-Рамиани) — ЖМНП, 1896 г., март, стр. 233—237.

См. аннотацию к № 33.

43. Хитон господень в книжных легендах армян, грузин и сирийцев. — Сборник статей учеников бар. В. Р. Розена, СПБ, 1897, стр. 67—96.
Исследование ряда легенд по впервые опубликованным древним рукописям.

44. Рецензия на работу: «The Barlaam and Joasaphat Legend in the Ancient Georgian and Armenian Literature, by F. C. Conybeare. Folk-Lore, London, 1896, VII» — ЖМНП, апрель 1897 г., стр. 483—490.

45. Рецензия на армянскую книгу «Галуст Тэр-Мкртчьян (Миабан. Из источников Агафангела. Записки (ὑπομυτματα) о мученичестве Гории и Шмона, замученных в Едессе. Вагаршапат, 1896.» — ВВ, 1897 г., т. IV, вып. III и IV, стр. 667—674.

46. Рецензия на грузинскую книгу: «Мудрость Балавара, под редакцией Е. Такайшвили. Тифлис, 1895» — ЗВО, 1897 г., т. X, стр. 211—213.

47. К критике Истории Моисея Хоренского. Г. А. Халатьянц: Армянский эпос в истории Моисея Хоренского — ВВ, т. V, стр. 227—269, СПБ, 1898 г.
Подробный критический разбор исследования Халатьянца.

48. К. П. Патканов. — Биографический словарь профессоров и преподавателей СПБ Университета за истекшую третью четверть века его существования, 1896—1894, т. II, стр. 89—97, 1898 г.
Биография известного арменистa-учителя Н. Я. Марра по СПБ Университету.

49. Ани, столица Армении. Историко-географический набросок. Братская помощь пострадавшим армянам, 2-е изд., М., 1898 г., стр. 197—222.
Популярный очерк истории города Ани.

50. Армянско-грузинские материалы для истории Душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе — ЗВО, т. XI, стр. 49—78, СПБ, 1899.
Дальнейшая разработка первого исследования Н. Я. Марра о грузинской версии повести «Мудрость Балавара» (см. № 3).

51. Этимология двух терминов армянского феодального строя sepuh-* sepurh и naqarar- * naharar — ЗВО, 1899 г., т XI, стр. 165—174.

52. О предполагаемом коренном родстве трех армянских слов təmmarit, təmgrit и timt — ЗВО, 1899 г., т. XII, стр. 298—300.

53. Θovelea϶ ergq., спорный термин древне-армянского эпоса — ЗВО, 1899 г., т. XI, стр. 300—302.

54. По поводу письма проф. H. Schuchardt'a к проф. Fr. Müller'y — ЗВО, 1899 г., т. XI, стр. 302—304.
Заметка об одной грузинской надписи, неправильно разобранной и Фр. Мюллером и Г. Шухардтом.

55. Из книги царевича Баграта о грузинских переводах духовных сочинений и героической повести Дареджаниани, — ИАН, т. 1899 г., № 2, стр. 233—246.
Филологическое исследование по вопросу о переводах в древне-грузинской литературе.

56. Из поездки на Афон (о грузинских рукописях Ивера — О св. Варлааме. О древне-грузинских переводах с армянского) — ЖМНП, 1899 г., март, стр. 1—24.
Отчет о поездке на Афон в 1898 г., посвященной исследованию на материале грузинских рукописей ряда вопросов армяно-грузинской филологии.

57. К вопросу о задачах арменоведения — ЖМНП, 1899 г., июль, стр. 241—250. Перепечатано в ИРТ. I, стр. 16—23.
Речь, читанная Н. Я. Марром на диспуте перед защитой диссертации «Сборники притч Вардана».

58. Возникновение и расцвет древне-грузинской советской литературы — ЖМНП, 1899 г., декабрь, стр. 223—252.
Извлечение из студенческой выпускной работы Н. Я. Марра.

59. Армяно-сирийские словарные заметки, I — ЗВО, 1900 г., т. XIII, стр. 33—34.
Указана связь одного сирийского слова с армянским.

60. К вопросу о переводах с армянского на арабский язык — ЗВО, т. XIII, стр. 35—38, СПБ, 1900.
Филологическая заметка.

61. Ефрем Сирин. А. О днях празднования рождества. В. Об основании первых церквей в Иерусалиме. Армянский текст с сирийскими отрывками в армянской транскрипции XII—XIII в. Исследование, издание и перевод — ТР, кн. I, стр. 5—55., СПБ, 1900 г.

62. Иосиф Аримафейский. Сказание о построении первой церкви в городе Лидде. Грузинский текст по рукописям X—XI в. Исследование, издание и перевод — ТР, кн. II, стр. 5—72.

63. Краткий каталог собрания грузинских рукописей, приобретенных Имп. Публичной Библиотекой в 1896 г. — СПБ, 1900 г., стр. 13.

64. Грузинский поэт Шавтели — КВ, 1900 г., № 1, январь, стр. 100—110.

65. Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера. (I. Описание пяти пергаментных рукописей. II. Житие св. Варлаама Сирокавказского) (К вопросу о «Варлааме и Иоасафе») — ЗВО, т. XIII, стр. 1—144, СПБ, 1901 г.
Описания и исследования древне-грузинских рукописей, хранящихся в одном из афонских монастырей.

66. Ипполит. Толкование Песни Песней. Грузинский текст по рукописи X в., перевод с армянского. Исследование, перевод и издание — ТР, кн. III, стр. 6+CXIV+32+67.
Докторская диссертация Н. Я. Марра.

67. Рецензия на книгу: «Этюды по армянской диалектологии; Л. Мсерианца».— ЗВО, СПБ, 1901 г., т. 13, стр. 120—134 и ТР, СПБ, 1903 г., кн. 5, стр. 1—29.
Подробный критический разбор диссертации Л. Мсерианца, посвященной диалекту г. Муша в Турецкой Армении.

68. Рецензия: «M. Wardrop and S. O. Wardrop, Life of St. Nino (F. C Conybeare, The Armenian Version of Djouanshêr), Oxford, 1900» — ЗВО, СПБ, 1901 г., т. XIII, стр. 134—139.

69. Об единстве задач армяно-грузинской филологии — КВ, № 3, стр. 15—29, 1902 г.
В работе показана общность важнейших проблем, стоящих перед исследователями в области арменистики и грузиноведения, и обосновывается необходимость единой армяно-грузинской филологии.

70. Боги языческой Грузии по древне-грузинским источникам — ЗВО, СПБ, 1902 г., т. XIV, стр. 1—29.
Историко-филологический анализ грузинского языческого Пантеона. Выводы сводятся к утверждению, что языческая Грузия своих богов заимствовала из Ирака и Сирии.

71. Новооткрытый армянский текст «Паралипоменон» (К вопросу о переводах св. Писания на армянский язык) — КВ, № 4, 1902 г., стр. 1—18.

72. Древне-грузинские одописцы (XII в.) I. Певец Давида Строителя. II. Певец Тамары — ТР, СПБ, 1902 г., кн. 4, стр. VII+114+[170].
Исследование по древне-грузинской литературе, посвященное поэме «Абдулмессия», и одам в честь Тамары. Автором последних, как доказывает Н. Я. Марр, является Шота Руставели, а не мнимый Чахрухадзе.

73. К столетию со дня рождения М. И. Броссе — ЗВО, СПБ, 1902 г., т. XIV, стр. 73—78.
Небольшая статья о крупнейшем работнике армяно-грузинской филологии — основоположнике научного кавказоведения.

74. Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса — ЗВО, СПБ, 1902 г., т. XIV, стр. 73—78.
Заметка по вопросу об источниках истории Моисея Хоренского.

75. Эриванская губерния [о разведочных раскопках в Двине] — ОАК за 1899 г., СПБ, 1902 г., стр. 30—94.
Отчет о раскопках на месте древней армянской столицы — Двина.

76. Рецензия: «М. Джанашвили, Письменность IX—X века. Тифлис, 1891, стр. 118—136. «Учебная книга». — ВВ, 1902 г., т. IX, вып. 3 и 4, стр. 461—465.

77. Рецензия: «М. Джанашвили, Драгоценные камни, их названия и свойства (из грузинского сборника X века)» — ВВ, 1902 г., т. IX, стр. 466—469.

78. Грамматика древне-армянского языка. Этимология — СПБ, 1903 г. Капитальный труд, к сожалению, не оконченный.

79. Рецензия: «Месроп Тер-Мовсесян, История перевода библии на армянский язык» — ТР, 1903 г., кн. V, стр. 29—53.

80. Мелкие статьи: Мученичество отроков колайцев. Из «Письма Езника к Маштоцу». О святых, как помощниках и целителях. Армянская приписка XVIII в. о расстрижении и ссылке Католикоса Грузии Антония. Словарные заметки — ТР, 1903 г., кн. V, стр. 53—73.

81. Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель — ноябрь) — СПО, т. XIV, ч. 2, стр. 1—51, 1904 г.

82. Физиолог. Армяно-грузинский извод. Грузинский и армянский тексты, исследование, издание и перевод — ТР, кн. VI, стр. XVI+130, 1904 г.

83. Заметка о двух армянских надписях, найденных в Херсоне — ИАК, 1904 г., вып. 10, стр. 106—108.

84. Армянская церковь в Аруче — ИАК, вып. 12, стр. 61—64. 1904 г. Описание одного из пямятников древне-армянской архитектуры.

85. Рецензия: «А. Аннинский, Древне-армянские историки, как исторические источники, Одесса, 1898, и История армянской церкви» (до XIX в.). Кишинев. 1900—ЗВО, 1904 г., т. XV, стр. 137—150.

86. Рецензия: «Е. Такайшвили, Описание рукописей общ-ва распространения грамотности среди грузинского населения, т. I, вып. 1, Тифлис, 1902» — ЗВО 1904 г., т. XV, стр. 161—162.

87. Рецензия: Francisco Maria Esteres Pereira, Vida d. S. Gregorio, patriarcha von Abu-l-Barakat — ЗВО, 1904 г., т. XV, стр. 187.
Мелкая библиографическая заметка.

88. Рецензия: M. Riedel. Katalog der christlichen Schriften in arabischer Sprache von Abu-Barakat — ЗВО 1904 г., т. XV, стр. 187.
Мелкая библиографическая заметка.

89. Рецензия: D. H. Freiherr von Soden Bericht über die in Kubbet in Damaskus gefundenen Handschriftenfragmente — ЗВО, 1904 г., т. XV, стр. 187—188.
Мелкая библиографическая заметка.

90. Рецензия: E. von Dobschütz, Toseph von Arimathia — ЗВО, 1904 г., т. XV, стр. 188.
Мелкая библиографическая заметка.

91. Мегрельский язык — журнал «Цнобис Пурцели», 1905 г., №№ 2772—2773 (на грузинском языке).

92. Два изображения в Ани: св. Нина и царица Тамара — журнал «Цнобис Пурцели», 1905 г., № 2884 (на грузинском языке).

93. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием. Арабская версия — ЗВО, т. XVI, стр. 63—211, 1905 г.
Текст и перевод, исследование древней арабской рукописи, найденной Н. Я. Марром в библиотеке одного Синайского монастыря в 1902 г.

94. Из гурийских наблюдений и впечатлений (по поводу бакинских событий). Изд. Ал. Арабидзе, СПБ, 1905 г.
Брошюра, посвященная событиям революции 1905 г. на Кавказе. Сочувствие автора всецело на стороне большевиков.

95. История Грузии (культурно-исторический набросок). По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе — изд. «Амиран» Ал. Арабидзе, СПБ, 1906 г.
Публицистическая работа, направленная против черносотенца попа Восторгова, нападавшего на грузинскую нацию.

96. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах — ВВ, 1906 г., т. XII, №№ 1 и 2, стр. 1—68.
Историческая работа по вопросу о борьбе в средневековой Армении.

97. Рецензия А. С. Хаханов и И. А. Заозерский, «Номоканон Иоанна Постника в его редакциях грузинской, греческой и славянской» — ВВ, 1906 г., т. XII.

98. Раскопки в Ани в 1904 г. — ИАК, 1906 г., вып. 18, стр. 73—94.

99. Краткий каталог Анийского музея — Анийская серия, № 1 (на русск. и арм. яз.), 1906 г., III+32 стр.

100. Учебный план факультета восточных языков по армяно-грузинской филологии (ныне армянско-грузинскому разряду), 1906 г., 16 стр.

101. Армянские слова в грузинских Деяниях Пилата — ЗВО, 1906 г., т. XVII, стр. 24—29.
Филологическая заметка.

102. Этимология имени Мхитар и глагола mqidarel «утешать» — ЗВО, 1906, т. XVII, стр. 30—31.
Лингвистическая заметка.

103. Исторический очерк грузинской церкви с древнейших времен. К вопросу об автокефалии грузинской церкви — Ц. Вед. 1907 г., № 3, прил., стр. 107—142.

104. Деяния трех святых близнецов-мучеников Спевсипа, Еласипа и Меласипа — ЗВО, 1907 г., т. XVII, стр. 285—344.
Текст, перевод и исследование древне-грузинского агиологического памятника.

105. О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. Предварительный отчет — ТР, кн. X, IV+64 стр., 1907 г.

106. Критика на брошюру проф. прот. Буткевича, составленную по поручению II Отдела высочайше утвержденного при святейшем Синоде предсоборного присутствия. «К вопросу об автокефалии грузинской церкви», Харьков, 1906—Ц. Вед., 1907 г., № 2, прил., стр. 101—106.

107. Рецензия на доклад проф. И. И. Соколова: «Грузинская церковь в XVIII веке» — Ц. Вед. 1907 г., № 6, прил., стр. 192—203.
Три работы (№№ 103, 104 и 107) по истории грузинской церкви. Написаны в связи с обсуждением вопроса об автокефалии грузинской церкви в особом присутствии при Синоде.

108. Барон Виктор Романович Розен — С.-Петербургские ведомости, № 11 от 13 января 1908 г.
Некролог крупнейшего русского ориенталиста-арабиста, учителя Н. Я. Марра.

109. Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПБ, 1907 г., 16 стр.+XX таблиц. «Предварительное сообщение» перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 8—30 и ИР т. I, стр. 24—38.
В таблицах впервые разъяснено чрезвычайно сложное строение грузинского глагола.
В «Предварительном сообщении» сжато изложены основные положения яфетической теории, тогда еще грузиноведческого этапа развития.

110. Реестр предметов древности из VI (1907 г.) археологической кампании в Ани — Анийская серия, № 2, СПБ, 1908 г., V+64 стр.

111. Происхождение из охотничьего быта двух грузинских терминов уголовного права: gerш—i и sanaqшro — ЗВО, 1908, т. XVIII, стр. 168—171.

112. Рецензия: И. Джавахов. «Государственный строй древней Грузии и древней Армении», т. I, СПБ, 1905 — ЖМНП, май, 1908 г., 200—223.

113. Отзыв о сочинении Е. С. Такайшвили, «Описание рукописей «общ-ва распространения грамотности среди грузинского населения», т. I, вып. 1—4, Тифлис, 1902—1904. —Сб. ОПИАН за 1907 г., СПБ, 1908, стр. 176—204.

114. [Торос Тораманян] — ИАН, 1908, стр. 1107—1110.
Записка о жизни и деятельности армянского архитектора-археолога.

115. Барон В. Р. Розен и христианский Восток. Памяти барона В. Р. Розена. Прил. к XVII т. — ЗВО, 1909 г., стр. 8—30.
Обзор работ крупнейшего русского востоковеда-учителя Н Я. Марра — В. Р. Розена.

116. Яфетическое происхождение армянского слова margarey «пророк», — ИАН, 1909, стр. 1153—1158.
Первая лингвистическая работа, открывшая целую серию исследований по прослеживанию яфетических элементов в языках Армении.

117. Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабское извлечение приложил — ТР, кн. IX, 1909. VI + 82 + 66 + 66 + 12 стр.

118. Иоанн Петрицкий грузинский неоплатоник XI—XII века. — ЗВО, т. XIX, 1909 г., стр. 53—113.
Историко-филологическое исследование, посвященное жизни и деятельности грузинского средневекового философа.

119. По поводу работы архитектора Т. Торманяна: «О древнейших формах Эчмиадзинского храма» — ЗВО, т. XIX, 1909 г., стр. 52—63.
120. Новые археологические данные о постройках типа Ереруйской базилики — ЗВО, т. XIX, 1909 г., стр. 64—68.

121. К вопросу о ближайшем сродстве армянского языка с иверским — ЗВО, т. XIX, 1909 г., стр. 69—72.
Показан и исследован ряд связей армянского языка с иверской (шипящей) группой яфетических языков.

122. Яфетический K̇ в армянском языке — ЗВО, т. XIX, 1910 г., стр. 154—159.
На 11 примерах иллюстрирован и исследован факт сохранения в армянском языке элементов фонетики яфетических языков.

123. Об учреждении Анийского Археологического Института — ИАН, 1910, стр. 438—446.

124. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Руставэ. Груз. текст, русск. перевод и пояснения с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме» — ТР, СПБ, 1910, кн. XII, XI+54 стр.
Исследование по истории древне-грузинской литературы, посвященное крупнейшему ее деятелю — Шоте Руставели.

125. Из поездки в Турецкий Лазистан. Впечатления и наблюдения — ИАН, 1910 г., стр. 547—570 и 607—632.
В живой, популярной форме дано описание поездки Н. Я. Марра в страну лазов (чанов). Сообщается много разнообразных данных о языке и быте этого маленького яфетического народа.

126. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем — МЯЯ, вып. II, СПБ, 1910.
Капитальная работа, единственная в мировой литературе.

127. Камень с армянскою надписью из Ани в Азиатском музее — ИАН, 1910 г., стр. 1149—1151.
Эпиграфическая заметка.

128. Два яфетических суффикса—te(—t: → —t) в грамматике древне-армянского (hайского) языка — ИАН, 1910, стр. 1245—1250.
Работа посвящена исследованию яфетических элементов в древне-армянском языке.

129. Надпись Епифания, Католикса Грузии (из раскопок в Ани 1910 г.) — ИАН, 1910, стр. 1433—1442.
Эпиграфическое исследование.

130. Яфетическое происхождение hайского beran рот — ИАН, 1910, стр. 1491—1494.
В работе дана этимология древне-армянского слова, показывающая его яфетическое происхождение.

131. Предисловие к работе Ильи Чконии «Грузинский глоссарий» — МЯЯ, вып. I, СПБ, 1910, стр. I—III.

132. Сирийское происхождение hайск. dambaran [оссуарий;] могила: склеп — ЗВО, т. XX, 1911, стр. 64—66.
Этимология армянского слова, заимствованного из сирийского язка.

133. Яфетические элементы в языках Армении. 1. Происхождение hайских слов: e-rkın небо, e-rkaϑ жилезо, art-aϑ серебро, hariwr сто.—ИАН, 1911, стр. 137-145; II. Десибиляция яфетического начального t в hайском.—ИАН, 1911, стр. 469-474; III. К яфетическому r в hайском.—ИАН, 1912, стр. 595-600; IV. h. elıt > [elınt] elınd крапива; h. erınd телица > ard-ar крупный рогатый скот.—ИАН, 1912, стр. 831-834; V. 1) арм. tat [← *tat$^{e}/_{i}$] бабушка; h. hen-$^{e}/_{i}$ (han-ık) > han бабушка; 2) h. шıd—[<*шud—] угасание; шıd-an-em гасну, шıd-uϑ-an-em гашу.—ИАН,1913, стр. 175-181. IV. Расклинивание согласных гласными.—ИАН 1913, стр. 417-426; VII. 1) h. hegd-ul || арм. qegd-el душить; 2) h. egt растление, разрушение; 3) h. igd гадание, колдовство, h. ogerd воздаяние, подношение. — ИАН, 1914, стр. 357-364; VIII. 1) qəndoyq (<qund-oy-q) веселие, пир; 2) qəndal (<qmd-al < qund-al) радоваться, веселиться; 3) təqur (<te-qur) печальный, букв. невеселый; 4) qəraq (<qur-aq) превеселый.—ИАН, 1914, стр. 1235-1240; IX. 1) tal-el складывать, tal складка, tal-q складки; 2) haw+at-q вера, haw+as tı верный, haw + an [верование] убеждение; ham+oz-el убеждать.—ИАН, 1916, стр. 233-238. X. A. История dgow-ar > dgu-ar основы груз. mo-dgu-ar-ı [„передний“, „вождь“] „глава“ > „учитель“ B. 1) арм. a-beϑ „трут“, 2) h. and-re-w „дождь“, 3) h. hər-deh „пожар“, h. dah „пламя“ „свет“, „костер“, „факел“, „люстра“, 4) h. daw-n$^{e}/_{i}$ „подношение“, „освящение“, 5) h. deym „лицо“ и deyp [„лицо“>] „напротив“, „навстречу“ и т. п. 6) h. dew [„лицо“>] „вид“, „образ“, 7) h. ə-skəs-an-el „начинать“, i-skiz-bən „начало“, 8) h. tey-s „порядок“, „правило“, 9) h. ha-s „достигший“, „постигший“, „поспевающий“, „зрелый“ и пр. 10) h. ane-y-tq „проклятие“.—ИАН, 1918 г., стр. 307-348; XI. 1) h. borot „прокаженный“ и груз. boroti „бешеный; „гневный“; „злой“; „лукавый“; „больной“ || a) груз. a-mrız + +eb-ul-i „раз'яренный“ b) груз. braz-i „бешенство“; 2) арм. —h. qayl „шаг“ || qel-va „попирать ногами“ и груз. gwale „ходить“; 3) арм.—h. dagq-el > daq-el „удариться“ || || h. daqdaq-el „ломать“; крошить“ и h. daq+eb-a || „удариться || on-daq-u чанск.—„бить“, „колотить“; арм. taq-el- || h. tegq-el и груз. teq-a; арм. traq-el и мегр. terq || чанск. troq; 4) h. erkir paganel „бить [челом] землю“ > „поклоняться“, „целовать“ и груз. ϑav-kuanis-ϑema-y „головой землю бить“ > „поклоняться“ — ИАН, 1919, стр. 395-414.

Специальная серия исследований, посвященная прослеживанию яфетического слоя в армянских языках.

134. Еще о слове «Челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии — ЗВО, т. XX, 1911 СБП, стр. 99—151.
В работе, посвященной анализу термина «челеби», дана общая картина культурно-исторической роли курдов, и показаны их связи с другими древними народами переднеазиатского культурного мира.

135. Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст. Введение, издание, перевод с Дневником поездки в Шавшию и Кларджию — ТР, VII, СПБ, 1911, 12 + LXX + 151 + 216 стр.

Книга состоит из двух частей. В первой дано исследование замечательного памятника древней грузинской литературы, имеющего большое значение для истории; вторая часть — интереснейший, богатый содержанием дневник поездки Н. Я. Марра в Турецкую Аджарию.

136. Бог Σαβαζιος армян. Перевод с армянского. — ИАН, 1911, стр. 759—774.

В работе показано распределение по историческим эпохам hайских и армянских форм Σαβζιος в значении «бога», и вскрыто его яфетическое происхождение.

137. Где сохранилось сванское склонение? — ИАН, 1911, стр. 1199—1206.

Исследование по сравнительной грамматике яфетических языков Кавказа, посвященное вопросу о склонении.

138. Грузинские приписки греческого евангелия из Коридии — ИАН, 1911, стр. 211—240.

Филологическое исследование, снабженное рядом фототипических снимков.

139. Об армянской иллюстрированной рукописи из халкедонитской среды — ИАН, 1911, стр. 1297—1301. [Поправка к сообщению «Об армянской иллюстрированной рукописи из халкедонитской среды»] — ХВ, 1913, т. I, стр. 96.

На материале одной грузинской приписки на рукописи армянского Четвероевангелия автор показывает культурно-исторические связи грузин и армян, отложившиеся в общих языках.

140. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических — МЯЯ, V, Петерб., 1912.

Первая крупная работа Н. Я. Марра по абхазскому языку, где дано определение основных моментов его строя и отношения к другим яфетическим языкам.

141. Предисловие к работе П. Чарая «Об отношении абхазского языка к яфетическим» — МЯЯ, IV, Петербург, 1912, стр. V—VII.

142. Кавказ и памятники духовной культуры. Речь, читанная в торжественном собрании АН 29.XII.1911 г. — ИАН, 1912, стр. 69—82. Переиздано отдельной брошюрой. Изд. Армянского Института в Москве. Петроград, 1910.

В блестящей форме изложены основные положения яфетической теории, и дан краткий очерк истории кавказской культуры.

143. Арменист Халатьянц — С.-Петербургские Ведомости, № 40 от 19 февраля 1912 г.

Некролог видного ученого армениста.

144. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства — ИАН, 1912, стр. 423—432.

Ряд этимологий абхазских слов, выявляющих их связи с другими яфетическими языками.

145. История термина «абхаз» — ИАН, 1912, стр. 697—706.

Лингвистический анализ яфетического происхождения этнонимического термина.

146. Фрако-армянский Sabadios — aswat и сванское божество охоты — ИАН, 1912 стр. 827—830.

На ряде сванских материалов прослежено бытование в Свании яфетического божества.

147. Тубал-Кайнский вклад в сванском. I. täш — муж; tiшq — нога; gyantw — бузина. — ИАН, 1912, стр. 1093—1097.

Работа по сравнительной грамматике яфетических языков, посвященная анализу смешанной природы сванского языка.

148. След ἀγάπη у армян. Перевод с армянского — ХВ, 1913, т. I, стр. 41—52.

Этнографическая заметка.

149. [О] «Мире Ислама»] — ХВ, 1913, т. I, стр. 95—96.

Заметка о новом востоковедном журнале.

150. [О работе P. Peeters'a «La version géorgienne d'autobigraphie de Denys l'Aréopagite»] — ХВ, 1913, т. I, стр. 96—97.
Краткая рецензия.

151. Рецензия: К. С. Кекелидзе. «Иерусалимский канонарь VII в.» — ХВ, 1913, т. I, стр. 114—122.

152. [О һайском qaϑ, арм. qeϑ «крест»] — ХВ 1913, т. I, стр. 238.
Эпиграфическая заметка.

153. Рецензия: Гарегин Овсепян [«Образчик золотых дел мастерства в XIII в.: св. знамение монастыря Хотакерац, т. е. Травоведов»], Тифлис, 1912—ХВ, 1913, т. I, стр. 239—241.

154. Великий юбилей армянского письма и печати — ХВ, т. I, 1913 г., стр. 348—349.
Заметка о четырехсотлетии армянского книгопечатания.

155. Санаһинская скульптурная группа ктиторов — ХВ, т. I, 1913 г., стр. 350.
Мелкая заметка.

156. Фресковое изображение парона Хутлу-буги в Ахпате һarбame ХВ, 1913, т. I, стр. 350—353.
Описание фрески в Ахпатском монастыре.

157. Рецензия: P. Peeters, «De codice hiberico Bibliothecae Bodleianae Okoniensis» — ХВ, 1913, т. I, стр. 354—356.

158. Рецензия: К. С. Кекелидзе. Древне-грузинский архиератикон. Тифлис, 1912—ХВ, 1913, т. I, стр. 356—363.

159. Рецензия: P. Peeters, «Romain le Néomartyr († 1 mai 780) d'après un document géorgien» — ЗВО, 1913, т. XXI, стр. 93—103.

160. Древне-грузинский словарь к 1—2 главам евангелия Марка.— СПБ, 1913.

161. Из лингвистической поездки в Абхазию (К этнологическим вопросам).— ИАН, 1913, стр. 303—334.
В работе дано описание первой поездки Н. Я. Марра в Абхазию и краткое изложение богатых научных результатов по исследованию на месте ряда проблем абхазоведения.

162. Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 г.) — ХВ, 1913, т. I, стр. 1—36.
В работе изложены результаты работ Н. Я. Марра по сванскому языку.

163. К вопросу об аркауне — ХВ, 1913, т. II, стр. 144—145, 1913 г.
Небольшая заметка.

164. О новом списке сборника армянских церковных песнопений — ХВ, 1913, т. II, стр. 145.
Небольшая заметка.

165. К вопросу об ἀγάπη в Армении.— ХВ, 1913, т. II, стр. 145—147.
Небольшая заметка.

166. О сирийских заимствованиях в һайском — ХВ, 1913, т. II, стр. 147—149, 1913 г.
Небольшая заметка.

167. О начале христианства в Грузии — ХВ, 1913 г., т. II, стр. 149.
Небольшая заметка.

168. О грузинских церковных облачениях — ХВ, 1913 г., т. II, стр. 149.
Небольшая заметка.

169. О чудотворной грузинской иконе монастыря Бачково в Болгарии — ХВ, 1913 г., т. II, стр. 149—150.
Небольшая заметка.

170. Болгарский лицарь Асень? — ХВ, 1913, т. II, стр. 151.
Небольшая заметка.

171. Рецензия: А. А. Васильев, Карл Великий и Харун-ар-Рашид — ХВ, 1913. т. II, стр. 161—162.

172. XI Анийская археологическая кампания. Приложение к труду. Книжная история Ани и раскопки на месте городища — ТР, 1913, г., т. III, стр. 1—61.
Подробный научный отчет о раскопках в Ани в 1912 г., богато иллюстрированный.

173. Заимствование числительных в яфетических языках — ИАН, 1913, стр. 789—790.
В работе показан факт вклада тубал-кайнской речи в сванском языке.

174. Заметки по текстам св. Писания в древних переводах армян и грузин. §§1—24, 25—37, ХВ, 1913, т. II, стр. 163—174 и 263—274; §§ 38—46 — ХВ, 1915, т. III, стр. 249—262; §§ 47—84 — ХВ, 1916, т. IV, стр. 229—245.
Специальная серия исследований по вопросу о культурных связях армян и грузин, отраженных в тексте евангелия.

175. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания — ЗВО, СПБ, 1914, т. 22, стр. 31—106. (Предварительное сообщение). Введение к этой работе перепечатано в ИР, т I, стр 50—58.
Капитальный труд по исследованию клинописного новоэламского (мидского) языка. В работе показана его принадлежность к яфетическим языкам.

176. Абхазское происхождение грузинского термина родства bǐda— «дядя». — ИАН, 1914, стр. 143—146.
Работа посвящена исследованию культурных взаимодействий между яфетическими языками.

177. Эчмиадзинский фрагмент древне-грузинской версии Ветхого завета. — ХВ, 1914, т. II, стр. 378—388.
Филологическое исследование.

178. Синодик крестного монастыря в Иерусалиме. Грузинский текст с 16 палеограф. рис. — Bibliotheka Armeno-Georgica, III. V — XXVIII + 1 + 78, стр. 1914 г.
Филологическое исследование памятника древне-грузинской литературы.
179. Рецензия. М. Церетели, Sumerian and Georgian, в сборнике «Гвиргвини», 1912 г., стр. 26—117 — газета «Имерети», 1914 (на груз. языке).

180. Из абхазских личных имен — ХВ, 1914 г., т. II, стр. 400—402.
Небольшая заметка по ономастике, содержащая ряд абхазских не-христианских имен.

181. Об источнике деградации народного богаṫ arm-aϑ в грузинском среде — ХВ, т. II, стр. 402—403, 1914 г. З работе на конкретном примере термина «бог» исследуется взаимоотношение яфетических языков Кавказа.
182. К вопросу о сиринах — ХВ, 1914, т. II, стр. 404.

183. К житию и мученичеству св. Антония Раваха — ХВ, т. II, стр. 404 — 405, 1914 г.
Мелкая заметка.

184. Известная грузино-греческая рукопись — ХВ, 1914 г., т. II, стр. 405.
Мелкая заметка.

185. Сирийская версия Возражений Тимофея Элура против Халкедонского собора — ХВ, 1914 г., т. II, стр. 405—406.
Мелкая заметка.

186. «Согдийская» версия св. писания — ХВ, 1914, т. II, стр. 406—407
Мелкая заметка.

187. К датировке ктиторской надписи Текорского храма, — ХВ, 1914 г., т. III, стр. 56—71.
Эпиграфическое исследование одной из древнейших армянских надписей.

188. Один вид грузинского криптографического письма — ХВ, 1914 г,, т. III, стр. 205—207.
Мелкая заметка.

189. Аспургианы. Приложение II к статье М. И. Ростовцева «Бронзовый бюст боспорской царицы и истории Боспора в эпоху Августа» — Древности (изд. МАО), т. XXV, стр. 27—31, 1914 г.
Исследование беспорского этнического термина, сопоставленного автором с армянским термином «сепуһ».

190. О происхождении имени Анапа.— Зап. разр. военн. арх. и археограф. Русск. Военно-Исторического Об-ва, 1914 г., стр. 1—3 (отд. отт.) Перепечатано в ИР, т. V, стр. 272—273.
В работе выяснено яфетическое происхождение названия города Анапа.

191. О написании сложных слов и раскрытии титла (руководство для издателей древне-грузинских текстов), стр. 7. Пособие по армяно-грузинской филологии, I, СПБ, 1914 г.

192. К армянской надписи Санаһинского моста — ХВ, 1915, т. III, стр. 314—315.
Мелкая заметка.

193. Николай Николаевич Тихонов — газета «Кавказское слово», № 149 от 3 июля 1915 г.
Некролог одного из ближайших учеников — сотрудников Н. Я. Марра по анийским раскопкам.

194. О религиозных верованиях абхазов. К вопросу об яфетическом культе и мифологии — ХВ, Петроград, 1915, т. IV, стр. 113—140.
Исследование бытующих у абхазов яфетических религиозных верований и культа.

195. К исследованию пещер Ахпата и Санаһина — ХВ, 1915, т. IV, стр. 194—195.
Мелкая заметка.

196. Отрывок армянского пергаментного евангелия лапидарным письмом.— ХВ, т. IV, стр. 195—197.
Небольшое филологическое исследование.

197. Из памятников Джульфинского кладбища — ХВ, 1915, т. IV, стр. 198.
Мелкая заметка.

198 Епископ Карапет. Некролог — ХВ, 1915, т. IV, стр. 226—228.

199. Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum) — ИАН, 1915, стр. 769—780, 821—852, 937—950.
Исследование по сравнительной грамматике яфетических языков.

200. Халдская клинообразная надпись из села Леска, Ванского округа — ИАН, 11915, стр. 1731—1738.
Издание и анализ халдской надписи.

201. Записка о регистрации как вывезенных, так и брошенных на месте на произвол судьбы рукописей и древностей занятой нами части Турецкой Армении — ИАН, 1915, стр. 1711—1719.
В записке Н. Я. Марр поднимает вопрос о необходимости организовать охрану литературных и монументальных памятников Турецкой Армении.

202. Программа для работ С. В. Тер-Аветисяна. — ИАН, 1915, стр. 1893—1894.
Инструкция, данная С. В. Тер-Аветисяну, по организации сбора рукописей в Турецкой Армении.

203. Рецензия: И. А. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка — ЗВО, 1915 г., т. XXIII, стр. 208—216.

204. Кавказский культурный мир и Армения — ЖМНП, 1915, июнь, стр. 280—230.

Одна из итоговых работ периода кавказской ориентации, в которой дается общий очерк культурной истории яфетического мира.

205. Памятники армянского искусства. Ани. Дворцовая церковь (под ред. Н. Я. Марра), 1915 г.
Предисловие к архитектурным обмерам и чертежам замечательного памятника средневековой Армении.

206. Еще о термине qati — «образ», «подобие» — ХВ, 1916 г., т. IV, стр. 313—314.
Мелкая заметка.

207. Одна мелочь в арабской транскрипции имен в списках никеян — ХВ, 1916, т. V, стр. 51.
Мелкая заметка.

208. Рецензия. Н. Г. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, II, 1915 — ХВ, 1916, т. V, стр. 52—66.

209. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа — ИАН, 1916 г., стр. 1379—1408.
На основе лингвинистической палеонтологии племенных и топонимических названий выясняется картина постепенного переселения яфетических народов, оседавших вокруг центральной кавказской магистрали (ныне Военно-Грузинская дорога).

210. Отчет о командировке летом 1916 г. на Кавказ для охраны памятников в районе военных действий — ИАН, 1916 г., стр. 1481—1483.

211. О знаках препинания при издании древне-грузинских текстов. Пособие для работ по армяно-грузинской филологии, III, СПБ, 1916, стр. 1—12.

212. К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию — ИАН, 1916, стр. 1689—1692.
Исследование по вопросу о связях сванского и армянских языков.

213. Основные положения о Кавказском историко-археологическом институте — ИАН, 1916, прил. к прот. IX заседания ОИФ, 18. V. 1916 г.

214. Кавказоведение и абхазский язык — ЖМНП, 1916, май, стр. 1—27. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 59—78.
Лекция, читанная Н. Я. Марром в Сухуме, посвященная выяснению значения абхазского и других живых бесписьменных языков Кавказа для яфетической теории.

215. Описание Дворцовой церкви в Ани — Анийские древности, I, СПБ, 1916, стр. 1—38.
Подробное историко-архитектурное описание одного из замечательнейших памятников средневекового армянского города.

216. Программа для собирания диалектических материалов по грузинскому языку — Пособия для работ по армяно-грузинской филологии, IV, СПБ, 1916.

217. Отчет Анийского музея древностей за 1915 г. — Птг., 1917 г.

218. О вкладе христианского востока в древнерусское искусство — ХВ, 1917, т. V, стр. 221—222.
Мелкая заметка.

219. О Пицунде и постройке Юстиниана в Абхазии — ХВ, 1917, т. V, стр. 222.
Мелкая заметка.

220. Из современной арабской литературы — ХВ, 1917, т. VI, стр. 87—90.
Мелкая заметка.

221. О «Набарнугии», мирском имени Петра Ивера — ХВ, 1917, т. VI, стр. 95—97.
Мелкая заметка.

222. О транскрипции кавказских собственных имен — ХВ, 1917, т. VI, стр. 97. Мелкая заметка.

223. Непочатый источник истории Кавказского мира (из третьей лингвистической поездки в Дегестан 24 дек. — 12 янв.) — ИАН, 1917 г., стр. 307—338.
В работе доказано яфетическое происхождение дагестанских языков, главным образом аварского, и прослеживаются их взаимоотношения — грамматическое и лексическое — с яфетическими языками Южного Кавказа.

224. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема. I. Племенная среда. II. Культурная среда и эпоха — ИАН, 1917, стр. 415—446, 475—506.
Лекции, читанные автором о крупнейшем произведении средневековой грузинской литературы.

225. О Кавказском историко-археологическом институте — ИАН, 1917, стр. 962—994.
Давая обоснование необходимости организовать на Кавказе специальный научный исторический центр, автор в сжатой форме излагает всю историю кавказоведения.

226. Доклад о подготовительной деятельности к открытию Кавказского историко-археологического института — ИАН, 1917, стр. 1 000—1 006.

227. О халдском pul-i «камень», pil-i — «камень», «каменная труба», «водопровод», «канал». — ИАН, 1917, стр. 1279—1282.
В работе дан семантический анализ халдского термина.

228. Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению — ЗВО, Петр., 1917 г., т. 24, стр. 97—124.
Анализ халдских надписей, собранных И. А. Орбели в 1912 г.

229. Предисловие к работе Арсена Ониана «Сборник сванских названий деревьев и растений» (на лашхском наречии) — МЯЯ, VIII, Петроград, 1917 г., стр. III—VII.

230. Предисловие к работе Арсена Ониана «Сванские тексты на латхском наречии» — МЯЯ, IX, Петроград, 1917 г., стр. III.

231. Обломки Делибабинской халдской надписи. — ЗВО, Петр. 1917, т. 24, стр. 123—132.
Издание и анализ халдской надписи царя Менуи.

232. Отзыв о трудах Л. Г. Лопатинского — ЗВО, 1917, т. XXIV, стр. 269—274.
Обзор и оценка научной деятельности известного кавказоведа.

233. О записывании абхазских текстов — Пособия для работ по яфетическому языкознанию. I. II. 1918 г.

234. Записка о Кавказском инторико-археологическом институте — ИАН, 1918, стр. 1410—1411.

235. О деятельности Кавказского историко-археологического института — ИАН, 1918, стр. 1472—1473.

236. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков. — ИАН, 1918, стр. 1474—1490.
Обоснование проекта реорганизации Лазаревского института.

237. О Кавказском университете в Тифлисе — ИАН, 1918, стр. 1496—1516.
Рисуя общую сложную картину национально-политических отношений на Кавказе осенью 1917 г., автор обосновывает свой проект общекавказского, а не только грузинского университета в Тифлисе.

238. Записка о преобразовании специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-филологический факультет Лазаревского переднеазиатского института — П., 1918, стр. 3—16.

239. Ossetica-Japhetica I. ǎaqǒndı — осетинских сказок и яфетический термин ǎaskund „маг“, „вестник“, „вещая птица“.—ИАН, 1918, стр. 2069-2100. Дополнение к статье: ǎaqǒnd-ı осетинских сказок и яфетический термин ǎaskund „маг“, „вестник“, „вещая птица“.—ИАН, 1918, стр. 2307-1310; II. 1) ос. jä bät 'пята'; 2) ос. dur 'камень'.— ИАН, 1927, стр. 434-440.
На материале ряда осетинских терминов, в частности одного из них, фигурирующего в осетинском фольклоре, автор показывает наличие яфетического слоя в осетинском языке, определяя последний как яфетическо-индоевропейский.

240. Отчет о деятельности Кавказского историко-археологического института за 1918 г. — СПБ, 1919 г.

241. Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдырском озере.— Записки Кавказского музея. Сер. В, 1, СПБ, 1919, стр. 38.
Исследование халдской надписи.

242. О реорганизации гуманитарных факультетов первого Петроградского университета [совместно с С. А. Жебелевым] — П, 1919, стр. 19.

243. Армянский термин arq-ay [«маг» || «жрец» > «жрец» — «вождь» || «жрец — царь» > «вождь» ||] «царь» — ИАН, 1920, стр. 100—111.
Семитическое исследование армянского термина, возникшего еще в древнейшей яфетической среде.

244. Нарицательное значение термина ḫepa в «митанских» женских именах (по яфетически данным) — ИАН, 1920, стр. 121—127.
В работе дан анализ митанского термина, показывающий его яфетическое происхождение.

245. Об яфетическом происхождении баскского языка — ИАН, 1920, стр. 131—142.
Первая работа Н. Я. Марра по баскскому языку.

246. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры — МЯЯ, XI, Лейпциг, 1920. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 31—104. и ИР т. I, стр. 79—124. Немецкий перевод в серии Japhetitische Studien (вып. II). Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur (стр. 1—76) издан в 1923 г. в Лейпциге и снабжен специальным, очень важным для истории развития нового учения о языке предисловием. Перевод этого предисловия напечатан в ИР т. I, тр. 149—157.
В работе яфетические языки Кавказа увязываются с реликтовыми языками Средиземноморья, причем прослеживаются пути миграции яфетидов, а также элементы их древнейшей культуры.

247. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект) — ТКИПС, 1920, вып. III, стр. 1—64.
В работе даны различные классификации кавказских народов и статистические данные о них.

248. Фрагмент халдской надписи из Алашкерта — ИРАИМК, петр., 1920, стр. 51—60.
Анализ надписи царя Менуи.

249. Кавказ. Азиатский музей АН за 1818—1918 г. Изд. Ан, 1920, стр. 91—99.
Краткий обзор кавказоведных материалов в Азиатском Музее.

250. Надпись Русы II из Маку — ЗВО, Петр., 1921, т. 25, стр. 1—54.
Издание и анализ халдской клинописной надписи.

251. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян — ЗВО, Петр., 1921, т. 25, стр. 229—256.
В работе автор доказывает смешанность армян, в составе которых яфетические племена соединены с индоевропейцами. Выясняются тотемы армянских племен.

252. К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги» — ЗВО, 1921, т. XXV, стр. 301—336.

В результате яфетидологического анализа племенных названий автор определяет этрусков и пеласгов как яфетические, очень близкие друг к другу племена, и прослеживает пути их миграций из кавказской родины в Средиземноморье.

253. Рецензия. M. Tseretheli, «Sumerian and georgian» — ЗВО, 1921, т. XXV, стр. 453—464.

254. Ani, la ville arménien en ruines d'après les fouilles de 1892—1893 et 1904—1917. — Revue des Etudes Arméniennes, т. I, 4, стр. 395—410, 1921 г.
Общий обзор истории Ани по материалам археологических раскопок.

255. Tam-dam [«Яфетическое происхождение термина «супруг», идеограмма tam-dam]. Handes amsorya, Вена 1921, № 1—2, стр. 78—83, № 3—4, стр. 220—227. (на армянск. языке). Русский перевод, см. Я и И т. I, ИГАИМК, вып. 186, Лен., 1936, стр. 86—95.

256. tetguk — «воробей» — Hande amsorga, 1921, № 3—4, ст. 227. (на армянском языке). Русский перевод, см. Я и И т. I, ИГАИМК, вып. 186, Лен., 1936, стр. 96.
Семантический анализ халдского слова яфетического происхождения.

257. Два грузинских архитектурных термина — «ачрдил» и «балавар» — ХВ, 1922, т. VI, стр. 285—298.
Исследование по семантике яфетических языков.

258. «Трон» или «икона»? — ХВ, 1922, т. VI, стр. 321—324. Эпиграфический этюд.

259. Памяти И. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломна — ХВ, 1922, т. VI, стр. 334—340.
Некролог трех яфетидологов-учеников Н. Я. Марра.

260. О фрагменте грузинской версии «Детства Христа» — ХВ, 1922 г., т. VI, стр. 343—347.
Филологическое исследование памятника древнегрузинской повествовательной литературы.

261. Из гурийских народных преданий о постройке Зарзмского монастыря с преданиями о переселенцах из Месхии и Абхазии в Гурию — ХВ, 1922, т. VI, стр. 347—350.
В работе прослеживаются на материале гурийских преданий связи гурийцев с мегрелами и абхазами.

262. Имена Бут и Иоасаф в армянском быту — ХВ, 1922, т. VI, стр. 351—352.
Небольшая заметка.

263. Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов. — ХВ, 1922 г., т. VI, стр. 352—353.
В небольшой заметке автор показывает аналогию сванского и абхазского охотничьего языка с якутским.

264. Извлечение из сванско-русского словаря (а—з, г—ф) — МЯЯ, X, Петр., 1922 г.
Две части из неоконченного сванско-русского словаря.

265. Талыши — ТКИПС, Петр., 1922, вып. IV, стр. 24.
В работе автор рассматривает и анализирует различные моменты истории и культуры талышей и определяет их как яфетический народ.

266. Кавказские племенные названия и местные параллели — ТКИПС, Петр., 1922, вып. V, стр. 39.
Исследование по этнонимике Кавказа, составляющее продолжение работы № 247.

267. Яфетические названия красок и плодов в греческом — ИРАИМК, Петр., 1922, т. II, стр. 325—331.
В работе прослеживаются яфетидизмы в греческом языке.

268. Каппадокийцы и их двойники — ИРАИМК, т. II, стр. 332—336, 1922.

Анализ этно-и топонимики Каппадокии, выявляющий их связи с Кавказским яфетическим миром.

269. Батум. Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа, Петр., 1922, I—II + 1—63 стр.
Лекция, прочитанная в 1918 г. в связи с Брестским миром. Посвящена истории юго-запада Кавказа, в которой теснейшим образом сплетены культурные отношения армян и грузин. Политически работа направляется против националистического сепаратизма.

270. Предисловие к ЯС, т. I — ЯС, 1922, т. I, стр. I—IV.

271. Положение об Институте яфетидологических изысканий.— ЯС, 1922, т. I, стр. I—IV.

272. Du terme basque «udagara» 'loutre' [Баскский термин «udagara» «выдра» (на французском языке) — ЯС, т. I, стр. 1—30, Петр., 1922 г.
На основе яфетидологического анализа баскского термина автор показывает скрещенный характер баскского языка.

273. К вопросу об яфетидизмах в германских языках — СЯ, Петр., 1922, т. I, стр. 43—56.
Анализ этнонимики германцев, а также обозначений дерева и лошади.

274. К вопросу о яфетидизмах в албанском—ЯС, т. I, стр. 57—66, Петр., 1922.
Прослеживаются албанско-яфетические связи.

275. Термин «скиф» — ЯС, Петр., 1922, т. I, стр. 67—132. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 1—43.
Яфетидологический анализ ряда племенных названий и прослеживание миграционных движений в скифском мире.

276. 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции — ЯС, т. I, 1922 г., 133—136.
Исследование по семантике слов, обозначающих «лошадь» и «птица» в ряде языков.

277. Тармин βαδιλευς — ЯС, т. I, стр. 137—142. Петр. 1922 г.
В работе показано догреческое, яфетическое происхождение термина.

278. Яфетический подход к палеонтологии семитических языков — ЯС, Петр., 1922, т. I, стр. 143—145.
В работе показаны некоторые параллели яфетических и семитических языков и дан ряд этимологий.

279. Яфетиды. — Восток. 1922, кн. 1, стр. 81—92. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 105—123 и в ИР, т. I, стр. 125—13п. Сокращенный немецкий перевод: Die Japhetiten. — Der neue Orient, вып. 8, стр. 262—268; армянский перевод: в журнале «Норк», Эривань, 1922 г., № 2, стр. 166—172.
В популярной форме освещается история развития яфетической теории и намечается новый, социологический подход к основным проблемам общего языкознания.

280. La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la gaule Etrusques et Pélasges [«Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии — этруски и пеласги»] (на франц. яз.). Петр., 1922, АН, 7—48, стр. Перевод помещен в ИР т. I, стр. 137—148.
Яфетидологический анализ древнейшей этно-и топонимики Франции, выявляющий наличие до-кельтского в ней населения — этрусков и пелазгов.

281. Марр Н. Я. и Орбели И. А., Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван — Петр., 1922, изд. Русск. Арх. О-ва.
Важнейшая работа по исследованию капитального халдского памятника — надписи Сардура П.

282. К изучению современного грузинского языка — Петр., 1922, изд. ИЖВЯ, стр. 22.
Краткая история грузинского языка и его культурной роли среди других племенных и национальных языков Кавказа.

283. Место центральных музеев в культурном строительстве — Известия ВЦИК, 6 и 13 августа 1922 г., № 175 (1614 и 181) 1620.

Статья, посвященная актуальным вопросам музейного строительства.

284. [«Чем живет яфетическое языкознание».] Изд. ИЖВЯ, Петр., 1922 г. (на груз. яз. и в яфетидологической транскрипции). Перевод помещен в ИР т. I, стр. 158—184.

Лекция, прочитанная весной 1921 г. студентам в Париже и Берлине о современном положении, достижениях и проблемах яфетидологии. Наиболее подробно освещена средиземноморская проблема.

Грузинский текст сопровождается яфетидологической транскрипцией.

285. Предварительный отчет о командировке в пределы древней Этрурии и Баскию — ИАН, 1921, стр. 725—739.

286. [«История Грузии... изданная по грузински М. Броссе. Часть 1-я, 1-й вып. (частично), переиздание Н. Марра.] — изд. АН, 1923 I+II+200 стр.

Переиздание известного грузинского исторического памятника «Картлис-Цховреба».

287. [«Памяти моего ученика В. Терьяна (по поводу перевода «Витязя в барсовой шкуре»). Пер. с русского Калантара».] — «Норк», № 1, 1923 г., стр. 120—126 (на армянском языке). Сокращенный текст русского оригинала напечатан в журнале «Литературное Закавказье», Тифлис, 1935 г., № 2, стр. 20—32.

Некролог армянского поэта — ученика Н. Я. Марра.

288. Avant — propos к ЯС, т. II — ЯС, т. II, стр. 1 — IV, Л., 1923 г.

289. Заметка об уточнении организации занятий ЯИ — ЯС, т. II, 1923 г., стр. VIII—X.

290. Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc. [Некоторые архитектурные термины, обозначающие «свод» или «арку»] (на франц. яз.) — ЯС, т. II, стр. 137—167. Петр., 1923. Перевод напечатан в ИР, т. III, стр. 199—218.

Исследование по яфетическим переживаниям в западноевропейской терминологии и по палеонтологии семантики.

291. К толкованию имени Гомер — ДАН, 1924, стр. 2—5.

Семантическое исследование.

292. Индоевропейские языки Средиземно́морья — ДАН, 1924, стр. 6—7. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 244—245 и ИР т. I, стр. 185—186.

В этой работе Н. Я. Марр порывает со старым расовым мировоззрением индоевропеистики и переходит на позиции общественно-исторического объяснения происхождения индоевропейских языков.

293. «Север» и «мрак» «левый» от Пиренеев до Месопотамии — ДАН, 1924, стр. 8—11.

Сематическое исследование.

294. «Смерть» «преисподняя» в месопотамско-эгейском мире. — ДАН, 1924, стр. 12—14.

Семантическое исследование.

295. О «небе» как гнезде празначений — ДАН, 1924, стр. 23—26.

Семантическое исследование.

296. Из семантических дериватов «неба» — ДАН, 1924, стр. 27—28.

Семантическое исследование.

297. Яфетические переживания в классических языках и «вера» в семантическом кругу «неба» — ДАН, 1924, стр. 29—31.

Яфетидологический анализ ряда греческих терминов яфетического происхождения.

298. Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. — ИРАИМК, Лен., 1924, т. III, стр. 257—287. Перепечатано в ИР т. V, стр. 44—66.

В работе показана аналогия русской летописной легенды с армянским сказанием и вскрыты их корни, восходящие к скифской эпохе.

299. Заметки по яфетическим клинописям — ИРАИМК, Лен., 1924, т. III. стр. 288—304.

Серия небольших исследований по семантике клинописных языков.

300. Об яфетической теории — Новый Восток, Москва, 1924, кн. 5, стр. 303—339. Издано в 1924 г. также отдельной брошюрой под названием «Яфетическая теория». Изд. ВНАВ. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 190—243, и в ИР т. III, стр. 1—34.

Одна из первых обобщающих работ социологического этапа в истории развития нового учения о языке, в которой четко обрисованы новые его методологические установки и отказ от теории рас и миграций.

301. Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины «Лошадь» и «Тризна». (К вопросу о племенном происхождении Средиземноморского населения) — Лен., 1924. Изд. НКПроса Абхазии, 57 стр. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 117—152.

На материале ряда яфетидизмов в русском языке автор показывает процесс превращения яфетических языков в индоевропейские. Работа содержит много этимологий.

302. [«Искры и заметки об яфетической теории»]. Журнал «Mnatobi», 1924 г., № 5, стр. 231—237 (на грузинском языке).

Краткий очерк достижений яфетической теории.

303. Первый средиземноморский дом и его яфетические названия у греков μέγαρον у римлян ātri — um. — ИАН, 1924, стр. 225—236.

В работе вскрыты яфетидизмы в классических языках.

304. Название этрусского бога смерти Kalu (Калу) и термины «писать», «петь», «чорт», «поэт-слепец» — ИАН, 1924, стр. 183—194.

Семантическое исследование.

305. Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики — ДАН, 1924, стр. 45—46.

Анализ дериватов «неба» в шумерском языке.

306. Пережитки еще семантических групп «Небо + Вода» из шумерского языка — ДАН, 1924, стр. 63—64.

Работа посвящена семантической группе «небо + вода» и ее дериватом в шумерском языке.

307. Из яфетических пережитков в русском языке. I. «Мяч», II «Племя», III «Красный» — ДАН, 1924, стр. 65—67. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 114—116.

В работе выявлен ряд яфетидизмов в русском языке.

308. Составной характер этрусского tusurθι «девушка», «дочь» — ДАН, 1924, стр. 113—115.

На анализе этрусского слова показана неоднородность яфетического этрусского языка.

309. К вопросу о префиксовых образованиях в баскском — ДАН, 1924, стр. 159—162.

В работе прослеживаются яфетические основы баскского языка.

310. Яфетидизмы в ассирийском из семантической группы небо» ||, «гора» ||, «голова» — ДАН, 1924, стр. 163—164.

Автор приводит примеры яфетидизмов в семитическом ассирийском языке.

311. Новый абхазский алфавит — Газета «Голос трудовой абхазии», Сухум, 18, 19 и 20. IX. 1924 г., № 208/944, 209/946.

Изложение системы аналитического абхазского алфавита и ее обоснование. Весь материал полностью вошел в № 351.

312. Наука и Октябрь — «Красная газета», веч. вып. 26. XI. 124 г., № 270/660.

313. [«Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным лингвистики»]. Париж, 1925 г. (на армянском яз.). Русский перевод, см. Я и И, т. I, ИГАИМК, вып. 186, Лен., 1936, стр. 62—85.

Лекция, прочитанная армянским студентам в Париже, посвященная достижениям яфетической теории в исследовании армянского языка и культуры.

314. Предисловие к ТРКФ, т. I — ТРКФ, т. I, стр. 1—III, 1925 г.

315. Вступительная лекция в Лазаревском Переднеазиатском Институте (к читавшемуся в 1919 г. курсу «Главнейшие этапы развития культуры Кавказа») — ТРКФ, 1925 г., т. I, стр. 1—13.
В лекции дан краткий обзор истории Кавказского культурного мира.

316. О кавказской версии Библии в грузинских палимасестных фрагментах — ТРКФ, 1925 г., т. I, стр. 50—65.
Критика работы И. Джавахова о древнейших памятниках грузинского перевода Библии.

317. По поводу русского слова «сало» в древне-армянском описании хазарской трапезы VII в. (К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях) — ТРФК, Лен., 1925, т. I, стр. 66—125. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 67—113.
Историко-филологическое исследование, посвященное вопросу о кавказско-русских культурных связях.

318. Analyse nouvelle du terme Pyrénées — ДАН, 1925 г., стр. 5—8.
Яфетическая этимология термина «Пиренеи».

319. Ибер-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков — ДАН, 1925, стр. 9—10.
В работе показан скрещенный характер всех индоевропейских языков и выяснена яфетическая племенная среда их образования.

320. Les Pyrénées ou Monts Soniens — ДАН, 1925, стр. 15—18.
В работе показан скрещенный характер яфетического термина «Пиренеи».

321. К этрусцизму индоевропейского термина «дочь» — ДАН, 1925 г., стр. 46.
Автор приводит яфетические параллели к индо-европейским словам, обозначающим «дочь».

322. Чувашские слова с основой «иу» в освещении одного из положений яфетической семантики — ДАН, 1925 г., стр. 50.
В работе прослеживаются дериваты семантической группы «Небо+Вода» в чувашском языке.

323. Краеведение — изд. Асс. гор. краев. орган. Сев. Кавказа. Ленинград — Махач-Кала, 1925 г., стр. 19.
Доклад о принципах советского краеведения, читанный на Учредительном съезде горских краеведческих организаций Сев. Кавказа в г. Махач-Кале.

324. Краеведческая работа — НР, кн. 1, стр. 10—18, М., 1925.
В статье излагаются новые установки советского гуманитарного краеведения.

325. «Культурный фронт грузинского языка с точки зрения яфетической теории» — журнал «Mnaϑobi», 1925 г., № 4 (12), стр. 192—211, № 5—6 (13—14), стр. 289—328 (на грузинском языке).
В работе излагаются основные достижения яфетической теории в области изучения грузинского языка.

326. Материалы по хемшинскому наречию армянского языка — ЗКВ, 1925 г., т. I, стр. 73—80.
Диалектологические материалы.

327. Предисловие к книге Ашхацава «Очерк истории Абхазии» — Сухум, 1925. стр. III.

328. Из грузино-персидских литературных связей — ЗКВ, Лен., 1925, т. I, стр. 111—138.
В работе дан разбор ряда советских исследований по связям памятников грузинской и персидской литературы.

329. К грузинским надписям из Месхии — ЗКВ, 1925, т. I, стр. 228—232.
Эпиграфическая работа.

330. Из поездки к европейским яфетидам — ЯС, т. III, стр. 1—64, перепечатано в ПЭРЯС, стр. 124—189, 1925 г.
Богатый материалами отчет о второй заграничной командировке к баскам.

331. Postface [к ЯС, т. III] (послесловие) — ЯС, т. III, стр. 165—177 (на фр. яз.) Петр. 1925 г. Перевод помещен в ИР, т. I, стр. 189—196.

Ответ одному из французских ученых (Вандриесу), критиковавшему новое учение о языке с точки зрения индоевропеистики. В сжатой и ясной форме отмечены основные пункты расхождения старого и нового учения о языке.

332. Грамматика древнелитературного грузинского языка.— МЯЯ, т. XII, Лен., 1925.

333. Основные достижения яфетической теории. Изд-во «Буревестник», Ростов Н/Д., 1925 г. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 246—277 и ИР т. I, стр. 197—216.

После краткого очерка истории яфетической теории дан обзор основных моментов ее.

334. Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам — ИАН, 1925, стр. 951—964. Перепечатано в ИР т. V, стр. 274—287.

В отчете автор излагает результаты своей первой командировки в Волжско-камский край, вскрывает связи финнов Поволжья и Приуралья с яфетическим Кавказом.

335. Ольвия и Альба-Лонга — ИАН, стр. 663—672.

Семантический анализ яфетидизмов в классических языках.

336. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий — ИАН, 1925, стр. 673—698. Перепечатано в ИР т. V, стр. 288—308.

Яфетидологический анализ этно-и топонимики *Поволжья* и *Приуралья*.

337. Прилагательные «длинный» и «короткий» (из до-исторической семантики).— ИАН, 1925, стр. 797—812.

Семантическое исследование.

338. Отчет о командировке в Абхазию — ИАН, 1925, стр. 992—993.

Краткий отчет.

339. Сухум и Туапсе (кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья) — ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 299—310. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 153—161.

Яфетидологическая этимология двух топонимических терминов Черноморья.

340. Академия Наук и изучение народов Кавказа — «Заря Востока», 5.IX.125 г., № 969.

Очерк истории научного кавказоведения в России.

341. Будущее Академии Наук — Журн. «Огонек». Спец. номер, посвященный двухсотлетию Академии Наук, 1925 г.

Юбилейная статья.

342. К приосхождению языков — «Красная газета», веч. вып. II. X. 1925, № 247/935. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 278—283 и ИР, т. I, стр. 217—220.

Краткий общий очерк глоттогонии.

343. Язык будущего — «Вестник знания», номер, посвященный двухсотлетию Академии Наук, 1925 г.

В работе в популярной форме изложены взгляды нового учения о языке об основной тенденции глоттогонического процесса.

344. Молодежь и научные библиотеки — «Библиотечное обозрение», 1925, нк. 2, стр. 119—120.

345. Филистимляне, палестинские пеласги и расены или этруски (Из мира лошадей от Пиренеев до Малой Азии, до Руси) — Сборн. «Еврейская мысль». Лен., 1926, стр. 11—41.

В работе показаны древнейшие связи Палестины со Средиземноморским яфетическим миром.

346. Предисловие к «Восточному сборнику Публичной библиотеки» — ВС, т. I, стр. I—XVI, 1926 г.

347. Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии Восточной Европы) — ВС, Лен., 1926, т. I, стр. 123—166. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 162—190.

Обобщающая работа по абхазоведению, освещающая основные результаты яфетидологических изысканий по абхазскому языку и его связи с языками Восточной Европы.

348. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание — ВС, Лен., 1926, т. I, стр. 167—192.

В работе показаны яфетидизмы в американских и австралийских языках и развернута картина единого глоттогонического процесса.

349. Материалы к унификации библиотечной транскрипции письмен. восточных народов — ВС, т. I, стр. 193—200.

Проект аналитической транскрипции наиболее часто встречающихся в библиотечной практике восточных систем письма.

350. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике — Чебоксары, 1926, Чув. Госиздат, стр. 22. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 310—322.

В работе прослеживается яфетическая подпочва Восточной Европы и показаны многочисленные связи русского языка с яфетическими.

351. Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма) — ЛИЖВЯ. Труды яфетидологического семинария, I. Лен., 1926, стр. 5—52.

Одна из основных работ Н. Я. Марра по вопросам письма. Обоснование и объяснение аналитической системы письма.

352. К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории — ИАН, 1926, стр. 349—354.

Яфетидологический анализ сибирской топонимики, вскрывающий многочисленные яфетидизмы.

353. Разложимость мнимых примитивов, простых слов и термины для понятия «рыба» — ИАН, 1926, стр. 385—397.

В работе специально подчеркнут скрещенный характер многих слов, обозначающих понятие «рыбы», и дан их анализ по четырем лингвистическим элементам.

354. К определению племенного происхождения Георгия, сына Тамары — ИАН, 1926, стр. 473—478.

Автор показывает сложность межплеменных отношений на средневековом Кавказе.

355. Ueber die Entstehung der Sprache. — Unter dem Banner des Marxismus, Heft 3, 1926 Januar (русский текст — «О происхождении языка», ПЭРЯТ, стр. 286—335).

Помимо теории о происхождении языка из племенных криков, в этой работе освещен также ряд других важных вопросов нового учения о языке, в частности вопрос о классификации языков и др.

356. Haima «брат» || «кровь» — Сборник в честь С. А. Жебелева (рукописный), стр. 456—462, Л., 1926.

Работа полностью вошла в № 365.

357. Яфетическая теория и семантика китайского языка — ДАН, 1926, стр. 39. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 284—285.

В работе подчеркнута важность китайского языка для нового учения о языке.

358. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в достории (к увязке языкознания с историею материальной культуры) — изд. Кавказск. Историко-археологич. Института, 1926, стр. 48. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 123—151.

В работе палеонтологически разобран ряд важнейших производственных терминов.

359. Предисловие к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии» — изд. Н. И. Института этнических и национальных культур народов

Востока СССР, № 7, 1-е и 2-е (исправленное и дополненное) издания. Лен., 1926. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 221—230.
Предисловие к уже отмеченному выше «Классифицированному перечню» представляет краткий, но блестящий очерк истории нового учения о языке.

360. Пособие для изучения живого грузинского языка, вып. I,— Труды яфетического семинария ЛИЖВЯ, Л.. 1926, стр. I + VIII + 99.
Основы грамматики грузинского языка с краткой хрестоматией.

361. Русское „человек“, абх. a-owә — ДАН. 1926 г., стр. 81-84. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 187-190.

Семантическое исследование, показывающее наличие связей русского языка с абхазским.

362. Предисловие к ЯС, т. IV. — ЯС, IV, стр. V—X, Л. 1926 г.

363. Origine japhetique de la langue basque [яфетическое происхождение баскского языка] (на фр. яз.) — ЯЛ, т. I, стр. 193—260. ИЛЯЗВ, 1926.
В работе суммированы основные результаты исследований Н. Я. Марра по баскскому языку вплоть до 1926 г., к которым в тексте дан подробный предметный указатель.

364. Две новые работы Уленбека по баскскому языку — ЯЛ, т. I, стр. 261—278, Лен., 1926.
Автор критикует две работы известного голландского басковеда Уленбека и доказывает принадлежность баскского языка к яфетическим.

365. О полигении семантики («брат» и «кровь») — ИАН, 1926, стр. 781—786.
Исследование по палеонтологии семантики терминов родства.

366. Китайский язык и палеонтология речи. 1. 'Глаза' и 'слезы'. 'Глаза' космические —'солнце' и 'луна'. П. Числительное 'два' и глагол 'считать'.—ДАН, 1926, стр. 93-96; III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево'. IV. 'Рыба' ← 'вода'—ДАН. 1926 г. Стр. 109-112; V. Берская лошадь' от мо1я до моря. –ДАН, 1926, стр. 129-132.

Ряд этюдов по семантике китайского языка, выявляющих многочисленные переживания в нем яфетической стадии.

367. К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданов — ВКА, 1926, кн. 16, стр. 133—139. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 78—84.
Критики взглядов Нуаре-Богданова о происхождении языка.

368. Предисловие к сборнику статей «По этапам развития яфетической теории» (ПЭРЯТ) — изд. Инст. этнических и нац. культур народов Востока СССР, стр. I—VII, Л., 1926. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 1—5.

369. Скифский язык — 1926, ПЭРЯТ, стр. 336—387. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 191—223.
Яфетидологический анализ дошедших до нас остатков скифского языка. Автор доказывает яфетический его характер.

370. Чуваши — яфетиды на Волге.— Чебоксары, 1926, Изд. Чув. Госиздата, стр. 74. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 323—372.
Доклад, читанный в Чебоксарах, посвященный доказательству принідлежности чувашского языка к яфетическим.

371. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры — СГАИМК, Лен., 1926 г., т. I, стр. 37—70. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 35—60.
Обобщающая работа по яфетидологической палеонтологии языка, показывающая важность нового учения о языке для истории материальной культуры.

372. Не страшны землетрясения, не страшны вражеские удары — «Красная газета», веч. вып. 18.XI.1926 г., № 273/1277.

373. Le Synaxaire géorgien, réd. ancienne de l'union arm.-géorg publie et traduit d'après le manuscrit du couvent Iviron du Mont Athos. — Patrol. orient. XIX, fasc. 5. Paris, 1926 [«Грузинский синаксарий»] (на франц. языке).
Филологическое исследование.

374. Отчет о лингвистической поездке к вол.-камским народам — ИАН, 1926, стр. 1825—1832. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 373—379.

Подробный отчет о командировке к чувашам и финским народам Поволжья и Приуралья.

375. Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории) — ДАН, 1926, стр. 133—134.

Небольшая заметка о числительных вымершего языка, представленного несколькими письменными памятниками, открытыми в Центральной Азии.

376. От шумеров и хеттов к палеоазиатам (по енисейско-остяцким материалам И. В. Анучина) — ДАН, 1926, стр. 135—136.

В работе дан анализ кетского языка на Енисее и показаны его связи с яфетическими языками.

377. Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. — Изд. Академии абх. языка и литературы. Л., 1926, стр. IV+159.

378. Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории — «Книга о книге»; Лен., 1927, стр. 45—82. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 219—245.

Палеонтология семантики орудий и средств письма.

379. Из до-истории Индии и Волго-Камья по названиям городов — Вост. Записки ЛИЖВЯ, стр. 233—234, Л., 1927.

В работе дан яфетический анализ ряда топонимических терминов Индии и Волго-Камского края, показывающей их связи.

380. К пересмотру распределения шумерского словаря — ДАН, 1927, стр. 7—12.

Работа посвящена некоторым семантическим рядам в шумерском языке.

381. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении — «Краеведение», М., 1927, № 1, стр. 1—20. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 231—248.

Лекция, прочитанная рабочим в Керчи во время всесоюзной археологической конференции. Задачи яфетической теории развернуты в увязке с проблемами истории материальной культуры, краеведением и советским национальным строительством.

382. Государственная академия истории материальной культуры — НР, 1927, № 2, стр. 27—36.

Краткий очерк истории и деятельности ГАИМК.

383. Задачи секции научных работников — НР, 1927, № 2, стр. 69—73.

384. К палеонтологии речи по грузинской лексике. § 1. 'Ларец' moϑqe и 'рай' ← 'сад') sa-moϑqe [← 'дерево', resp. 'деревья' || 'лес'].—ДАН. 1927, стр. 79-82.

Исследование по палеонтологии семантики.

385. Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § 1. «Пить» ← «вода». — ДАН, 1927, стр. 82—84.

Семантический этюд.

386. К вопросу о топонимике Крыма (к его методологической постановке) — Изв. Тавр. Общ. ист. арх. и этногр., т. 58, стр. 115—118, Симферополь, 1927 г.

Яфетидологический анализ ряда топонимических терминов Крыма.

387. Секция научных работников и советская общественность — НР, 1927 г., № 3, стр. 17—23.

388. Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке (читанного в Азербайджанском Гос. Университете) — изд. Восточного факультета Азерб. Гос. Ун-та им. В. И. Ленина, Баку, 1927 г. Яфетическая теория. Общий курс учения о языке. Изд. Восточного факультета Азербайджанского Гос. Ун-та им. В. И. Ленина, Баку, 192|, стр. VIII+156.

Единственный университетский курс, напечатанный Н. Я. Марром. До настоящего времени является наиболее подробным и ценным обзором основных вопросов яфетидологии.

389. Грузинские поправки и дополнения к палеонтологии речи — ДАН, 1927, стр. 97—101.

Исследование по палеонтологии семантики.

390. Предисловие к книге Гумреци «Н. Ф. Тигранов и музыка Востока». Л., 1927, стр. VII—X.

391. Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей группы в огласовке мокша и эрзя мордовского языка — ДАН, 1927, стр. 143—147. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 380—384.
В работе исследуются взаимоотношения двух мордовских языков с точки зрения нового учения о языке.

392. Из двухэлементных абахазских слов (к встречам с чувашским) — ДАН, 1927, стр. 148—150. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 385—386.
Автор показывает связи ряда абхазских слов с чувашскими.

393. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков — «Под знаменем марксизма», 1927, ск. 6, стр. 18—60.
Критически анализируя основные положения буржуазной туркологии, автор показывает, что турецкие народы органически связаны со Средиземноморьем.

394. Предисловие к ЯС, т. V — ЯС, т. V, стр. V—XII, Л., 1927 г. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 249—253.

395. Иштарь (от богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы) — ЯС, Лен., 1927, т. V, стр. 109—178. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 307—350.
Большое специальное исследование по палеонтологии семантики древнейшего женского божества.

396. Предисловие к сборнику статей «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. V—XIII, Л., 1927 г.

397. В. Б. Томашевский как работник новой лингвистики — «Сборник статей и языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. XV—XXVIII, 1927 г.
Некролог ленинградского осетиноведа.

398. О числительных (К постановке генетического вопроса). Сборник «Языковедные проблемы по числительным», Лен, 1927, стр. 1—96. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 246—306.
Обширное исследование по палеонтологии семантики числительных.

399. «Зима || «смерть» (из палеонтологии речи) — ИАН, 1927, стр. 325—332.
Семантико-палеонтологическое исследование.

400. О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы. — ИАН, 1927, стр. 333—344.
Работа посвящена исследованию стадиальности прометеидских языков.

401. Предисловие к Известиям КИАН, т. II, стр. III — V. — Известия КИАИ, т. II, Л. 1927.

402. K. Rustha veliand — ИАН, 1927, стр. 361—368.
Ряд заметок о величайшем поэте Грузии и его поэме «Витязь в барсовой шкуре».

403. Готтентоты-средиземноморцы — ИАН, 1927, стр. 405—416.
В работе показан ряд языковых связей готтентотов с средиземноморскими народами.

404. Государственная академия истории материальной культуры — «Печать и революция». 1927, кн. 7, стр. 285—292.
В небольшой статье освещаются задачи, история и деятельность ГАИМК.

405. Булгарский язык — БЭС, кн. 8, ст. 30—32, 1827 г. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 387—388.
Общий очерк вышедшего булгарского языка Волжского края.
406. Автобиография — «Огонек», 1927, ч 271/223. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 6—13.

407. К вопросу об едином языке (предисловие к книге Э. Дрезена «За всеобщим языком»), стр. 3—9 — Гиз, М., 1928. Переиздано в Известиях ЦЕКСЭСР, март — апрель 1928 г., № 3—4, стр. 66—71.

Автор говорит об основной тенденции глоттогонического процесса и под этим углом зрения оценивает вспомогательные международные языки.

408. La langue georgienne — Revue de l'Orient chrétien, 3-e série, т. (XXVI) VI, № 1 et 2, стр. 3—21. (На франц. языке). Русский перевод см. Я. и И. т. I, ИГАИМК, вып. 186, Лен., 1936 г., стр. 28—41.
Общий очерк структуры и истории грузинского языка.

409. Из Пиренейской Гурии (к вопросу о методе) — Изв. КИАИ, 1928, т. V, стр. 1—62.
Освещен ряд методологических вопросов нового учения о языке на материале баскского языка и истории материальной культуры.

410. Задачи и методы исследовательской работы по археологии и искусствознанию — НР, авг. — сент. 1928 г., № 8/9, стр. 10—24.

411. Орудивный и исходный падеж в кабардинском и абхазском — ДАН, 1928, стр. 219—226.
Исследование по некоторым вопросам сравнительной грамматики кабардинского и абхазского языков.

412. М. Н. Покровский (к шестидесятилетию со дня рождения).— НР, 1928, октябрь, № 10, стр. 3—7.

413. Ученый-революционер. К шестидесятилетию М. Н. Покровского — Лен. Правда № 25. IX. 1928 г., № 249.

414. Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык — Лен., 1928, Изд. Ленинградского Восточного Института, стр. 68.
На абхазских материалах показано развитие ного учения о языке. Специально освещен спорный вопрос об абхазском письме. Значительное число абхазских этимологий.

415. Отчет о командировке в Баку — ИАН, 1927, стр. 1708—1710 (1928).

416. In tempore Ulutorum (Из этногонии к скиф. кельтскому вопросу), — ДАН, 1928, стр. 324—327.
Яфетидологический анализ некоторых древне-ирландских материалов.

417. Отчет о третьей лингвистической поездке за границу (19. VIII. 1927 г.— 3. III. 1928 г.)—ИАН, 1928, стр. 531—544.

418. Отчет по весенней (14 апреля — 3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию — ИАН, 1928, стр. 544—549.

419. Предисловие к сборнику «Языковедение и материализм» — изд. ИЛЯЗВ, «Прибой», Л., 1929, стр. 5—12.

420. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком.— Сборник «Языковедение и матерализм», Лен., 1929, изд. ИЛЯЗВ, «Прибой», стр. 1—56.
Обрисовав основные проблемы нового учения о языке, автор устанавливает его расхождения с индоевропеистикой и подчеркивает связь с марксизмом.

421. Абхазский язык — «Литературная энциклопедия», т. I, М., 1929, стр. 18—23.
Сжатый очерк абхазского языка в освещении нового учения о языке.

422. Привет III Всесоюзному съезду научных работников — НР, № 2, 1929, февраль, стр. 3—9.

423. Б. В. Фармаковский — СГАИМК, т. II, стр. 1—4, 1929 г.
Некролог известного русского археолога-классика — ученого секретаря ГАИМК.

424. Карфаген и Рим fas и jus — СГАИМК, II, Лен. 1929, стр. 372—415.
В работе прослеживаются лингвистические и историко-материальные связи архаического Средиземноморья. Привлечен материал берберского языка.

425. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории — Изд. Коммунистической Академии, М. 1929, стр. 9—32. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 61—77.

Обобщающий обзор основных проблем нового учения о языке. Докладу Н. Я. Марра предпослано здесь вступительное слово покойн. В. М. Фриче.

426. Суоми-карельские и сомех-картские языки — ДАН, 1929, стр. 29—33 (предварительный отчет). Перепечатано в ИР, т. V, стр. 389—392.
На материалах поездки в Карелию автор показывает связи суоми и карельского языков с армянским и грузинским.

427. Балкаро-сванское скрещение—ДАН, 1929, стр. 45—46.
В работе приведены примеры скрещения турецкого — балкарского и яфетического — сванского языков.

428. Арабский термин ḣanīf в палеонтологическом освещении. Предварительный набросок — ИАН, 1929, стр. 85—95.
Палеонтология семантики одного из арабских терминов, уходящих в доисторию.

429. Речь на открытии III Всесоюзного съезда научных работников — НР, 1929, апрель, № 4, стр. 17—20.

430. Напутствие к «Сборнику аспирантов ГАИМК», стр. 1—10, Л., 1929 г.

431. Georgische Sprache (на немецк. яз.) — Das neue Russland, 1928, вып. 5—6, стр. 35—54.
Общий очерк строя и истории грузинского языка.

432. К молодежи. По поводу смерти В. М. Фриче. — Журнал «Смена», 8. IX. 1929 г.

433. К отчету о заграничной командировке (17. III. 1920—22. VI. 1929) — ДАН, 1929, стр. 321—327.
Работа показывает связи материалов из раскопок Пазырыкского кургана на Алтае с основными положениями нового учения о языке.

434. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии — ИГАИМК, т. VI, вып. 1, Лен., 1930, стр. 36.
Яфетидологический анализ бретонского языка.
В работе освещены кроме того политическая борьба бретонского народа и угнетательская политика французской буржуазии по отношению к нацменьшинствам во Франции.

435. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории — Труды Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. II, стр. 267—292. Издано также отдельной брошюрой. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 152—179.
Доклад на Всесоюзной конференции историков-марксистов, посвященной критике индоевропейской концепции и установлению связей нового учения о языке с актуальными вопросами марксистской истории докапиталистических формаций.

436. Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по самообслуживанию мариев — Лен., 1930, Изд. Марийского научного Об-ва краеведения, стр. 42. Перепечатано в ИР, V, тр. 438—466.
Стр. 42. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 438—466.
Яфетидологический анализ основных проблем марийского языка.

437. Язык и письмо, ИГАИМК, т. VI, вып. 6, Лен., 1930, стр. 23, 2-е изд. испр. и дополненное, там же, 1931 г.
Речь на открытии выставки «Новая письменность народов СССР» в Коммунистической Академии в Москве, посвященная проблемам взаимоотношения графики и языка с общим очерком истории письма.

438. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема — изд. Ленинградского Восточ. Института. Лен., 1930, стр. 1—75. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 393.
Доклад, прочитанный чувашской аудитории в Чебоксарах. Показаны связь нового учения с актуальными проблемами языкового строительства народов СССР и важность изучения младописьменных языков для лингвистической науки. Работа содержит много материалов по чувашскому языку.
439. Яфетидология в Ленинградском Государственном университете — «Изве-

стия Ленинградского государственного университета», Лен, 1930, т. II, стр. 47—68. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 254—272.

Речь, прочитанная в юбилейном заседании ЛГУ. Дан краткий очерк истории нового учения о языке и краткий же обзор современного состояния его.

440. Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье-Красном Солнышке). Ученые записки Института Народов Востока СССР, т. II, М., 1930, стр. 1—86. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 224—271.

Показаны схождения и расхождения украинского языка с другими языками Западной Европы и Кавказа. Ряд этимологий.

441. К задачам науки на Советском Востоке—«Просвещение национальностей», 1930, № 2, стр. 11—15.

Статья посвящена освещению работы Института народов Востока в Москве.

442. Стадия мышления при возникновения глагола «быть» — ДАН, 1930, стр. 73—78. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 85—89.

Чрезвычайно важная работа по стадиальности языка.

443. Язык и письмо — «Просвещение национальностей», 1930, № 3, стр. 50.

Небольшая заметка.

444. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. — Сборник «На боевом посту», Москва, 1930, Гиз, стр. 361—384. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 180—198.

Палеонтологически выясняется на фактах языка происхождение и эволюция права собственности.

445. Готское слово guma «муж» (к увязке готов с яфетическими народами Кавказа) — ИАН, 1930, стр. 441—465.

Общий очерк готской проблемы и критика индоевропеистического разрешения ее. Ряд этимологий готских и немецких слов.

446. Основные вопросы культурного строительства в национальных областях — «Известия ЦИК СССР» 29. VII. 1930 г., № 207 (4054).

447. Яфетическая теория — орудие классовой борьбы. — «Юный пролетарий», 1930, № 17/18, стр. 19—20 (полностью включено в «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык»). См. № 459.

448. К реформе письма и грамматики — «Русский язык в советской школе», 1930, № 4, стр. 44—48.

Автор доказывает необходимость решительно изменить подход к школьному преподаванию языка, использовав достижения нового учения о языке.

449. «Место грузинского в мировой истории создания и развития языка». (на грузинском языке). Изд. АН ССР Грузии, Тифлис, 1930, стр. 3—29. Русский перевод см. Я. и И, т. I, ИГАИМК, вып. 18, Лен., 1936. стр. 42—61.

В работе автор показывает отложения различных стадий глоттогонического процесса в грузинском языке.

450. Предисловие к книге Б. Ковалевского «Страна снегов и башен — Свания» — изд. «Прибой», Л., 1930, стр. 5—9.

451. Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (к датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах).— ДАН, 1930 г., стр. 168—176. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 351—358.

Сравнивая расхождения в передаче одинаковых понятий в разных грузинских списках евангельского текста и давая им тонкое филологическое объяснение, автор делает ряд очень интересных и важных для историка выводов.

452. Предисловие к книге Леви—Брюля «Первобытное мышление» — изд. «Атеист», 1930, стр. XIV—XV.

453. Грузинский язык — БЭС, М., 1930, т. XIX, столб. 608—618.

Сжатый очерк грузинского языка в освещении яфетической теории.

454. Стихийное бедствие — «Природа и люди», 1930 г., № 30.

455. К вопросу о происхождении арабских числительных — ЗВВ, Лен., 1931, т. V, стр. 611—645.

Специальное исследование по палеонтологии числительных арабского языка.

456. В погоне за живой водой, — СГАИМК, 1931 г., № 1, стр. 2—6.

Небольшая статья о новых путях в исследовании древнейших периодов истории человечества.

457. В. В. Бартольд — СГАИМК, 1931, № 1, стр. 8—12.

Некролог известного ученого-востоковеда.

458. К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем — ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8. Лен., 1931 г., стр. 1—57.

На конкретном примере показан весь путь яфетического палеонтологического анализа, причем специально освещен целый ряд связанных с ним принципиальных вопросов.

459. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык — Ученые записки Н.-И. Института народов Советского Востока. Центр. издат., М., 1931,

стр. 1—128. Первая часть (стр. 1—27) перепечатана в ИР, т. I, стр. 273—289. Вторая часть (стр. 27—128) перепечатана в ИР, т. V, стр. 467—533.

(В первой части разбираются вопросы нового учения о языке в связи с ленинско-сталинской национальной политикой и социалистическим строительством национальной культуры народов СССР. Вторая часть посвящена анализу удмуртского языка, определению его связей с другими языками мира, месту его в глоттогонии.

460. Язык и мышление — Соцэгиз, 1931, стр. 3—64. Перепечатано в ИР, т. III, стр. 90—122.

Доклад на московской сессии АН. Выясняются взаимосвязи языка и мышления на ряде конкретных примеров.

461. Предисловие к работе М. П. Чхаидзе. «Вторая марийская яфетидологическая экспедиция» — изд. Марийск. обл. Об-ва краеведения. Л., 1931, стр. 3—6. Перепечатано в ИР, т. V, стр. 534—536.

462. Новый поворот в работе по яфетической теории — ИАН, 1931, стр. 637—682. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 312—346.

Одна из работ, написанных в связи с командировкой в Бонн (Германия). Устанавливается близость немецкого языка с кавказскими, а на этом конкретном материале показывается, что отсталые языки могут, минуя промежуточные стадии, перейти на самые высокие ступени культурного развития.

463. Вишапы — Труды ГАИМК, т. 1, Лен., 1931, стр. 9—56. (Предисловие) и 79—105 (доклад) (русск. и француз. издан.).

Работа посвящена описанию находки каменных изваяний рыб — «вишапов» и их истолкованию средствами яфетического языкознания и истории материальной культуры переднеазиатского культурного мира.

464. Яфетические языки — БСЭ, М., 1931, т. XV, столб. 827—849. Перепечатано в ИР, т. I, стр. 290—311.

Краткий, но обстоятельный очерк совершенного состояния нового учения о языке, охватывающий почти все его основные проблемы.

465. Что дает яфетическая теория истории материальной культуры?—СГАИМК, 1931, № 11—12, стр. 7—24.

В статье рассматриваются на конкретных примерах связи нового учения о языке с историей материальной культуры.

466. Больше жизни, больше здорового смеха — журнал «Стройка», декабрь 1931, № 36, стр. 15—16.

467. Предисловие к ЯС, т. VII — ЯС, т. VII, стр. 1—8, Л., 1932 г.

468. Рецензия на книгу И. И. Мещанинова — «Халдоведение». — ЯС, т. VII, стр. 190—211, Л. 1932 г.

469. К бакинской дискуссии о яфетидологии и марсизме — изд. АЗГНИИ, Баку, 1932, стр. 3—46.

Стенограмма выступления в н.-и. азербайджанском институте. Освещен ряд спорных вопросов нового учения о языке.

470. Нужно ли знать факты (мысли по осмыслению вежливых способов обращения в своевременной Персии) — Зап. ИВ АН СССР, 1932, № 1, стр. 201—211.

Небольшая работа по палеонтологии семантики.

471. Предисловие к работе И. И. Мещанинова «Язык ванских клинописей».— Труды ИЯМ, т. I, 1932 г., стр. 1—2.

472. (Совместно с Бриером) M. La lanue géorgienne [«Грузинский язык»]. Париж, 1931 г., стр. V—XVI+852 (на франц. языке).

Большой курс грузинского языка в освещении нового учения о языке, прочитанный в Парижской высшей школе живых восточных языков.

473. Предисловие к статье Д. С. Лотте «Упорядочение технической терминологии» — Социалистическая реконструкция и наука, вып. II, изд. НКТП СССР, 1932 г., стр. 139—142.

474. Предисловие к «Амран» — изд. Akademia, 1932, стр. 7—12.

475. Производящий, мыслящий и говорящий Ленинград. — Однодневная газета Лен. Дома Ученых им. А. М. Горького, «За советскую науку», 1932 г., стр. 3.

476. Вступительное слово на торжественном заседании АН СССР по поводу 40-летия литературной деятельности Максима Горького — Вестник АН СССР, 1932, № 10, стр. 6—18.

477. Язык и современность — ИГАИМК, вып. 60, Лен., 1932, стр. 3—40.

Доклад, прочитанный ленинградским педагогам о новом учении о языке и его связи с языковым строительством народов СССР.

478. Глаголы безличные, недостаточные, бытия и вспомогательные (на немецк. яз.) — ИАН, 1932, стр. 701—739.

Исследование по палеонтологии глаголов в основном на базе грузинских и немецких материалов.

479. Ленинизм — оружие советских ученых — «Красная газета», веч. вып. № 18. (3296), 21. I. 1933 г.

480. Академик С. Ф. Ольденбург — «Известия ЦИК СССР» № 42/4973, 12. II. 1933 г.

Юбилейная статья о крупнейшем советском ученом-индианисте и фольклористе.

481. Предисловие к сборнику статей «Этнография на службе классового врага» — Библ. ГАИМК, № 11, стр. 3—4, Л., 1933 г.

482. Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия — Сборник «Сергею Федоровичу Ольденбургу», изд. АН СССР, 1934, стр. 5—14. Извлечение из этой статьи напечатано в газете АН СССР «За социалистическую науку», № 2 (14) от 25 февраля 1933 г.

Речь, читанная на чествовании С. Ф. Ольденбурга в АН СССР.

483. Записка об ученых трудах Н. С. Державина. — Записки об ученых трудах д. членов АН СССР по ООН, избранных в 1931 и 1932 гг., стр. 12—15, 1933 г.

484. Записка об ученых трудах И. И. Мещанинова — Записки об ученых трудах д. членов АН СССР по ООН, избранных в 1931 и 1932 гг., стр. 12—15, 1933 г.

485. В тупике ли история материальной культуры? — ИГАИМ, вып. 67, Лен., 1933, стр. 3—149.

В работе показаны многообразные отношения истории материальной культуры с историей мышления и языком. Много этимологий.

486. Предисловие к работе Двишкариани «Хеттская проблема на базе кавказских языков» — Тифлис, 1933 г., стр. III—IV.

487. (Совместно с И. И. Мещаниновым). Гидротехническое строительство и история материальной культуры — «Гидротехническое строительство» — 1933 г., № 3—4, стр. 32.

Небольшая заметка.

488. Дружба наук — «Вечерняя Москва», № 166 (2896), 22. VII. 1933 г.

Статья о советско-турецком культурном сближении. Вошла полностью в № 502.

489. Одомашнение собаки. — «Проблема происхождения домашних животных», вып. 1. Труды лаборатории генетики АН СССР, стр. 63—76, 1933 г.

В работе освещен с точки зрения материалов нового учения о языке и истории материальной культуры вопрос об одомашнении собаки, который автор связывает с процессом становления человека.

490. Сдвиги в технике языка и мышления. — Труды ноябрьской юбилейной сессии АН СССР, стр. 518—535, 1933 г.

Юбилейная речь, освещающая успехи социалистического языкового строительства народов СССР и нового учения о языке.

491. Письмо и язык — «Письменность и революция» Сборн. 1, изд. ВЦК НА, М.—Л., 1933 г., стр. 14—25.

Доклад на пленуме Научного Совета ВЦК НА, посвященный освещению связей письма и языка, а также актуальным вопросам социалистического языкового строительства народов СССР.

492. Доистория, предистория, история и мышление — ИГАИМК, вып. 74, Лен., 1933 г., стр. 3—34.

В работе освещен ряд интересных моментов из истории развития нового учения о языке, а также показаны связи исторической науки с языкознанием.

493. Предисловие к хрестоматии «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах мышления» — ИГАИМК, вып. 75, Ленинград, 1933, стр. 3—8.

494. К истории Кавказа по данным языка — Академия Наук, Закавказский филиал, Тифлис, Зак. ГИЗ, 1933 г., стр. 16.

Доклад, посвященный международному историческому конгрессу в Варшаве, иллюстрирует роль языка как исторического источника.

495. Турция сегодня (из личных научных работ и впечатлений) — ЗКП, № 188 (1369) от 16 августа 1933 г.

Полностью вошла в № 502.

496. Notes d'un savant soviétique en Turquie — Les nouvelles soviétiques, 1933 г. № 6, стр. 17—21 (то же в немецком и английском издании этого журнала).

Полностью вошла в № 502.

497. Предисловие к сборнику «Язык и мышление», т. 1 — ЯМ, I, стр. 1—11, Академия Наук СССР, Лен., 1933.

498. К 50-летию смерти Карла Маркса — сборник «Карл Маркс и проблемы докапиталистических формаций», ИГАИМК, вып. 90, Лен., 1934 г., стр. 3—21 (перепечатано в ИГАИМК, вып. 82, Лен., 1934 г., стр. 3—22).

В работе анализируется отношение Маркса и Энгельса к проблемам языка и индоевропейскому языкознанию и разъяснен ряд вопросов семантики в свете нового учения о языке.

499. Турецкое латинизированное письмо — журнал «Строим», 1934., № 9—10, стр. 16—17.

Небольшая заметка о современном турецком латинизированном алфавите.

500. Памяти С. Ф. Ольденбурга — ПИДО, 1934., № 3, стр. 14.
Небольшая заметка, посвященная краткой характеристике акад. С. Ф. Ольденбурга.
501. [Совместно с И. М. Мещаниновым.]. Общее учение о языке и памятники материальной культуры — ПИДО, 1934 г., № 3, стр.. 15—23.
Работа выявляет роль и значение нового учения о языке для истории материальной культуры.
502. О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье — ИГАИМК, вып. 89, Лен., 1934., стр. 129.
Подробный отчет о проведенной в 1933 г. командировке в Турцию и Грецию, включающий в себя содержание читанных там некоторых лекций и богатый лингвистический и археологический материал по вопросу о средиземноморских истоках турецкого языка и культуры.
503. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища — ГАИМК, Огиз, Соцэкгиз, Ленинград, 1934., стр. XII+133+277 рисунков на VIII отдельных таблицах.
Капитальный труд, подводящий итоги многолетним раскопкам средневековой столицы Армении, проведенным автором в 1892—1917 гг.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ Н. Я. МАРРА
(20 декабря 1934 г.)

504. Из беседы с преподавателями русского языка — «Русский язык и литература в средней школе», 1935 г. № 1, стр. 3—7.
Стенограмма (неисправленная автором) беседы по вопросам языка с учителями.
505. Автобиография — ПИДО, 1935 г., № 3—4, стр. 126—130.
506. Язык — Я и И, т. I, ИГАИМК, вып. 186, Лен., 1936 г., стр. 17—27.
Лекция, читанная в Баку в 1927 г. студентам Азербайджанского Государственного университета им. В. И. Ленина, не вошедшая в состав книги «Яфетическая теория».
507. Что говорит язык по материально-культурной истории («Кокошник» и «сорока») — Я и И, т. 1, ИГАИМК, вып. 186, Лен., 1936 г., стр. 97—181.
Последняя работа, над которой Н. Я. Марр работал, посвященная анализу некоторых типов женских головных уборов. На конкретных примерах показаны роль и принципы приложения языкознания в изучении вопросов истории материальной культуры.
508. Проблема письма трех славянских языков СССР: белорусского, украинского и русского — ЯМ, III—IV, стр. 7—11, Академия Наук СССР, Лен., 1935 г.
Неоконченная работа о путях строительства графики в СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АЗГНИИ — Азербайджанский Государственный Научно-Исследовательский Институт.

АН — Академия Наук.

БЭС — Большая советская энциклопедия.

ВВ — Византийский Временник.

ВЗ — Восточные заметки.

ВКА — Всесоюзная коммунистическая академия.

ВНАВ — Всесоюзная Научная Ассоциация Востоковедения.

Восточ. зап.— Восточные записки.

ВС — Восточный сборник.

ВЦК НА — Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ДАН В — Доклады Академии Наук, серия В.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

Зап. ИВ АН — Записки Института Востоковедения Академии Наук СССР.

ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

ЗКВ — Записки Коллегии Востоковедов (АН).

ЗКП — «За коммунистическое просвещение».

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИАН — Известия Академии Наук.

ИГАИМК — Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры.

ИЛЯЗВ — Институт Сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока.

ИРАИМК — Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры.

ИРАН — Известия Российской Академии Наук.

ИР — Избранные работы акад. Н. Я. Марра.

ИЯМ — Институт языка и мышления (АН).

КИАИ — Кавказский Историко-Археологический Институт. (АН).

КИПС — Комиссия (АН) по изучению племенного состава России.

ЛВИ — Ленинградский Восточный Институт.

ЛГУ — Ленинградский Государственный Университет.

ЛИЖВЯ — Ленинградский Институт живых восточных языков.

ЛЭ — Литературная Энциклопедия.

МАО — Московское Археологическое общество.

НР — «Научный Работник».

МЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию.

ОАК — Отчеты Археологической Комиссии.

ОИФ — Отделение исторических и филологических наук (АН)

ООН АН — Отделение Общественных наук.

ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ».

ПС — Палестинский Сборник.

ПЭРЯТ — «По этапам развития яфетической теории».

СБОПИАН — Сборник отчетов о премиях и награждениях, присужденных Академией Наук.

СГАИМК — Сообщения Госуд. Акад. ист. мат. культ.

СМОК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

СПО — Сообщения Палестинского Общества.

ТКИПС — Труды комиссии по изучению племенного состава России.

ТР — Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии.

ТРКФ — Тексты и разыскания по кавказской филологии.

ХВ — Христианский Восток.

ЦВед.— Церковные ведомости.

ЯС — Яфетический сборник.

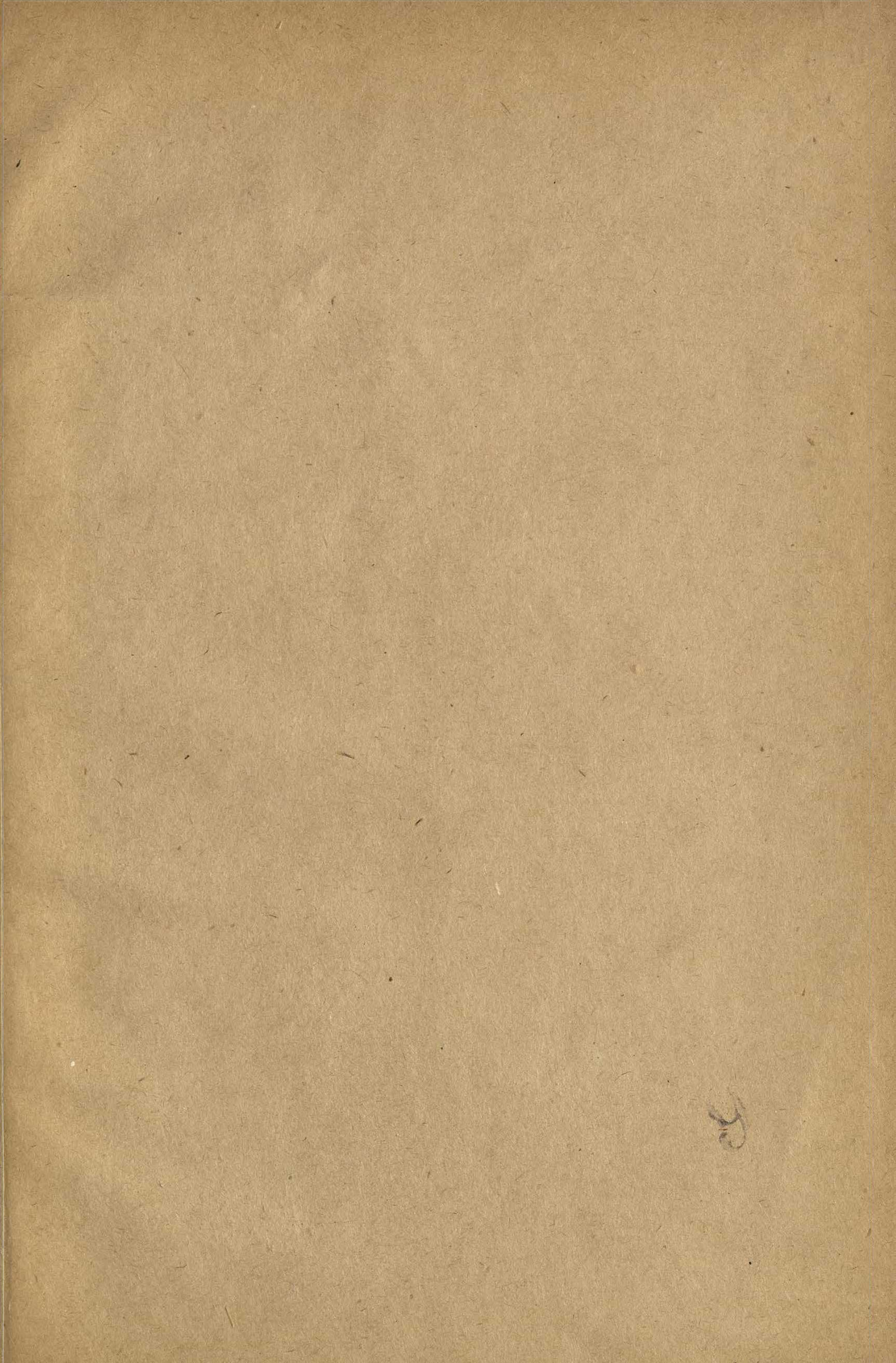
Я и И — Язык и История.

ЯМ — Язык и мышление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уполн. Главлита № Б-20138 Техред П. Карпиловский
Сдано в набор 3/I-1936 г. Подписано в печать 1/VI-36 г. Зак. 2006 13 п. л., $19^1/_4$ авт. л. Тираж 2000 экз.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Цена 7 руб.

25

2010481920